

ОШО РАДЖНИШ

ДАО: ПУТЬ БЕЗ ПУТИ

ТОМ 1

Беседа первая

ВОЛЬНАЯ СМЕРТЬ

Когда Ли-цзы закусывал на обочине дороги по пути в Вэй, он увидел столетний череп. Подняв прутик, он указал на череп и, повернувшись к своему ученику, сказал: Только он и я знаем, что ты никогда не рождался и никогда не умрешь. Он ли подлинно несчастен? Мы ли подлинно счастливы?

Я наслаждаюсь Ли-цзы, он — одно из совершеннейших выражений невыразимого. Истину нельзя выразить, невыразимость — глубинное свойство истины. Тысячи людей пытались выразить ее, но очень немногим удалось донести хотя бы ее отражение. Ли-цзы — один из этих немногих: таких, как он, очень мало.

Прежде, чем вступить в его мир, надо кое-что понять в нем... его подход. Его подход — подход художника, поэта, рассказчика, — а рассказчик он первоклассный. Когда кто-то проживает жизнь, его опыт расцветает в притчах: кажется, это самый простой способ намекнуть на то, что нельзя передать словами. Притча — это великое изобретение, она не похожа на обычную историю: ею нельзя развлечься, ее цель — сказать о чем-то, о чем иначе сказать нельзя. Жизнь нельзя вместить в теорию: она столь необъятна, столь безгранична. Теория ограничена по самой своей природе, теория неизбежно ограничена, если это только теория: она не может быть безграничной, т.к. безграничная теория бессмысленна. Притча безгранична: что-то она говорит, и все же много оставляет несказанным, — это только намек. То, о чем нельзя сказать, можно показать. Притча — это палец, указывающий на луну. Но не цепляйтесь за палец, он не так важен, — лучше взгляните на луну. Эти притчи прекрасны сами по себе, но их цель не в этом... они идут дальше, за пределы, они трансцендентальны. Если препарировать саму притчу, мало что будет понятно. Спросите у хирурга, для чего у человека пупок: если он препарирует его, то не найдет в нем ничего нужного: пупок покажется совершенно бесполезным. Зачем же нужен пупок? Он был нужен, когда ребенок был в чреве, он связывал ребенка с матерью, он связывал мать с ребенком, но ребенок уже не в утробе, мать умерла, ребенок состарился, — зачем пупок теперь?

Он указывает на то, что ребенок был когда-то в чреве матери, что ребенок был связан с матерью. Это отметина, оставленная прошлым.

Так же, как пупок указывает на нечто в прошлом, притча указывает на нечто в будущем: она указывает на возможность роста, возможность связи с существованием. Сейчас это пока еще только возможность, этого еще нет. Если препарировать притчу, она станет просто рассказом: если не препарировать, а просто впитывать ее смысл, ее поэзию, ее музыку, — забыть притчу и оставить ее смысл, вы вскоре увидите, что она указывает на будущее, на нечто, чего еще нет, но что может быть. Она трансцендентальна.

На Западе, кроме притч Иисуса, нет ничего подобного Ли-цзы, Чжуан-цзы, Будде... ничего подобного их притчам, — только Иисус. А притчи Иисуса очень похожи на восточные. Басни Эзопа — тоже отражение великой восточной книги притч, Панчатантры. Притча — изобретение Востока, изобретение огромной важности.

Итак, первое, что надо понять в Ли-цзы: он не теоретик, он не предлагает никаких теорий, он предлагает притчи.

Теорию можно препарировать: ее смысл в ней самой, в ней нет ничего трансцендентального, значение имманентно ей. Притчу нельзя препарировать: опишите ее, разберите на части, и она умрет. Смысл притчи трансцендентален, он не в ней, он далеко за ее пределами. Притчу нужно пережить, тогда можно перейти к ее смыслу. Она должна стать вашим сердцем, вашим дыханием: она должна стать вашим внутренним ритмом. Эти притчи необычайно искусны, но это не только искусство, в них сокрыта великая энергия, религия.

Ли-цзы — не теолог, он не говорит о Боге: он — говорит от Бога, но не говорит о Боге. Все, что он говорит, исходит из источника, но он не говорит об источнике: хорошо поймите это. Есть два типа людей: говорящий о Боге — теолог, и говорящий от Бога — мистик. Ли-цзы — мистик. Человек, говорящий о Боге, Бога не знает, иначе, зачем ему говорить о? Он показывает его незнание. Когда человек говорит от Бога, он испытал: тогда Бог — не теория, которую надо доказать, опровергать, — тогда Бог — сама его жизнь: это надо понять.

Чтобы понять такого человека, как Ли-цзы, надо жить подлинной жизнью: только тогда, через ваш собственный опыт, сможете почувствовать, что он говорит своими притчами. Это не значит, что вы узнаете какую-нибудь теорию и станете информированы, информация не поможет. Если эти притчи создадут в вас жажду, великое желание знать, великий голод знать, если они поведут вас в неведомое странствие, путешествие, — только тогда, только ступая по пути, вы узнаете путь.

Ли-цзы, Чжуан-цзы, Лао-цзы, три даосских мастера, говорят только о пути: дао означает путь, а о цели они не говорят вовсе. Они говорят: цель сама о себе позаботится, не стоит беспокоиться о цели. Если ты узнаешь путь, ты узнаешь цель, потому что цель — не в самом конце пути, — цель — на всем пути в каждый момент, на каждом шаге она присутствует. Это не значит, что вы, когда путь кончается, достигаете цели: каждое мгновение, где бы вы ни были, вы — у цели, если вы на верном пути. Быть на верном пути, — значит быть у цели, поэтому они не говорят о Боге, не говорят о цели, не говорят о мокше, нирване, просветлении. Их весть очень проста: Вы должны найти путь.

Но все становится гораздо сложнее, когда они добавляют: У пути нет карты. Путь не обозначен. Путь нельзя найти, следуя за кем-то. Путь не похож на столбовую дорогу; путь больше похож на полет птицы в небе, она не оставляет следов за собой. Птица пролетела, но не осталось никаких следов, никто не может по ним следовать, поэтому путь — это путь без пути. Путь есть, но это путь без пути, он не известен заранее: нельзя просто решить идти по нему, — его надо найти. И найти его надо по-своему, ничей чужой путь не подойдет. Прошел Будда, прошел Лао-цзы, прошел Иисус, но эти пути не помогут: вы не Иисус, не Лао-цзы: вы — это вы, уникальная индивидуальность. Только в том случае, если вы идете, если живете своей жизнью, вы найдете путь, — нечто необычайно ценное.

Вот почему даосизм — неорганизованная религия: для него организованность неприемлема. Это религия органическая, но не организованная. Можно стать даосом, если просто жить своей жизнью: подлинно, спонтанно.

Если у вас есть мужество устремиться в неизвестное самому, индивидуально, ни на кого не опираясь, ни за кем не следуя, просто выходя в темную ночь, не зная, достигните вы чего-нибудь или погибнете. Риск остается, это опасно, даже если у вас есть мужество.

Христианство, индуизм, мусульманство — столбовые дороги: и никакого риска, вы просто идете за другими, идете вместе с толпой.

В Дао приходится идти одному, приходится быть одному; Дао уважает индивидуальность, но не общество; Дао уважает индивидуальность, но не толпу; Дао уважает свободу, но не конформизм, у Дао нет традиций; Дао — это бунт, величайший из всех возможных.

Вот почему я называю Дао путь без пути. Это путь, но не такой, как другие, его черты неповторимы: это свобода, это анархия, это хаос. Дао говорит: Если ты налагаешь на себя учение, ты раб. Учение должно возникнуть из понимания, тогда ты — Мастер. Налагая порядок на свою жизнь, вы только создаете видимость порядка: в глубинах вашего существа остается беспорядок; на поверхности будет порядок, а в глубинах все не так. Так ничего не получится: подлинный порядок приходит не снаружи, а из глубочайшей сердцевины вашего существа. Допустите беспорядок, не подавляйте его, встретьте его лицом к лицу, примите его вызов; если вы примете вызов беспорядка, переживете его, в вас возникает порядок. Этот порядок возникает из хаоса не по каким-то образцам. Это совсем другое: он родился в вас и он свеж, нетрадиционен, действителен, он пришел не из вторых рук. Принимая Бога Иисуса, вы становитесь христианином; принимая Бога Кришну, вы становитесь индуистом, принимая Бога Магомета — мусульманином. Но пока вы не найдете своего Бога, — говорит Дао, — вы не на пути.

Так что все эти пути только отвлекают вас от настоящего Пути. Следуя за другими, вы уклоняетесь. Следуя любому образцу жизни, вы становитесь слугой. Следуя любому образу, вы заключаете себя в тюрьму. А Бог, или Дао, или Дхарма, или истина возможны только для того, кто абсолютно свободен, кто свободен при любых условиях.

Конечно, свобода опасна, в ней нет никакой безопасности, никакой защищенности. Велика защищенность в следовании за толпой; толпа защищает, в самом присутствии такого количества людей — защита от одиночества. Из-за этой защищенности вы теряете себя, из-за этой защищенности вы не стараетесь искать сами, не стараетесь стремиться сами, не стараетесь спрашивать сами. А истину нельзя найти, пока вы сами не мучаетесь вопросом, пока вопрошание не исходит от вас самих. Если вы принимаете заимствованную истину, вы многое узнаете, но узнать — не значит познать.

Если ты нагружен накопленными знаниями, священными текстами, традициями, — ты живешь псевдожизнью, тогда ты не живешь на самом деле, а только притворяешься, что живешь. Ты делаешь пустые, бессодержательные движения, в твоей жизни нет интенсивности, нет страсти. В ней не может быть страсти, страсть возникает только тогда, когда ты двигаешься сам, один, в необъятном небе существования.

Почему ты не можешь идти один? Потому что не доверяешь жизни. Ты идешь с мусульманами, индусами, евреями, потому что не веришь жизни, а веришь только толпе. Чтобы идти одному, нужна великая вера в жизнь... надо доверять деревьям, рекам, небу, вечности всего, — надо доверять всему этому, а вы верите человеческим концепциям, человеческим системам, человеческим учениям. Как человеческие учения могут быть верными?

Человек создал учения просто для того, чтобы скрыть, что он не знает, скрыть, что он невежда. Человек хитер, умен, он может создавать рационализации, но эти рациональные решения — подделки, с ними нельзя пройти в истину, их надо отбросить. Барьер для истины не невежество, а знание — говорит Дао.

Позвольте рассказать вам несколько анекдотов.

В великом творении Самуэля Беккета В ожидании Годо есть такой эпизод. Подумайте о нем. На сцене двое бродяг: Владимир и Эстрагон. Они ждут, ждут, как ждет всякий в этом мире, и никто точно не знает, чего он ждет. Каждый ждет, каждый надеется: что-то должно произойти, если не случилось сегодня, случится завтра. Таков ум человека: сегодняшней день теряется, но есть надежда, что завтра что-то может произойти. И эти двое бродяг сидят под деревом и ждут... ждут Годо.

Никто точно не знает, кто такой Годо. Но звучание похоже на слово Бог (God), но только по звучанию. На самом деле все боги, которых вы ждете, — это Годо. Вы их создали, потому что

человеку нужно чего-то ждать, — как иначе вынести существование? Для чего? Как иначе можно украсить жизнь? Как вам надеяться? Жизнь станет невыносимой, невозможной, если ничего не ждать. Один ждет денег, другой власти, третий просветления, кто-то еще чего-нибудь, но каждый ждет, а ждущий — это упускающий. Эти двое бродяг просто ждут. Они ждут прихода человека, Годо, который, как они полагают, накормит их и даст прибежище, а пока они стараются убить время на разговорчики, шуточки, игры, мелкие ссоры.

Это есть и ваша жизнь: пока что все занимаются пустяками. Великое должно случиться завтра. Годо придет завтра, а сегодня ссорятся жена с мужем, муж с женой. Пустяки, разговорчики, шуточки, игры...

Делать нечего — припев, повторяющийся снова и снова... Снова и снова они говорят: Делать нечего, а потом утешают себя, но завтра он придет. На самом деле он им ничего не обещал, они никогда его не видели — это все придуманное. Приходится придумывать; в несчастье приходится придумывать завтра и что-то еще, за что можно зацепиться. Ваши боги и небеса, ваш рай, ваша мокша, — все это придумано. Дао не говорит об этом. Пьеса Беккета В ожидании Годо близка к сущности Дао. ...В середине первого акта на сцену врываются двое неизвестных — Позо и Лука. Позо, по-видимому, богат и ведет Луку на веревке, чтобы продать на ближайшем рынке. Позо расписывает бродягам достоинства Луки, самое важное из которых то, что он умеет думать. Для демонстрации Позо дергает за веревку и командует: думай!, после чего следует длинный теоретический монолог, состоящий из выражающихся в хаотической спешке отрывках из теологии, науки, спорта, классического образования и пустопорожней эрудиции; это продолжается до тех пор, пока все трое не наваливаются на него и не заставляют замолчать.

Что такое ваше мышление? Что вы имеете в виду, говоря я думаю? Это — бессвязный монолог из обрывков теологии, науки и пустопорожней эрудиции, звучащий до тех пор, пока не придет смерть и не заставит вас замолчать. Что такое все ваше мышление? О чем вы можете думать? О чем вообще можно думать? И как можно думая, достигнуть истины? Мышление не может принести истину, истина — это переживание, а переживание приходит, когда мышления уже нет.

И Дао говорит: Теология не поможет. Философия не поможет, логика не поможет, разумные размышления не помогут. Можно продолжать думать и думать, но все будет лишь придуманным, всего лишь придуманным человеком, чтобы скрыть свою глупость. А тут широкое поле деятельности, слушать можно без конца: один сон переходит в другой, а этот другой — в третий... сон во сне — вот что такое вся философия и теология.

Слышал я даосскую притчу. Некто из страны Чень собирал однажды хворост, как вдруг встретил оленя ослепительной красоты, он погнался за оленем и убил его. Боясь, что кто-нибудь его увидит, он поспешно спрятал оленя в яме и прикрыл листьями подорожника, ликуя и радуясь своей удаче. Но вскоре он забыл место, где спрятал оленя, думая, что все это ему приснилось, он отправился домой, бормоча что-то под нос по поводу случившегося.

Тем временем рядом случился человек, подслушавший его бормотание; следуя его словам, он пошел и нашел оленя. Вернувшись, он сказал жене: Дровосеку приснилось, что он припрятал оленя, но не знал, где именно, а я нашел оленя, значит, его сон не был действительностью.

Это ты спал, — отвечала жена, — и тебе приснился дровосек. Убил ли он оленя? И есть ли вообще такой человек? Это ты убил оленя, иначе как бы сон стал действительностью?

Да, ты права, — согласился муж. — Это я убил оленя, поэтому не так уж важно, дровосеку ли приснился олень или мне приснился дровосек.

Когда дровосек вернулся домой, то стал досадовать о потерянном олене, и ночью ему приснилось место, где был спрятан олень, и тот, кто унес его. Утром он отправился на виденное во сне место: все подтвердилось. Он предпринял шаги, чтобы вернуть свое имущество в законном порядке; по окончании слушания дела судья вынес следующее решение: Истец начал с подлинного оленя и мнимого сна. Далее он заявляет о подлинном сне и мнимом олене. Ответчик подлинно овладел оленем, который приснился, но по его словам, — олень приснился истцу, и теперь ответчик пытается удержать добычу. Согласно

же мнения его жены, и олень, и сам дровосек — только часть его сна, поэтому оленя не убивал никто. Все же поскольку убитый олень лежит перед вами, то вам ничего не остается, как поделить его между собой.

Когда император государства Чень услышал об этом происшествии, он воскликнул: Судье, верно, самому приснилось все это дело.

Сон во сне... так и крутится ум. Раз вы начали спать, то сну нет конца; а то, что вы называете думать, лучше назвать грезить, это не мышление. Помните, для истины не надо думать, ее нужно пережить. Когда вы видите солнце и свет, вы не думаете о них, вы их видите. Беря в руку розу, вы не думаете о ней, вы ее видите, вы вдыхаете ее аромат, а не думаете о нем. Я здесь, — смотрите на меня, нет нужды обо мне думать.

Всегда, когда вы близки к реальности, в мышлении нет нужды, - тогда достаточно реальности, достаточно переживания. Вы думаете, когда далеки от реальности, вы заменяете реальность мыслями. Сытно поевшему человеку не приснится ночью, что его пригласили на ужин, сексуально удовлетворенному не станут сниться сексуальные объекты. В этом психоанализ Фрейда: вам снится то, чего не хватает в жизни, ваш сон служит компенсацией, заменой. Таков же подход Дао. То, что Фрейд говорит о мыслях и снах, Дао говорит о мышлении как таковом, ведь сон — только вид мышления.

Мысли — это сон в словах. Сон — это мысли в картинках, вот и вся разница. Сновидения — примитивный способ мышления, а мысли, - более развитый, более цивилизованный, более культурный, более интеллектуальный, но на самом деле это одно и то же, только картинки заменены словами, это стало еще дальше от реальности, реальность ближе к картинкам, чем к словам.

Ли-цзы — не мыслитель, хорошо это поймите, это поможет вам понять его притчи. Ли-цзы — не мыслитель, а поэт; поэтом я называю того, кто верит переживанию, а не рассуждениям. Поэт в поиске, в поиске красоты, но красота — это проблеск истины. Истина, когда она сверкает вам всего мгновение, воспринимается как красота. Когда истина познана полностью, то красоту познают только как проявление истины. Когда истина видна сквозь занавес, туман, - это красота; обнаженная красота — это истина.

Так что разница между поэтом и мистиком не так уж велика: поэт - подошедший близко, мистик — достигший. У поэта только проблески истины; у мистика истина стала его жизнью. Поэт лишь иногда переносится в мир истины, а затем падает обратно, у мистика истина стала его пристанищем, он живет там, он живет там как истина.

Поэт ближе всего подходит к религии. Мыслители, философы, логики, богословы, ученые — очень далеко. Их подход словесный. Подход поэта более экзистенциальный, подход мистика экзистенциален, он абсолютно экзистенциален.

Дао — значит быть на пути и жить так, чтобы не быть отличным от пути. Существование едино. Мы не отделены от него. Отделение, идея отделения, весьма иллюзорна. Мы соединены вместе, мы единое целое, мы не острова, а единый континент. Вы во мне, а я в вас, вы в деревьях; это взаимосвязанное целое.

Басе говорит об этом: Это подобно огромной паутине. Вы замечали? Дотроньтесь пальцем до паутины в любом месте, и вся паутина задрожит, завибрирует: целое вибрирует. Троньте лист на дереве, и вы заставите звезды вибрировать вместе с ним. Может, сейчас вы еще этого не видите, но все так глубоко связано, что невозможно не коснуться звезд, дотронувшись до листа, до маленького листика на дереве.

Целое едино, отдельность невозможна. Сама идея отдельности — барьер. Идея отдельности — это то, что мы называем я. Если вы с я, вы не в Пути, вы не с Дао. Когда я отброшено, вы в Дао. Дао означает, что жизнь — это часть безграничного целого, а не вся жизнь, как отдельная сущность.

Нас, как правило, учат жить как отдельную сущность; нас учат иметь отдельную волю. Ко мне приходят и спрашивают: Как мне развить силу воли? Дао против воли, Дао против силы воли; Дао за целое, а не за часть, когда часть существует в целом, в гармонии. Когда часть начинает быть сама по себе, все становится дисгармоничным — это диссонанс, конфликт, сумбур. Если вы не растворены в целом, наступает неразбериха. Если не произошло слияние

с целым, сумбур неизбежен. Как только вы не с целым, вы несчастны.

Определим счастье так: быть с целым — значит быть счастливым. Быть с целым — значит быть и здоровым. Быть с целым — значит быть целым, значит быть святым. Быть отдельно — значит быть нездоровым. Быть отдельно — значит быть невротиком. Быть отдельно значит отпасть от благодати.

Падение человека не в послушании Бога, падение — от мысли, что он есть; падение человека от мысли, что он — отдельная сущность. Глупо: вас не могло бы быть, если бы не было ваших родителей, и родителей ваших родителей, и родителей, родителей, родителей..., так до Адама и Евы. Если бы не было Адама и Евы, не было бы и вас, так что вы связаны со всем прошедшим. Но Адам и Ева только миф. У прошедшего нет начала, не может быть никакого начала, сама идея начала абсурдна. Как это все могло вдруг начаться? Процесс происходящего безначален. Вы связаны со всем прошедшим, и вы связаны со всем будущим, без вас будущее было бы другим. Пусть вы никто и ничто, но вы оставите свой след. Все будущее, все вечное будущее приобретает особое качество оттого, что были вы.

Может быть, вы жили только семьдесят лет и в эти семьдесят лет сознательно существовали только семь секунд, но все равно вы оставили след; целое уже не может оставаться прежним. Если бы вас не было, все было бы по-другому; все будет по-другому уже оттого, что вы были. Вы останетесь. Может быть, вы не сделали ничего особенного, ничего большого и великого; обычная жизнь, но все же вы повлияли на судьбу всего существующего.

Прошлое, будущее, — вы связаны с ними, это измерение времени, а в пространстве вы связаны со всем. Эти деревья, солнце, луна, звезды... вы связаны со всем. Если из существующего уйдет солнце или просто остынет, как должно случиться однажды, потому что его энергия ежедневно расточается... некоторые ученые считают, что оно остынет уже через четыре тысячи лет; четыре тысячи или сорок тысяч, или четыре миллиона — неважно, когда-нибудь солнце остынет, а как только солнце остынет, мы тут же замерзнем, мы потеряем жизнь потому, что для жизни нужно тепло. Так что солнце просто дает нам жизнь. И запомните: в жизни нет ни одного одностороннего процесса, не бывает. Получение и отдача — все дороги ведут в обе стороны. Если солнце дает вам жизнь, значит и вы даете солнцу жизнь тем или иным способом.

Вот почему Гурджиев говорил ученикам, что луна питается людьми. Весьма возможно: вы питаетесь животными, животные питаются травой, — все есть чья-то пища, так почему полагать человека исключением? Гурджиев тут в чем-то прав: все есть чья-то пища, почему же человек должен быть единственным исключением и не служить пищей для кого-то? Это невозможно, ведь все связано. И он придумал прекрасную теорию, что человек — пища для луны: луна питается человеком, человеческим сознанием.

И правда: полнолуние лишает людей рассудка, сумасшедших зовут лунатиками. Океан выходит из берегов; возможно и человек выходит из берегов в ночь полнолуния, — ведь человек на девяносто процентов состоит из воды, причем такой же, как в океане, поэтому, когда океан выходит из берегов, что-то должно происходить и с вашим телом, в котором девяносто процентов океана — что-то тоже должно происходить, выходить из берегов. В ночь полнолуния поэты пишут прекрасные стихи, влюбленные впадают в романтику. Известно, что в ночь полнолуния сходят с ума чаще, чем в любую другую.

Гурджиев прав, говоря, что луна питается нашим сознанием. Может быть, это просто вымысел, но во всяком вымысле есть доля правды, а когда придумывает такой человек, как Гурджиев, в этом должна быть некая правда.

Все связано. Мы едим, нас едят; где-то берем, где-то отдаем. Вот мы едим яблоко, но когда-нибудь яблоня будет есть нас, мы станем удобрением. Надкусывая яблоко, мы не думаем, что вместе с яблоком едим своего дедушку или бабушку, а когда-нибудь наши дети будут есть нас.

Все связано со всем. Эту связанность и означает слово Дао — связь, взаимосвязь, взаимозависимость всего. Никто не отделим, абсурдно говорить я. Только целое может сказать я, части не могут говорить я. Можно употреблять это как лингвистическую форму, но не утверждать, что я есть.

Будучи отдельно от всего существующего, ваше бытие несчастно; вы оборвали связь, и никто в этом не виноват, кроме вас. Понаблюдайте, что происходит с вами, когда вы счастливы: у вас нет я. В эти мгновения счастья, радости, благодати, я внезапно исчезает, вы более растворены в целом, границы менее ясны, они размыты. Когда границы совершенно размыты, — так бывает, когда река исчезает в океане, — когда границы смыты, вы едины, пульсируя со всем целым — это и есть счастье.

Говорят, что когда-то жил один царь. У него было все, чего можно желать: богатство, власть, даже здоровье. У него была жена и дети, которых он любил, но не было счастья. Печальный и недовольный сидел он на троне.

Это естественно: чем больше у вас этого мира, тем меньше у вас счастья, потому что чем больше у вас этого мира, тем сильнее становится ваше я, — более отвердевшим, а отсюда несчастье. Поэтому что-то не слышно о счастливых царях, разве что очень редко. Не случайно, что Будда и Махавира оставили свои царства и стали нищими и, став нищими, воскликнули: Теперь мы стали императорами, — они стали счастливыми.

Санньясин — это тот, кто познал путь Дао. Он говорит: Меня больше нет, есть только целое. В этом смысл сказанного Иисусом: Блаженны нищие духом, ибо их царство небесное. Нищий духом — это тот, у кого нет я; такой нищий, что у него нет даже мысли о я, но с другой стороны — он богаче всех. Вот почему Иисус говорит: Последний из вас станет первым в Царствии Небесном. Самый бедный станет самым богатым. Учтите, бедный не означает материальное положение, бедный — это тот, кого нет. Становясь ничем, вы становитесь частью целого. Царь, должно быть, был очень несчастен, т.к. он сказал:

Я должен быть очень счастлив. Позвали царского врача. Я хочу быть счастлив, — сказал царь. — Сделай меня счастливым, и я сделаю тебя богатым, а если не сделаешь меня счастливым, я отрублю тебе голову.

Врач призадумался: что делать? Как сделать кого-то счастливым? Никто не знает - как, никому никогда не удавалось сделать счастливым кого-то другого, но царь обезумел, он может убить. Я должен подумать, государь, — ответил медик, — и заглянуть в древние тексты. Я приду к вам завтра утром. Он продумал всю ночь и наутро нашел решение: все очень просто.

Он перерыл множество книг, но в медицинской литературе ничего не говорилось о счастье. Задача была трудной, но, наконец, он придумал и описал требуемое средство. Ваше величество, — сказал он, - нужно достать рубашку счастливого человека, тогда у вас будет счастье. И вы узнаете, что это такое. Простое средство — найти рубашку счастливого человека и носить.

Услышав это, царь обрадовался: так просто? Он велел первому министру: Иди, найди счастливого человека и принеси его рубашку как можно скорее.

Министр вышел. Прежде всего, он отправился к самому богатому человеку и попросил у него рубашку, но тот ответил: Можешь взять сколько угодно рубашек, но я не назову себя счастливым. Рубашек бери, сколько хочешь, но я сам несчастлив и тоже пошлю своих слуг искать счастливого человека и его рубашку. Благодарю за твое средство.

Министр обошел множество людей, но никто не был счастлив. Каждый изъявил свою готовность: Чтобы царь был счастлив, мы отдадим жизнь, что там рубашку! Мы отдадим свои жизни, но мы несчастливы, наши рубашки не подойдут.

Министр очень расстроился: что же делать? Теперь вина на нем, а врач ловко выкрутился; министр почувствовал себя очень несчастным. Но кто-то сказал ему: Не печалься, я знаю счастливого человека. Может и ты когда-нибудь слышал: по ночам он сидит и играет на флейте прямо на берегу реки. Ты, должно быть, слышал его.

Да, — ответил министр, — иногда посреди ночи я бывал очарован звуками. Кто этот человек? Как найти его?

Мы придем ночью и найдем его. Он бывает здесь каждую ночь.

И вот они пришли ночью. Человек играл на флейте, и было так хорошо, удивительно хорошо. Звуки были исполнены такой благодарности, что министр почувствовал себя совершенно счастливым. О! — воскликнул он, — я нашел того, кто мне нужен.

Ты счастлив? — спросил министр.

Да, — ответил он, — я счастлив. Я и есть счастье. Что вам угодно?

Министр заплясал от радости. О, мне нужна всего лишь твоя рубашка!

Но человек ничего не ответил. Почему ты молчишь? Дай свою рубашку, она нужна царю.

Это невозможно; у меня нет никакой рубашки. Темно и ты не видишь, но я сижу совершенно голый. Я бы отдал рубашку, я бы отдал жизнь, но у меня нет никакой рубашки.

Отчего же ты счастлив? — спросил министр. — Как же ты тогда счастлив?

В тот день, когда я потерял все — рубашку и все остальное, — я стал счастливым... В тот день, когда я потерял все. На самом деле у меня нет ничего, у меня нет даже себя самого. Не я играю на этой флейте, целое играет через меня. Меня нет, я никто, ничто...

В этом смысл слов нищий духом: тот, у кого ничего нет, кто ничего не знает, кто и есть ничто. Когда ты ничто, ты становишься всем, — говорит Дао. — Раствори себя, и ты станешь целым. Утверждай, что ты есть и ты станешь несчастным.

Этому Дао, этому погружению в целое, этому исчезновению в космосе невозможно выучить. Этому можно научиться, но научить невозможно, поэтому Ли-цзы и других Мастеров Дао ни о чем не просят, и не о чем просить. Они говорят притчами. Можно послушать притчу и если услышать ее по-настоящему, то что-то... что-то откроется в вас, так что все зависит от того, как вы слушаете. Сам Ли-цзы много пробыл со своим учителем, просто тихо сидя, ничего не делая, просто учась быть тихим, учась быть восприимчивым, учась быть женственным, — так становятся учеником. И знайте: нет учителей, есть только ученики. Поэтому нельзя научить, нельзя назвать их учителями. Вас не может научить Будда, вас не может научить Лао-цзы, зачем же называть их учителями? Но если есть ученик, он учится.

Так что учитель не тот, кто вас учит; учитель тот, в чьем присутствии вы можете учиться. Почувствуйте разницу: учитель не тот, кто вас учит — учить нечему; учитель тот, в чьем присутствии вы можете учиться.

Ищущий пришел к суфийскому мистика Джалаледдину Руми и сказал: Согласишься ли учить меня, учитель?

Джалаледдин посмотрел на него и сказал: Позволишь ли ты мне учить?

Как же я не позволю тебе учить? — спросил тот. — Я пришел, чтобы учиться.

Дело в том, что это самое главное: позволишь ли ты мне учить, — ответил Джалаледдин, — иначе я не могу учить, ведь на самом деле учить невозможно, возможно только учиться. Если ты позволишь, учение расцветет.

Ли-цзы пробыл со своим учителем многие годы, просто сидя, молча, ничего не делая, лишь становясь, все пассивнее и пассивнее. И пришел день, когда молчание его стало полным; ни малейшего дуновения мысли во всем его существе, ни шороха. Полное присутствие всей его энергии — резервуар, спокойное озеро, ни ряби, ни ветерка, — и он понял.

Это случилось в единое мгновение. Истина — не процесс, это событие. Она постоянна, не нужно времени, чтобы свершиться. Если и нужно время, то только для вас, потому что вы не можете замолчать прямо сейчас. Она всегда приходит в молчании.

Что же случается в молчании? Когда вы молчите, вас нет; границы растворяются, вы едины с целым.

В чем же роль учителя? Его роль только в том, чтобы быть рядом с вами, чтобы вы могли ощутить того, кто ощутил целое. Он может стать средним путем. Вам трудно ощутить целое; вы слишком заполнены своим я. С тем, кто свободен от я, в ком свободно струится Бог, кто струится вместе с Богом, струится с его энергией... просто рядом с ним, сидя молча, ожидая, — однажды вы переполнитесь.

С вашего позволения, я расскажу вам одну даосскую историю.

Ученик сказал Лао-цзы: Учитель, я пришел.

Если ты говоришь, что пришел, — ответил Лао-цзы, — ты, наверняка, еще не пришел.

Ученик ждал еще несколько месяцев и однажды воскликнул:

Вы были правы, мастер, теперь оно пришло!

Прежде он сказал: Я пришел, и мастер отменил это. Затем, через несколько месяцев, он внезапно раскрылся и сказал: Оно пришло.

Лао-цзы взглянул на него с великой любовью и участием и потрепал по голове: Теперь все в порядке, расскажи, что произошло. Теперь я с удовольствием послушаю, что случилось?

До того дня, как вы сказали: Если говоришь, что пришел, то, наверное, не пришел, я прилагал усилия, я делал все, что мог и старался изо всех сил. В день, когда вы сказали: Если ты говоришь, что пришел, ты, наверняка, не пришел, до меня дошло. Как я могу достигнуть? Я — это барьер, и оно должно уступить дорогу.

Оно может прийти, даже даосы называют это оно, не называют он, не называют она, не говорят Бог-отец, не называют никаким личным именем, а просто говорят оно. Оно безлично, это имя целого, оно значит Дао.

Дао достигло, — сказал он. — Оно пришло лишь тогда, когда меня не стало.

Расскажи другим ситуацию, в которой это произошло, — попросил Лао-цзы, и тот ответил: Я могу сказать только, что я не был хорошим, не был плохим, не был грешником, не был святым, не был ни тем, ни этим, я не был, чем бы то ни было, когда оно пришло. Я был лишь пассивностью, глубочайшей пассивностью, лишь дверью открытой. Я даже не звал, ведь и зов бы шел с моей подписью. Я даже не звал... Честно говоря, я совершенно забыл о нем, я просто сидел, я даже не стремился, не рвался, не горел. Меня не было, — и внезапно оно переполнило меня.

Так и бывает: оно может прийти к вам, только если вы становитесь все пассивнее и пассивнее. Дао — путь женственности. Другие религии агрессивны, с более мужской ориентацией. Дао более женственно. Помните: истина приходит только тогда, когда вы в женственности, в женственном состоянии сознания, — иначе не бывает. Истину нельзя завоевывать, это глупость: глупо думать, что можно завоевать истину. Часть завоевывает целое! Часть может только позволить, часть может только попустить, принять.

Принятие это произойдет только, если вы сделаете следующее: перестанете цепляться за знание, перестанете цепляться за философии, учения, догматы. Перестанете цепляться за организованные церковью религии, иначе вы останетесь при ложных взглядах, и эти ложные взгляды не позволят войти истине в вас.

Есть прекрасная притча...

Вдоль всего плетня, окружавшего птичий двор, расселись ласточки, беспокойно щебеча друг с другом, говоря о многом, но, думая только о лете и юге, потому что осень стояла уже у порога, ожидался северный ветер.

Однажды они улетели навсегда, и все заговорили о ласточках и о юге. Пожалуй, я сама слетаю на следующий год, на юг, — сказала курица.

И вот минул год, ласточки вернулись, минул год и они снова расселись на плетне, а весь птичник обсуждал предстоящее отбытие курицы.

Ранним утром подул северный ветер, ласточки разом взлетели и, паря в небе, почувствовали, как ветер наполняет их крылья; к ним пришла сила, странное древнее знание и нечто большее, чем человеческая вера. Высоко взлетев, они оставили дым наших городов.

Ветер, пожалуй, подходящий, — сказала курица, распрямила крылья и выбежала из птичника. Хлопая крыльями, она выскочила на дорогу, сбежала вниз по насыпи и попала в сад.

К вечеру, тяжело задыхаясь, она вернулась обратно и рассказывала обитателям птичника, как летала на юг, до самого шоссе, и видела величайший в мире поток машин, мчащихся мимо. Она была в землях, где растет картофель и видела питающие людей злаки. И, наконец, она попала в сад, в нем были розы, прекрасные розы, и там был садовник.

Потрясающе, — сказал весь птичий двор, — и как живописно рассказано!

Прошла зима, прошли тяжелые зимние месяцы, занялась весна нового года, и опять вернулись ласточки.

Но птичий двор ни за что не соглашался, что на юге — море. Послушайте нашу курицу! — говорили они.

Курица теперь стала адептом, она-то знала, что и как там, на юге, хотя она даже не ушла из городка, просто перешла дорогу.

Интеллект — такая же курица... ему не уйти далеко, и как только курица что-то узнает, это

сразу же становится помехой, препятствием.

Отбросьте интеллект, вы ничего не потеряете. Оставайтесь с интеллектом — потеряете все... Отбросьте интеллект — вы потеряете только темную камеру, свою неправду; отбросьте интеллект и внезапно ваше сознание воспарит высоко, обретет свои крылья... вы полетите на крайний юг, к открытому морю, от которого вы все. Интеллект — обуза для человека.

И последнее, прежде чем углубиться в притчу: Дао начинается со смерти. Почему? Есть что-то знаменательное в таком начале. Если вы понимаете смерть, — говорит Дао, — вы понимаете все, потому что в смерти ваши границы размоет; в смерти вы исчезнете; в смерти я будет отброшено; в смерти ума больше не будет; в смерти будет отброшено все несущественное и останется только существенное.

Если вы понимаете смерть, вы поймете Дао, поймете, что такое путь без пути, потому что религия — это тоже путь смерти, любовь - тоже путь смерти, молитва — тоже путь смерти. Медитация — это великая смерть. Смерть — величайшее явление, это кульминация жизни, крещендо, высочайший пик. Вы знаете только один пик - пик секса, но это маленький пик в Гималаях. Да, это пик, но самый маленький; смерть — пик величайший.

Секс — это рождение, это начало Гималаев, низина. В самом начале вершина невозможна; постепенно пики поднимаются все выше и выше, и, наконец, доходят до предела. Смерть — это вершина, а секс — в самом начале.

Между сексом и смертью проходит вся жизнь.

Психология Запада начинает с понимания секса, психология Востока, психология Будды начинает с понимания смерти. Понимать секс — самое начало, понять смерть — это все.

Поняв смерть, можно умереть в сознании. Если вы умрете сознательно, то не родитесь вновь, — больше не нужно; вы поняли урок, вас больше не бросят назад, снова и снова, в колесо жизни и смерти. Вы научились, вы поняли, — вас больше не нужно снова посылать в школу, вы превзошли. Если вы не познали смысл смерти, вам придется вернуться назад. Жизнь — это ситуация для того, чтобы познать, что такое смерть.

Когда Ли-цзы закусывал на обочине дороги по пути в Вэй, он увидел столетний череп. Подняв прутик, он указал на череп и, повернувшись к своему ученику, сказал: Только он и я знаем, что ты никогда не рождался и никогда не умрешь. Он ли подлинно несчастен? Мы ли подлинно сейчас живы?

Таинственная фраза, шифр, который надо раскрыть. Только он и я знаем, — говорит Ли-цзы, указывая на череп, пролежавший сотню лет, — что ты никогда не рождался и никогда не умрешь. Почему он сказал только он и я? Хозяин черепа умер не вольной смертью, Ли-цзы умер вольной смертью; оба умерли. Ли-цзы умер через медитацию. Ли-цзы умер, потому что он больше не я, потому что он больше не отделен от целого, потому что его больше нет. Это настоящая смерть, более глубокая, чем смерть черепа. Понял ли смерть человек, чей череп пролежал тут больше ста лет? Уверенности нет: может понял, может нет. Ли-цзы понял и познал, его смерть сознательна, но он воспользовался ситуацией. Притча пользуется ситуацией. Рядом сидел его ученик, тут же был череп, Ли-цзы указал на него: Только он и я знаем, что ты никогда не рождался и никогда не умрешь.

Кто умирает, кто рождается? Я рождается и я умирает. В глубине, где я больше нет, вы никогда не рождаетесь и никогда не умираете. Вы вечны, вы — вечность, вы — суть, самая основа этого существования, ее важнейший субстрат, — как вы можете умереть? Но я рождается и я умирает.

Вы никогда не рождались и никогда не можете умереть, но как познать это? Может быть подождать, когда придет смерть? Это очень рискованно: если вы прожили бессознательно всю свою жизнь, то невелика вероятность, что вы станете сознательным, будучи при смерти. Это невозможно: вся ваша жизнь прошла бессознательно, вы и умрете бессознательно, вы не сможете перенести смерть осознанно. Вы умрете в коме и не сможете наблюдать и видеть, что происходит. Вы не смогли даже увидеть жизнь, как же вы сможете увидеть смерть? Смерть еще тоньше.

Если вы на самом деле хотите знать, то начните сознавать, начните пробуждаться, живите сознательно, учитесь осознанности, накаляйте сознание, станьте великим пламенем

сознания, тогда в момент, когда придет смерть, вы сможете стать ее наблюдателем, сможете увидеть и понять: Тело умирает, я умирает, но я не умираю, я — наблюдающий. Этот наблюдающий и есть самая сердцевина существования, этот наблюдающий и есть то, что другие религии называют Богом и то, что Ли-цзы и Чжуан-цзы называют Дао: знающий, познающий

элемент, сознание, понимание, пробужденность.

Начните жить сознательной жизнью, делайте все, что делаете, но делайте так, как если бы вы были наблюдателем происходящего: смотрите, молчаливо продолжайте наблюдать, не теряйтесь в происходящем, оставайтесь пробужденным, оставайтесь вне. Начните с малого: когда вы идете на улице, едите, принимаете ванну, жмете другу руку, говорите, слушаете, — все самое будничное, — сохраняйте пробужденность.

Снова и снова вы будете терять ее, снова и снова будете забывать, но вновь ухватывайтесь за нить, вновь находите, вновь вспоминайте. Это то, что Будда называет памятованием (букв. полнота сознания), Гурджиев — самоприпоминанием.

Продолжайте помнить, что вы — наблюдатель. Вначале это мучительно трудно, потому что мы долго спали: мы проспали много жизней, мы так привыкли ко сну, мы метафизически похрапываем. Это трудно, но если вы попытаетесь, постепенно луч пробуждения проникает в ваше существо. Это возможно, трудно, но возможно, не невозможно. Это самое ценное в жизни.

Только он и я знаем, что ты никогда не рождался и никог да не умрешь.

Я знаю, что вы никогда не умрете, потому что никогда не рождались, но вы этого не знаете. Мое знание вам не поможет; вам это надо узнать самим, это должно стать вашим пониманием, — светом, льющимся в небе.

Он ли подлинно несчастен? Мы ли подлинно счастливы и вы?

Теперь он спрашивает ученика: Кто же счастлив, тот, кто жив, или тот, кто мертв? Кто подлинно несчастлив: мертвый или живой? И кто подлинно счастлив? Он оставляет вопрос нерешенным. Это коан, предмет медитации для ученика.

Притча ничего не сообщает, она внезапно обрывается, теперь ученику надо над ней потрудиться, теперь ему время медитировать, он должен понять смерть, жизнь, любовь, все самое главное. И он должен подумать над тем, кто же счастлив? Счастливы только оттого, что живы? Нет: весь мир в таком убожестве. Так что одно ясно несомненно: человек необязательно счастлив только оттого, что жив; быть живым еще не достаточно для счастья; для счастья нужно что-то еще. Жизнь плюс сознание — тогда возникает счастье: ведь в познании, в свете сознания исчезнет темнота я.

Теперь, когда к жизни прибавится сознание, происходят великие события. Первое: исчезает я и вместе с я исчезает смерть, — ведь умирает только я, ведь это оно родилось. Вместе с я исчезнет рождение, исчезнет смерть; вместе с я исчезнет отдельность от существования.

В этом смысл распятия: распинается я. Когда Иисус распинается, рождается Христос, — в этом смысл воскресения. По одну сторону — распятие, по другую — воскресение.

Умрите — если хотите жить на самом деле; это истина парадоксальная, но огромной важности — это абсолютная величина. Такие, как вы есть, вы не живы и не мертвы, вы висите посередине, а значит — в убожестве, напряжении, страдании. Вы расщеплены: не мертвые и не живые. Или будьте полностью живы и тогда узнаете, что такое жизнь; или будьте полностью мертвы, тогда тоже полностью узнаете, что такое жизнь, потому что полнота открывает двери Дао.

Будьте полны. Тот, кто спит, не может быть полон ни в чем. Вот вы едите, но вы не полностью здесь, вы думаете о сотне вещей, вы механически насыщаетесь. Даже в постели с любимой или любимым вы не полностью присутствуете здесь, быть может, вы наслаждаетесь со своей женой и думаете о другой женщине или думаете о покупках, о ценах, о том, что ныне все так дорого, — сотни мыслей, а вы наслаждаетесь только механически.

Будьте полными в своих поступках, и если вы полны, вы все поймете, а без понимания никто не полон.

Быть полным — значит не иметь никаких других посторонних мыслей: если едите, то просто

едите, вы полностью здесь и сейчас. Вы весь — в еде, вы не только насыщаетесь, вы наслаждаетесь: тело, ум, душа — все сонастроено, когда вы едите, — струится гармония, глубинный ритм установился между тремя уровнями вашего существа. Тогда еда становится медитацией, ходьба становится медитацией, несение воды из колодца становится медитацией, приготовление еды становится медитацией. Будничное и незначительное преобразуется, все становится лучезарным действием, и каждое действие становится столь полным, что имеет достоинство Дао.

Вы уже не сами действуете, когда вы полны, — тогда действует Бог или действует эта полнота, а вы — просто колесико, средство. Но стать этим средством — высшая благодать, высшее благословение.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Насколько соответствует Дао, включающее дисциплину внешнего выражения, облагораживанию подсознания?

ОТВЕТ: Дао не знает никакой дисциплины. Дао спонтанно, лишено усилий. Всякая дисциплина неестественна, это ее свойство. Деревья и реки, звери и звезды не знают ни о какой дисциплине. Дисциплину создали люди, из-за дисциплины человек становится расщепленным: одна часть пытается командовать другой, так создается раскол. Сознание пытается управлять телом, тело пытается незаметно управлять сознанием, или, по крайней мере, саботирует. Конфликт создает путаницу, любой конфликт — это путаница. Конфликт не может создавать слияния в гармонию, вы не можете стать единым, целым, не можете слиться в одного, отсюда конфликт. Конечный результат — только шизофрения. Вы все боретесь и боретесь; постепенно вы уже не одна индивидуальность, вас становится много, по крайней мере, двое, а если дела идут хуже, то вас много; вы — уже не вы, а целая толпа. А когда вы не один, нельзя быть счастливым.

Счастье — это свойство единства, счастье — это музыка, которая льется, когда все в гармоническом созвучии, когда все подходит друг другу, когда все в гармонии, когда никакого конфликта нет, когда вы не толпа, а оркестр... Никто не пытается управлять, никто не пытается стать главным, никто не пытается эксплуатировать, подавлять... Все существо переполнено радостью.

Дао спонтанно, это не дисциплина, поэтому Дао — самое глубинное в религии; ни одна религия не достигает этого пика. Как только религия начинает становиться дисциплиной, она уже пала низко.

Есть три стадии религии — как детство, юность и старость. Когда религия рождается, это ее детство; тогда жив Учитель, все свежо, энергия течет от источника, струится аромат. Когда Лао-цзы, Будда, Иисус живы — религия в своем первом, детском, невинном состоянии — это детство. Она свежа, как капля утренней росы, как только что распустившаяся роза, свежа и невинна, как звезды. Она не знает никакой дисциплины, только спонтанность. Затем вокруг Учителя начинают собираться люди. Это совершенно неизбежно: есть магнит — начинают собираться люди. Наступает вторая стадия — стадия органической религии. Первая стадия индивидуальна, революционна, спонтанна, и речи нет ни о каком усилии, какой-то дисциплине, каких-то текстах. Бог обнажен, истина есть, как она есть, — никакого камуфляжа, никакой одежды. Затем начинают собираться люди. Из-за этих людей мало-помалу начинает появляться учение, возникает дисциплина. Учитель продолжает говорить о спонтанности, но ученики спонтанности не понимают, они переводят ее в понятие самодисциплины. Просто будьте, — говорит Учитель. Они спрашивают: Как? Их вопрос как? постепенно превращается в учение, они создают учение. Я бы сказал так: Учитель вносит спонтанность, ученики вносят учение.

Слова учение и ученик от одного корня. Когда вокруг Учителя собираются ученики, они начинают переводить, что же он говорит, что же он имеет в виду, они начинают истолковывать его слова, но, конечно же, толкуют по-своему, иначе нельзя. Как только вы толкуете, вы толкуете неверно.

Настоящий ученик — тот, кто не толкует, не переводит, кто пассивно слушает, кто не

спрашивает как?, не спешит добраться до результатов, не стремится к цели, не жаден. Каждый ученик тут же создает учение — это вторая стадия, еще живая, но я называю ее органическим состоянием религии. Есть Учитель, пришли ученики; органическое единство, но...

В первой стадии — только один круг, теперь — это семейство концентрических кругов, и эти круги становятся больше, и чем они больше, тем меньше в них правды. Чем дальше окружности отходят от центра, тем дальше они уходят от центра, тем дальше уходят они от истины, от свежести. Это становится знанием, учением, догмой, но все меньше и меньше доходит сквозь все эти экраны.

В третьей стадии, когда Учитель уходит, религия становится организованной религией, она больше не ограничена, потому что центр исчез. Теперь система окружностей пытается существовать без центра, она становится церковью, верой, теологией. Теперь религия уже очень стара: как-нибудь, когда-нибудь религия умирает, но церковь остается.

Вы спрашиваете: Насколько соответствует Дао, включающее дисциплину внешнего проявления, облагораживанию подсознания.

Дао никогда не позволяет себе стать органической религией и, конечно же, никогда не позволило себе стать церковью. Оно осталось спонтанным, потому что в нем нет никаких последователей, никакой церкви, как скажем Ватикан или Шанкарачарья, ничего подобного. Дао осталось доступным тем, кто имеет мужество быть спонтанным. Чтобы быть спонтанным, нужно великое мужество; быть спонтанным — значит пребывать в состоянии полного постоянного отсутствия контроля. Спонтанность означает невмешательство в свою природу: пусть все будет, что бы там ни было, и пусть все идет, куда бы оно ни шло. Быть, как ветер, быть, как река, которая не знает, куда она течет, не заботясь, чем все это кончится, не пытаюсь планировать, не пытаюсь защищаться.

Чтобы быть естественным, необходимо огромное мужество, поэтому немногие достигли Дао. Миллионы христиан, миллионы мусульман, миллионы индуистов, миллионы буддистов, но Дао сохранило трансцендентальность, аромат, не связанный, не посаженный в клетку, отсюда его красота, возвышенная притягательность, высшая истина.

Сверхсознательное, сознательное, бессознательное — эти разделения для отведавших учение; в вас же — просто сознание, не разделяемое в своем единстве. Нет никаких разграничений. Последователи Фрейда, Юнга, Адлера и других аналитиков говорят об этих разделениях как об естественно присутствующих, как об особенности, присущей всем людям. Это не так; бессознательное существует из-за того, что человек подавлен, а как только исчезнет подавление, исчезнет и бессознательное. Бессознательное — не органическая часть вашего сознания, вы что-то наделали с вашим сознанием; вы принудили себя ко многому, чего теперь вы не хотите видеть, вы избегаете, — отсюда появляется бессознательное.

Будда не знает никакого бессознательного, я не знаю никакого бессознательного; я знаю все, что во мне есть, я позволяю это, все в поле моего зрения, нет никакого темного подвала, куда я сбрасываю то, что мне не нравится. Такой подвал появляется только, когда вы начинаете подавлять. Подавление рождает расщепление, ваша ограниченность растет, вы не можете заглянуть внутрь, вглубь, вы боитесь, не отваживаетесь на это, вы не можете этого позволить... создано бессознательное. Если создано бессознательное, тогда есть и небольшой промежуточный слой между бессознательным и сознанием, — то, что называется подсознанием. Бессознательное означает полную тьму, сознание — свет; естественно, между ними есть что-то переходное, небольшая граница — ни тьма, ни свет; это и есть подсознание. Причина этих разделений в вас, а не в естестве, но тон аналитиков заставляет полагать, что они открыли некое естественное разделение. На самом деле разделения нет вообще. Как только вы позволяете развитие спонтанности, ваше сознание начинает расширяться. Однажды все ваше существо становится светом; нет ни одного темного уголка, потому что нечего больше прятать; вы стоите голым перед своим внутренним взором... нечего прятать, не от чего прятаться, нечего бояться, вы пришли в себя. В глубоком принятии вы становитесь едины.

Дао говорит, что сознание человека неразделимо, нельзя назвать его сознательным, нельзя бессознательным. Эти разделения придуманы людьми. Когда рождается дитя, у него нет никакого бессознательного, нет никакого сознательного; он нерасчленяем, он един, но мы тут же беремся за его воспитание, тут же берем его в оборот — будь таким, а таким не будь. Ему приходится отказаться от того, что вызывает ваше осуждение. Эти отсеченные части скапливаются в нем, видеть их больно — это свои же отсеченные части, все равно как отсеченные части тела — видеть их больно, лучше о них забыть. Забыть — кажется единственным выходом, и когда вы забываете о чем-то, что есть в вас, создается бессознательное.

Бессознательное исчезает, когда вы становитесь спонтанным, как ребенок. Это значит — снять все последствия того, что причинило вам общество; это значит разобрать, уничтожить структуру, наложенную на вас обществом, стать над ней. Идти к данному, уходя от приданного — вот откровение Дао.

В Дао нет никакого учения, Дао — это не йога. Дао — это диаметрально противоположное йоге учение. Если бы встретились Патанджали и Лао-цзы, они не поняли бы друг друга. Если бы Патанджали встретил Конфуция, они бы тут же подружились; Конфуций тоже говорит об учении, дисциплине, характере. Лао-цзы говорит о бесхарактерности. Запомните слово бесхарактерность. Лао-цзы говорит, что у настоящего человека нет никакого характера, характер относится к чему-то прошедшему.

Настоящий человек живет мгновением, он не живет прошлым, у него нет никаких мыслей, как надо жить — просто он живет, отвечает каждому мгновению, и он не следует святому писанию, не следует морали, у него нет никаких предписаний.

Единственная его позиция — позиция спонтанного ответа. С чем бы он ни встретился, он отвечает этому весь целиком, он отвечает со всей полнотой, от всего сердца.

Человек с характером никогда не отвечает от всего сердца, у него есть представление о жизни, он считает, что надо поступить определенным образом. Прежде, чем возникла ситуация, он уже решает, как поступить, он предусмотрителен. Человек Дао ничего не предусматривает, он не утруждает себя этим, он не заглядывает в будущее. Пусть настанет момент, а он всегда здесь, и он ответит ему, он исторгнет из своего существа соответствующий звук. Он верит природе: его вера абсолютна, абсолютна до самого конца. Человек с характером не верит природе, он говорит: Я буду воспитывать характер, иначе в определенной ситуации я поведу себя плохо. Он не верит себе. Посмотрите, какой абсурд: себе он не верит, но сам собирается воспитывать, собирается справиться сам, но себе он не верит. Из-за недоверия к себе он становится псевдоличностью, теряет свою подлинность, самостоятельность. Он улыбается, потому что нужно улыбнуться, он любит, потому что нужно любить; он ведет себя так, как нужно себя вести, но все это ложно, ничто не исходит из его сердца, ничто не струится из его сердца, ничто не касается его существа. Все это всего лишь деланное, обусловленное. Естественно, он живет псевдожизнью: его любовь безжизненная, улыбка нарисована, жесты бессильны, бессмысленны. Он пытается самоуправствовать, вот и все, но он не живет.

У Дао нет никакой дисциплины, оно не верит в характер, оно верит в жизнь, в вашу природу. И тут нет никакого усилия: все усилия неизбежно ведут к трудностям, создают проблемы. Усилие означает конфликт, усилие означает, что вы воюете с собой. Дао верит в безусильность. Посмотрите на полевые лилии, — говорит Иисус ученикам, — они не трудятся, не работают, они не думают о завтрашнем дне, но они прекрасны. Даже царь Соломон в блеске своей славы не был так красив во всех своих роскошных нарядах, в золоте и жемчугах. Даже тогда ему было не сравниться с одеждой полевых лилий. В чем же их секрет? Они живут естественно: никакого усилия, они не трудятся.

Так и кажется, что Иисус несет это благословение из даосского источника. Рассказывают, что он был в Индии, даже в Японии, показывают место в Японии, которое он посетил. Рассказывают, что он был в Тибете, но, возможно, он никогда не был в Японии и никогда не был в Тибете — это был его собственный опыт, было то, что он обрел во внутреннем поиске. Он — даос; Иисуса они бы приняли за своего. Он — даос, поэтому в него не поверили евреи.

Это люди, укоренившиеся в законе до мозга костей и до кончиков пальцев. Они живут по закону десяти заповедей Моисея, а Иисус говорит: Заповеди были даны вам Моисеем. Я дам вам новую заповедь, высшую заповедь — заповедь любви. Но у любви нет никаких законов, любовь беззаконна, а он — умница и чтобы передать любовь людям закона — евреям, он говорит: Я дам вам закон любви. Закон любви?! Слова противоречат друг другу; закон никогда не любит, любовь никогда не бывает по закону, не может быть. Любовь — это свобода, закон — это ограничение, им не встретиться, их нельзя поставить рядом.

Я слышал следующее. Некто проходил кладбищем и увидел роскошное мраморное надгробие. Надпись на нем гласила: Здесь лежит великий законник и великий любовник. Немыслимо, — рассмеялся прохожий, — как они очутились в одной могиле? Много любивший и великий судья? Это невозможно.

Иисус принес любовь и беззаконность; этого не могли простить ему евреи. Его надо было казнить; он растревожил целый народ, он был опасен, на самом деле он опасен, на свете было мало таких опасных людей. Сказав Бог есть любовь, он выбил опору из-под всего. Бог евреев никогда не был любовью. Он был Богом гневным и ревнивым, и сметал с лица земли за всякую малость тех, кто не слушал его повелений. Непослушных, Адама и Еву, он выгнал из рая.

Любовь прощает, любовь умеет прощать. Любовь так любит, что не может гневаться и сердиться. Бог евреев за всякую малость сметал города: за то, что их жители бесхарактерны или гомосексуальны. Он затопил целый мир! В нем вряд ли был избыток любви; может быть, он был справедливый, но не любвеобильный. И как может справедливость быть любовью? Справедливость должна быть справедлива, любовь — это совсем другое измерение. Евреи испугались: Иисус нес спонтанность, нес безнаказанность, нес бунт; в ужасе от такого поворота они даже не поняли, что было внутри.

Если в Индии ко мне плохо относятся, это совершенно естественно; я только и делаю, что подрываю основы. Я принес не мир, но меч, — говорит Иисус. Он говорит: Я пришел восстановить сына на отца, мужа на жену, мать на сына, брата на брата. Что он имеет в виду? Эти отношения, родственные узы — уже не любовь, они формальны. Нужна только любовь, — говорит Иисус; все другое разрушает твою естественность. Люби мать, но не потому, что она твоя мать, люби ее, пусть это будет любовью, но не потому, что она твоя мать. Как можно любить женщину только потому, что она твоя мать? Как можно любить женщину только потому, что она твоя сестра? Можно исполнить свой долг, но долг — это ужасно. Долг — уродливое слово из четырех букв, избегайте его, оно разрушает естественность, оно разрушает человечность, оно не позволяет человеку расцвести и цвести.

Нет, в Дао нет дисциплин и усилия, есть только понимание. Запомните, я повторяю: есть только понимание. Усилие означает, что вы поняли неверно; поэтому приходится прилагать усилия. Если я говорю любви достаточно и вы меня понимаете, какое еще нужно усилие? Само понимание все изменит. Понимание — это революция. Любви достаточно, если вы понимаете, о чем речь. Если вы понимаете, что полевые лилии красивы, если вы понимаете, что такое красота, — а быть красивым — значит, быть естественным, — станете ли вы прилагать усилия, чтобы достигнуть этой красоты? Как можно стать естественным через усилие? Чтобы быть естественным, надо отбросить любое усилие. Вы, наверное, постараетесь усилием отбросить усилие? Тогда вы снова попадаете в ту же ловушку, это вас не изменит.

Просто посмотрите, как обстоит дело; и пусть это останется в вас, пусть это проникнет в ваше сердце, пусть оно погрузится в самые ваши глубины, тогда вы увидите, что само понимание факта преобразит вас. Вдруг вы увидите, что вы совсем другой человек, а прежний ушел и родился новый, без всякого усилия.

И еще кое-что: Дао — это возвышенная лень, оно не верит в агрессивность, оно не верит в мужской элемент. Дао женственно: пассивно, восприимчиво. Постарайтесь это понять. Есть два пути приближения к истине: один — путь агрессии, почти изнасилование. Вот почему я говорю, что наука насилует: она агрессивна, она завоевывает природу, она заставляет

природу раскрыть свои секреты, она очень груба, примитивна — ведь насилуют только неспособные любить. Если вы любите женщину, придет ли вам мысль ее изнасиловать? Даже во сне такое не привидится: это невозможно. Насилие возникает тогда, когда человек не умеет любить, когда любовь терпит неудачу. Наука терпит неудачу, неудачу в том смысле, что мы не можем добиться согласия от природы. Лучше бы нам было получить ее согласие.

Дао ищет согласия с природой. Не нужно насилия, люби — и постепенно природа откроет тебе все свои секреты. Наука пытается взять силой. Вы знаете кое-какие факты, но они уродливы, преждевременны, они не родились естественным путем, в них льется и переливается эхо вашего насилия, поэтому не случайно развитие науки ведет к все большему увлечению насилием, наука насильственна. Не случайно кульминация науки связана с атомной и водородной бомбой, они — ее естественные спутники. Наука — это принуждение, а принуждение всегда кончается насилием. И если мы не поймем этого, наука станет орудием самоубийства, всеобщего самоубийства.

Рано или поздно человек, все человечество, совершат самоубийство: если так свирепо принуждать природу, она неизбежно откликнется на это. Насилие, причиненное природе, падет на ваши головы.

Это уже происходит, но понемногу, — так что можно не понять и не заметить. Гитлер уничтожил евреев в Германии, он изгнал Альберта Эйнштейна потому, что тот еврей. Ему никогда не приходило в голову, что изгнание одного этого человека свело на нет все его усилия, вызвало конец фашизма. Высланный из Германии Эйнштейн написал письмо Рузвельту, указав, что возможно создание атомной бомбы. Эта бомба, упавшая на Хиросиму, уничтожила и фашизм, и нацизм, и Гитлера, и его мечты о тысячелетнем владычестве над землей. Теперь, оглядываясь назад, все выглядит просто: он изгнал Эйнштейна и даже представить себе не мог, что эта высылка будет его концом. Кто знает, может быть, если бы к Эйнштейну хорошо отнеслись в Германии, Гитлер смог бы править миром; но выгнанный из страны еврей мало чего стоил в его глазах. А этот еврей доказал, что Гитлер был не прав.

Все в жизни глубоко связано: где-то аукнулось, а здесь откликнулось.

Никогда не насилуй природу, — говорит Дао, — иначе природа обрушит это насилие на твою голову и уничтожит тебя. Уговаривайте, любите, — говорит Дао, — но не принуждайте свою внутреннюю природу, как и внешнюю. Наука и йога отлично подходят друг другу; Эйнштейн легко принял бы Патанджали, а Патанджали легко понял бы Эйнштейна, но ни Эйнштейн, ни Патанджали не смогли бы понять Лао-цзы, он бы показался им абсурдным, сумасшедшим. Он вносит в мир совсем другое измерение, измерение женственности.

Мужчина агрессивен, женщина восприимчива. Женщина — это утроба, восприятие. Лао-цзы говорит, что истина должна быть воспринята, а не понята. Ищи, и никогда не найдешь, — говорит Лао-цзы, — жди в открытости, жди в незащитности, и ты найдешь, истина сама придет к тебе. Пригласи и жди, люби и жди, будь в хорошо-как-есть, попусти.

В этом смысл того, что я называю возвышенная лень, это бездействие, но не летаргия; бездействие, но искрящееся сиянием; ничегонеделание, но пульсирующее энергией. Человек, который ничего не делает, со временем начинает пульсировать невероятной энергией; он ни на что не теряет свою энергию, не тратит ее, поэтому она накапливается; он становится резервуаром — лучащимся, живым, пульсирующим, струящимся. В этот великий момент через энергию приходит истина при полном бездействии, поэтому я называю это возвышенной ленью. Активный человек теряет энергию, активный человек разрушает, распыляет свою энергию. Человек, находящийся в бездействии, аккумулирует, но это не летаргия. Человек в летаргии бездейственен, но и без энергии — он бессилён.

Несколько дней назад я говорил с Аштавакрой. Он такой же, как Лао-цзы, он тоже ценит возвышенную лень. Он называет ее аласи широмани, император лени. Но помните: бездействие плюс энергия плюс жизненность и не нужно ни единого усилия; на усилие будет потрачено столько энергии, что ваша лучезарность уменьшится, а Бог приходит, когда вы предельно жизненны, предельно лучезарны на самой вершине, выше некуда. На этой вершине вы встречаетесь с божественным, ваша энергия принакает к ступням Бога,

нижайшая энергия Бога смыкается с высочайшей энергией человека — происходит соединение.

Понять Дао — значит просто понять.

Ваше подавление приносит только болезни, все ваши усилия приносят только подавление. Я слышал...

У дверей музея Метрополитена каждый день перед открытием замечали странного человека: хорошо одет, но все же, похоже, что он только что выскочил из постели, нацепил на себя одежду и помчался в музей. Первым, войдя в музей, он сел на диванчик, разворачивал Таймс, читал час или больше и уходил. Однажды заметив, что на него поглядывает охранник, он признался ему:

Вам не понятно, зачем я хожу сюда? Я стараюсь бросить курить, и мне приходится искать место, где курить воспрещается. Но помолчал немного и добавил: По воскресеньям, когда у вас закрыто, я хожу в церковь.

Если вы чего-то избегаете, что-то подавляете, уходите от какого-то факта, ваша жизнь становится уродливой, вы никогда не сможете жить своей жизнью, вам всегда будет нелегко с собой. Отбросьте всю непростоту и запомните: то, что просто, то и хорошо. Не надо никаких усилий. Я знаю, усилие весьма котируется, усилие приятно удовлетворяет я. Прилагая усилие, вы чувствуете, что делаете что-то.

Есть еще один вопрос, тесно связанный с этим:

Вначале, придя сюда, я был человеком, напряженно стремящимся к духовному, я прилагал значительные усилия. Теперь я стал каким-то материалистом, я и пальцем не пошевелю, чтобы достигнуть духовности, достигнуть nirваны и просветления. Что же случилось со мной, Бхагаван? Не отпал ли я от благодати?

Вы возросли в ней. То, что вы сочли материалистичным, есть подлинно духовное, а то, что вы считали духовным, было просто алчностью и материализмом. Если вы стремитесь стать просветленным, это материализм, ведь это алчба. Ставить какие-то цели - значит, быть материалистом; не иметь никаких целей — значит быть духовным. Пытаться чего-то достигнуть — значит быть алчным, исполненным желаний, амбиций — все это ловушки я. Отбросить все эти ловушки и жить здесь и сейчас — значит быть духовным. В этом разница между так называемой обычной духовностью и духовностью Дао.

Если бы вам встретились Лао-цзы, Чжуан-цзы или Ли-цзы, вы бы их не узнали, они показались бы вам слишком обычными. Надо побыть с ними, чтобы почувствовать. Они не произведут необычайного впечатления, не покажут вам чудеса, не покажут вам сиддхи и силы. Они показались бы вам слишком обычными.

Быть обычным — в этом откровение Дао; быть таким обычным, чтобы не было и мысли быть каким-то другим. Быть таким удовлетворенным, таким довольным... Есть, пить, любить, говорить, слушать, гулять, спать, греться на солнышке или смотреть на луну, на деревья; все самое будничное становится возвышенным, если смотришь на него довольным взглядом. Когда вы счастливы, все становится необычайно прекрасным, все становится лучезарным. Все зависит от вас.

Что я вам скажу: Когда вы пришли ко мне, вы были материалистом, вы только думали, что духовны. Теперь, когда вы погружаетесь в духовность, вы понемногу пугаетесь: куда девалась ваша духовность? Это было материализмом. Пройдитесь по Индии, и вы увидите: из сотни так называемых Махатм, девяносто девять - материалисты. Материалисты в том смысле, что они амбициозны, стремятся к тому, что будет после жизни: небеса, рай, мокша, nirвана. Их желания очень живучи, их желания сильнее, чем у обычных людей.

Маленький человек желает большую машину; не так уж много, его можно простить. Может быть глупо, но не грустно. Немного глупо, ну и что? Но тот, кто желает райского блаженства... — это уж алчность так алчность, или жизнь вечную... — такая алчность... Машина — это игрушка, большой дом — тоже игрушка, но эти, так сказать, духовные люди желают вечности, пробыть ныне и присно и вовеки веков, желают вечного бессмертия. Их амбиция столь велика, их я столь велико, что они не могут удовлетвориться малым, они хотят Бога в свой кулачок — тогда и только тогда может он почувствовать, что он что-то собой представляет.

Попытайтесь меня понять: я пытаюсь сейчас перевернуть все вверх тормашками, слишком долго все было перевернуто с ног на голову. Надо все поставить на место, и это единственный способ. Если кто-то стоит на голове, как вернуть его в естественное положение? Перевернуть вверх тормашками, и все будет в порядке. Так называемая духовность — только переодетый материализм.

Вам надо понять суть дела: духовен тот, у кого нет желаний; духовен тот, кто не вязнет в ловушках я, духовен тот, кто не заботится о Кундалини, чакрах, шастрах, раскрытии тысячелепесткового лотоса, такой человек действительно духовен. Он необычен в своей обычности, он свят в своей повседневности.

Само разделение на материальное и духовное материалистично. Духовный человек не понимает никаких разделений, духовный человек просто принимает то, что есть, и это есть - едино. Нет никакого материального и духовного, это опять разделение на я; все различия идут от я. Когда я исчезает, исчезают все различия; есть реальность, неразложимая реальность. Назовите ее духовной, назовите материальной — ничего не изменится, когда есть только одно, ему подойдет любое имя.

Во имя духовности люди калечат, разрушают, парализуют себя. Есть даосская притча.

Мандарин провинции Лю отправился встречать перелетную птицу, появившуюся в окрестности, и препроводил ее в парадный покой.

По этому поводу были зарезаны вол, овца и поросенок, и в честь заморской птицы был устроен роскошный пир, на котором прекрасные музыканты играли музыку, сочиненную под наблюдением императора Жень. Но птичка глядела на все это рассеяно, была понура и печальна, не отведала ни кусочка мяса, не пригубила ни из одного бокала. Так она умерла от голода через три дня. Мандарин кормил птичку так, как он кормил себя, он не понял, что с ней надо было обращаться как с птицей, а не как с императором.

Музыка мало значит для птицы, а вол, овца и поросенок не годятся ей в пищу. Мандарин убил птицу.

Вы убиваете себя, стремясь к тому, для чего не созданы. Вы не дали себе возможности быть самим собой и стараетесь вести себя, как кто-то другой. Все учения навязывают вам нечто, чем вы должны стать. Дао говорит: Ты — уже то, что надо, не нужно никем становиться; ты — уже то, что надо. Ты существуешь, и нет никакого становления. Ты — уже то, что надо, начни жить.

Смотрите, что за революционное благовестие. Не нужно улучшать себя, вы уже то, чем могли бы быть. Начните же наслаждаться этим, праздновать, жить. И чем больше вы празднуете, чем естественнее живете, тем более вы начинаете чувствовать свою глубочайшую сердцевину. И в глубочайшей вашей сердцевине — Дао - ваша природа, Путь.

ВОПРОС: Хорошо ли рисковать?

ОТВЕТ: Дело не в том, что хорошо или плохо. Если вы живете, вы неизбежно рискуете, жизнь — это риск. Безопасна только смерть, жизнь не бывает безопасной — безопасности нет. Организации, называемые страхование жизни, должны называться страхование смерти; в жизни никто не застрахован. Жизнь жива только потому, что есть риск, опасность, потому она так и волнуется.

Вы спрашиваете: Хорошо ли рисковать?

Приходится рисковать, если хотите жить, и чем больше вы рискуете, тем больше в вас жизни. Так что на самом деле вы спрашиваете: Хорошо ли жить?

Нет, я не убийца, я не хочу отравить вашу жизнь. Многие уже преуспели в этом: учителя, проповедники, они отравляют вашу жизнь. Все они учат вас жить в рамках, жить так, чтобы не было риска, чтобы вы всегда были в полной безопасности, но тогда вы уже мертвы, вы уже в могиле, и тогда вы становитесь несчастными и начинаете замечать, что у вас нет никакой любви, нет никакого счастья, что в вашей жизни не происходит ничего стоящего. Тогда в вас возникает чувство, что жизнь бессмысленна, незначительна, а причина в том, что вы избегаете риска. Смысл приходит, когда вы в опасности, дерзновении. Ценность приходит только тогда, когда вы живы, ценность приходит через жизненность.

Вся добродетель — быть мужественным, мужество — единственное достоинство.

Если не жить опасно, лучше покончить с жизнью; зачем тогда обременять жизнь, зачем обременять землю? И зачем чувствовать себя несчастным? Какой в этом смысл? Тогда ваше несчастье ни к чему не приведет, и будете вы в своем несчастье, как белка в колесе.

Взгляните на людей: глаза их потеряли блеск жизни, их лица больше похожи на маски, чем на настоящие лица, они не живут, а только делают вид, что живут. И тогда, естественно, возникает чувство, что все бессмысленно: не рождается ни цветения, ни аромата, ни танца, ни песни. Тогда они обращаются к священнику и тот говорит: Да, песня возможна, но только после смерти, когда вы умрете. Обращаются к либералу и он говорит: Да, жизнь имеет смысл, но прежде нужно изменить социальную структуру, нужно изменить экономическую структуру и заодно всю историю, нужно построить коммунизм, нужно построить социализм.

Когда человек теряет смысл, он, естественно, начинает спрашивать, где его найти. И вот он обращается к этим двум, священнику и либералу, хотя именно они доводят его до такого состояния, когда смысл потерян. Состоялся великий заговор: сначала они уничтожили возможность смысла, и теперь, конечно, вы у них в руках, вам приходится обращаться к ним с вопросами, они указывают вам путь.

Взгляните на ребенка: у него есть смысл. Вам ведь знакома такая картина: ребенок играет в камешки на морском берегу или бежит за бабочкой. Тихо понаблюдайте, но не пробуждайте в нем самосознания. Как только пробуждается самосознание, он уже больше не ребенок. Тихо понаблюдайте, спрячьтесь где-нибудь; увлеченный до самозабвения, он полностью растворился в чем-то. А как он прекрасен! Благодать на его лице, радуга, радость, веселье, наслаждение, жизнь, у него как бы выросли крылья и в то же время его нет, он растворился. В этот миг растворения он ближе всего к Богу, он в Дао, он на Пути, он наслаждается мгновением. Он необычайно счастлив, так счастлив, что даже не понимает, что счастлив. Понимают, что счастливы только несчастные люди. Он так счастлив — кому какое дело? Он настолько в, что больше он не посторонний.

Теперь попробуйте вот что: возьмите фотоаппарат и попытайтесь заснять ребенка. Как только он почувствует, что его снимают, веселье его исчезнет. Его лицо перестанет быть правдивым, появляется маска. Его глаза больше не растворены, сияние исчезло, они становятся скучными. Он не так уж подвижен, он стал скованным, закрепощенным. Вернулось самосознание, вторглось я. Теперь ребенок неприятен. Вот почему так трудно сделать фотографию. Если даже красивого человека привести в студию, сразу что-то случается, фотография никогда не получается такой, как надо. Довольны вы хоть одной своей фотографией? Всякий раз, глядя на фотографию, вы видите, что что-то потеряно. Что же потеряно? Вы вспомнили о себе, появилось самосознание, вы начали готовиться. Вы хотели бы выглядеть, как можно лучше: счастливым, улыбающимся, человеком значительным, могущественным, чарующим... и все на ветер; вы просто неприятны, мертвы. Вы думаете о фотокамере и о тех, кто будет смотреть на фотографию. Вы так поглощены мыслями о себе, как же можно быть красивым?

Тот, кто постоянно думает, — а не опасно ли, — настолько поглощен мыслями о себе, что ему некогда жить. Он становится напряженным, скучным и глупым, он — посредственность. Забудьте вы о риске: жизнь — это риск. Как только вы родились, с уверенностью можно сказать только одно, что рано или поздно вы умрете. Какой же может быть риск?

Моя старенькая бабушка за меня всегда очень болела: я постоянно разъезжал на поездах, полмесяца в месяц я был в пути. Она вечно тревожилась и говорила: Так много несчастных случаев! Каждый день она открывала газету, чтобы узнать, не случилось ли еще одной аварии с поездом, самолетом... И собрав вырезки, она показывала их мне всякий раз, когда я собирался в дорогу: Вот посмотри, сколько несчастных случаев с автомашинами, поездами, самолетами, сколько убитых. Прошу тебя, не езжай никуда!

И вот однажды я сказал: Знаешь, если ты действительно интересуешься статистикой, то девяносто семь процентов людей умирают в своих постелях! Мне, что — не ложиться, поэтому всю ночь спать? Ведь это опасно, нет ничего опаснее, чем спать на кровати, девяносто семь процентов людей умирает в постели! Самолет гораздо безопаснее, редко кто умирает в самолете или поезде.

Это поразило ее до чрезвычайности. Да, — сказала она, — но нельзя, поэтому не ложиться спать. С тех пор она больше не говорила о несчастных случаях, она поняла.

Родившись, вы решились на такой риск, хуже которого не будет. Теперь смерть неизбежна, родившись, вы обречены умереть. В первый день своей жизни вы сделали первый шаг к могиле, на какой же больший риск вы можете пойти? Даже полностью исключив все опасности, вы все равно умрете, так почему же не рискнуть и не жить на самом деле?

Один богач спросил у приятеля: Почему меня упрекают за жадность, когда известно, что я все завещаю на благотворительность?

Я позволю себе рассказать, как свинья жаловалась корове, что к ней плохо относятся: Люди всегда говорят о твоей доброте и нежных глазах. Конечно, ты даешь им молоко и масло, но ведь я даю больше: колбасы, окорока и отбивные, щетину, даже ножки мои варят! И все равно, меня никто не любит. Отчего так?

Корова немного подумала и ответила: Может быть потому, что я даю еще при жизни.

Смерть все возьмет, о чем же тогда печалиться? Лучше рисковать, чем беречь себя от смерти. Несчастный человек — глупый человек: все будет взято. Не будьте столь осторожны.

Не будьте столь осторожны, исполнитесь духом отваги. Да, порой вы ошибаетесь, но ничего страшного. Иногда вы собьетесь с пути, но ничего нет страшного. Те, кто сбиваются с пути, могут вернуться, но те, кто не идут никуда — мертвы.

Не повторяйте, конечно, одних и тех же ошибок, изобретайте новые ошибки каждый день, будьте творческими, рискуйте по-новому. В этом вся саньяса: рисковать, жить опасно, жить вне безопасности и надежности. Беззаботно любить жизнь — вот что такое саньяса.

Не откладывайте: откладывать — это осторожничать. Начните с этой минуты. Если вы что-то поняли, дайте этому выход в жизнь.

Набожный брат сидел в первом ряду на воскресной службе. Вдруг он нагнулся и принялся снимать ботинок. Эта необычная процедура посреди литургии, заставила видевших это улыбнуться, и на время отвлечься от богослужения. Брат вслед за ним принялся стягивать носок. Это вызвало такое искушение, что иерей прервал службу и спросил брата, не случилось ли с ним чего.

Нет, — ответил тот, — я просто заметил, что у меня один носок наизнанку.

Хорошо, брат, — улыбнулся священник, — но не мог ли ты подождать и сделать это потом.

Нет, батюшка, — ответил тот. — Если я вижу, что у меня что-то не в порядке, я начинаю исправлять тут же.

Так и надо: как только вы чувствуете, что в вас что-то не так, начинайте исправлять тут же, не откладывайте. Если вы раньше старались не рисковать, начните прямо сейчас, ваша жизнь станет богаче.

ВОПРОС: Вы говорите: надо быть благодарным другому за то, что он принимает твою любовь, но семена моей любви падают все больше на придорожные камни.

ОТВЕТ: Значит, будь благодарен придорожным камням!

ВОПРОС: Вчера вы говорили, что понимание секса — основа западной, а понимание смерти — основа восточной психологии. Не добавите ли вы что-нибудь к этому?

ОТВЕТ: Смерть — самое главное, что должно случиться в жизни. Смерть — это кульминация. Смерть надо понять, потому что смерть — цель жизни, все живое движется к смерти. Не понять смерть — значит, не понять жизнь. Но нас научили избегать факта смерти; мы не говорим, мы не думаем об этом. От одной мысли уже пробирает дрожь, в трепете человек решает заняться чем-нибудь другим.

Когда кто-нибудь умирает, вы чувствуете смущение, кажется, что он сделал нечто неподобающее: зачем он умер?

Чья-то смерть по-прежнему возвращает вас к ошеломляющей ситуации, в вас возникает вопрос: Однажды и я умру? И этого вопроса вы хотите избежать.

Восток ничего не избегает, в этом красота восточной психологии: то, что есть — есть, надо видеть и это. Смерть есть, поэтому надо заглянуть в нее, надо встретить ее лицом к лицу, ведь тот, кто избегает смерти, избегает жизни. Есть только один способ уйти от смерти — уйти от жизни, иначе жизнь постоянно несет вас к смерти... Бросьте все, единственный

способ уйти от смерти — это уйти от жизни.

Можно сделать так: замрите в коме, тогда можно прожить долго, так ничего не случится. Врач может сделать такое вливание и поддерживать жизнь, и тогда жизнь тоже будет вливаниями. Вы ляжете в особую постель, защищенный от всего на свете. И сможете прожить очень долго. Можно прожить тысячу лет, но это будет не жизнь, а растительное существование, вы будете произрастать, зато прожить вам удастся долго.

Есть такие люди в Америке, они лежат под землей, в кондиционируемых камерах. Они умерли, но завещали свое состояние на защиту и поддержание тела, потому что в научных кругах прошел слух, что через двадцать лет научатся оживлять людей после смерти. Стоит это порядочно: десять тысяч долларов в день, зато их телам обеспечена безопасность, так что через двадцать лет их оживят. Ох уж эти двадцать лет... Ну оживят вас через двадцать лет, чем вы займетесь? Повторите все те же глупости, что делали раньше: снова станете гоняться за женщинами, играть на бирже и копить деньги, чтобы умереть и снова защищать свое тело. Какой в этом смысл?

Человек боится смерти. На Востоке говорят, что смерти следует заглянуть в глаза, надо глубоко заглянуть в смерть. Если вы сумеете это, если вы сумеете встретить смерть, в самой этой встрече вы преодолеете смерть, вы узнаете, что в вас есть что-то вне смерти. Избегая смерти, вы останетесь под ее властью. Встречая смерть лицом к лицу, вы преодолеваете смерть.

Мы никогда не думаем о смерти. Всякая мысль о смерти — это мысль о смерти другого, смерть — значит всегда чья-то смерть: дяди Вани, тети Мани, но не ваша.

Финкельштейн торговался на рынке.

Не хочу я покупать ваши яйца, — кричал он, — чтоб у меня дом сгорел, не куплю я их. Чтоб моя жена умерла, не куплю я их. Пусть мой ребенок задохнется, не куплю я их.

Продавец яиц тут же проникся духом его аргументов: Чтоб вам ослепнуть, вы купите всю кошелку.

Послушайте, — остановил его Финкельштейн, — оставьте меня в покое.

Всегда, говоря о смерти и опасности, вы оставляете себя в стороне. Нет случая для встречи, нет возможности встать лицом к лицу с реальностью и правдой жизни.

Если смерть есть, то она есть, что толку прятаться от нее? Взгляните на нее, и чем скорее, тем лучше.

На Востоке говорят, что глубоко заглядывая в смерть, вы преодолеваете ее, вы вдруг понимаете, что взглянувший в смерть становится вне смерти. Глубинная медитация приносит вас к мигу смерти вольно и сознательно. Медитация — это смерть, человек умирает и воскресает вновь. Умирает в феноменальном и рождается в ноуменальном. Умирает во времени и рождается в вечности. По возвращении из глубинного экстаза в медитации, вся ваша жизнь преображена, тогда вы живете без страха, смерти больше нет.

Но с самого детства нас запугивают ею, с самого детства каждый защищается от нее. Даже детский ум ослеплен этой защитой.

В воскресное утро Билли с папой остановился перед клеткой льва.

— Это царь зверей.

— Почему?

— Ну, он сильнее всех, он может задрать любое другое животное, даже человека.

— Он что, может съесть даже тебя?

— Думаю, что да, если только выберется из клетки.

Билли с интересом разглядывал льва; наконец повернулся к отцу.

— Папа, — прошептал он, — если он оттуда выберется, на каком автобусе мне ехать домой?

Никто, даже ребенок, не думает, что смерть не пощадит и его. Его это не касается, лев съест папу, и ему одному придется добираться домой, так что — на каком автобусе?

Есть что-то в человеческом сознании, что уводит его от мысли о смерти, и этому есть причина: сознание обречено умереть. Вы не умрете, но не поймите меня неверно. Когда я говорю, что вы не умрете, я говорю о том, что в вас, чего вы не знаете. Сознание ваше умирает, то есть все то, что вы о себе знаете (и даже знаете-то не все, вы знаете только

некоторую часть сознания). Ваше сознание умрет, оно не вечно, но это — обычное явление, оно рождается и умирает. Ваше тело умрет, оно не вечно, это нечто созданное, соединение ваших отца и матери, оно случайно. Но вы существовали прежде, чем встретились ваши отец и мать, и будете существовать, когда ваше тело станет землей, исчезнет, прах станет прахом. Вы будете существовать, но этого вы еще не узнали.

На Востоке говорят: Этот момент может быть узан только тогда, когда происходит встреча со смертью, когда предстоят смерти, когда принимают вызов смерти. Тогда вы заглядываете в самую глубину, тело уходит, уходит самое сознание, уходит я. И если вы сохраняете мужество и остаетесь в этом предстоянии, настанет момент, когда вы вдруг увидите: ушло все, но все же вы есть. Это и есть ваша реальность, это ответ на вопрос кто я?

ВОПРОС: Привлекательно стать санньясином, но теперь я глубоко привязан к Арике, я очень люблю Оскара. Нет ли противоречия в любви и служении двум учителям? Как разрешить его?

ОТВЕТ: Что касается меня, то я не вижу никаких проблем, спросите Оскара. Я не ревнив, можете любить меня и еще сотню других учителей, я не вижу никаких проблем. Ведь все, чего мне хотелось бы, это чтобы вы без памяти любили Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы, Будду, Христа, Гурджиева, Кришнамурти, Рамакришну — сотню и тысячу. Я не ревнив, я обширен, я могу вместить в себя все ваши чувства, так что, насколько я понимаю, беспокоиться не о чем. Но прежде, чем что-то решить, спросите Оскара, он, я чувствую, ревнив.

Беседа вторая

У РАДОСТИ НЕТ ПРИЧИНЫ

Бродя по склонам горы Тэй, Конфуций встретил Юнь-ши-ши, идущего в одном тулупе, пер е поясанном вере в кой, по вересковому полю, поющего и играющего на лютне.

— В чем причина твоей радости, Учитель? — спросил Кон фуций.

— У меня много радостей. Из м и л л и а р да созданий неба — че ловек самое благородное, а мне выпало счастье родит ь ся человеком. Это первая радость.

Многие, рождаясь, не проживают дня или месяца, не вы растают из пеленок, а я уже дожил до девяноста лет. Это тоже радость. Для всех нищета является нормой, а концом — смерть. Пр и держиваясь норм и ожидая ко н ца, о чем еще здесь тревожиться?

— Прекрасно, — сказал Конфуций. — Вот человек, знающий, как себя утешить.

Прекрасная притча, и не только прекрасная, но и весьма тонкая. Поверхностный взгляд не достигает ее смысла. Даосские притчи не лежат на поверхности, они очень глубоки, в них надо проникнуть, взглядеться и медитировать, только тогда вам откроется их истинный смысл. На первый взгляд кажется, что к Конфуцию относятся с большим почтением; кажется, притча говорит о мудрости Конфуция. На самом деле все наоборот.

Даосский и конфуцианский подход диаметрально противоположны, дальше некуда.

Конфуций верит в закон, в традицию, в учение, он верит в характер, мораль, культуру, общество, образование. Дао верит в спонтанность, индивидуальность, свободу. Дао — революционно. Конфуций — конформист.

Даосизм — глубочайший нонконформизм, когда-либо возникший в мире, он революционен по самому своему существу. Это бунт, и даосские мистики Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы подтрунивают над подходом Конфуция. Эта притча — насмешка. Когда я объясню, вы поймете. Насмешка не грубая, а очень тонкая. Возьмем сначала то, что лежит на поверхности.

Бродя по склонам горы Тэй, Конфуций встретил Юнь-ши-ши, идущего в одном тулупе, пер е поясанном вере в кой, по вересковому полю, поющего и играющего на лютне.

Пение, музыка, танец — язык радости, счастья, выражение того, что человек больше не горестен. Но это может быть лишь наружным, лишь проекцией, лишь культивированием, а в глубине все может быть совсем не так. Бывает, вы смеетесь, потому что не хотите плакать. Бывает, вы улыбаетесь, потому что на глаза наворачиваются слезы, а если не улыбаться, то они потекут по щекам. Иногда обретают позицию, привычное выражение лица, маска счастья; что толку показывать миру, что ты несчастлив. Вот почему люди кажутся порой такими

счастливыми; каждый думает про себя, что он самый несчастный — он-то знает, как у него на самом деле, и сравнивает это с масками других. И каждый думает про себя: Я несчастнее всех. Почему я несчастлив, когда другие так счастливы?

Пение, пляска — это, несомненно, язык радости, но можно выучить язык, не узнав радости. Этим и занимается все человечество: люди учатся только жестам, пустым жестам.

Но Конфуций обманут, он говорит:

— В чем причина твоей радости, Учитель?

Маска обманула Конфуция: человек может быть радостен, не зная радости; взгляд должен проникнуть внутрь человека; в то, что он есть, а не в то, чем он кажется. Внешность может обмануть, люди обучаются внешнему. Вот человек улыбается, на губах симпатичнейшая улыбка, а в глазах нечто противоположное. Слова, говорящие о любви, и глаза, говорящие о ненависти: вежливость.

Конфуций видел только внешнее. А внешнее обмануло его. Это первый урок: обмануло настолько, что он называет этого человека Учителем.

— В чем причина твоей радости. Учитель?

У радости нет причины, у радости не может быть причины. Если у радости есть причина, это вообще не радость; радость может быть только беспричинной, необусловленной. Есть причина у болезни, но у здоровья?.. Здоровье естественно. Спросите доктора: Почему я здоров? — он не ответит. Он может ответить на вопрос: Почему я болен? — ибо у болезни есть причина. Он может диагностировать эту причину, определить, почему вы больны, но никто не может найти причину, по которой человек здоров.

Здоровье естественно, здоровье — это то, как должно быть. Болезнь - это то, как не должно быть. Болезнь означает, что что-то не так. Когда все в порядке, человек здоров. Когда все настроено, человек здоров, тут нет никакой причины.

Но Конфуций спрашивает:

— В чем причина твоей радости. Учитель?

Ли-цзы со свойственной ему тонкостью смеется над Конфуцием. Он показывает всю ложность позиции Конфуция в одном и том же вопросе: Конфуций думает, что для радости могут быть причины. Для радости не может быть причины, радость просто есть — беспричинная, необъяснимая. Есть — значит, есть; нет — значит, нет. Когда ее нет, можно найти причину, почему ее нет, но когда она есть, невозможно найти причину, почему она есть. Если вы можете указать причину вашей радости, значит, она культивирована, она не настоящая, не истинная, не подлинная, она не течет из вашей глубочайшей сердцевины, она достигнута вами, она вами сделана, вы играете в нее. Когда радость наиграна, ей можно найти причину, но когда она подлинно есть, она так таинственна, так первична, что причины ее найти нельзя.

Спросите Будду: Почему ты счастлив? — он пожмет плечами. Спросите Ли-цзы: Почему ты служишь благодатью?

Не спрашивайте, — ответит он. — Чем спрашивать меня, спросите лучше, почему вы не служите благодатью.

Это подобно ручью в горах: нет преград, и он течет; а когда дорогу ему преграждают камни, он течь не может. Когда камни убраны... Но не вы создаете ручей, вы только устраняете то, что ему мешает, преграду. Ручей есть, но он не может течь из-за камня. Убирая камень, вы устраняете то, что ему мешает, — препятствие, — и ручей побежал. Если теперь спросить: Почему ручей течет?, будет ответ: Ручей есть, вот он и течет. Если он не течет, этому есть причина. Пусть это глубоко проникнет в вас; это и ваша проблема.

Не спрашивайте себя, почему вы счастливы, не спрашивайте, почему кто-то струится благодатью — это ложный вопрос. Не спрашивайте, почему есть Бог; вы задаете ложный вопрос, и любой ответ на него будет ложен, ложный вопрос вызывает ложный ответ. Почему есть Бог? Неважно — почему, Он просто есть.

Задавая вопрос, Конфуций уверен в своем предварительном предположении; он думает, что у всего есть причина. Если бы у всего была причина, то существовала бы только наука, тогда была бы невозможна религия. Наука задается вопросом о причинно-следственных

соотношениях, о причинности, обусловленности. Таков научный подход: Если есть что-то, ему должна быть причина; можно знать ее или не знать, но причина должна быть. Если мы не знаем ее сегодня, мы узнаем ее завтра, но узнаем причину, потому что она есть. Это научный подход, все можно вывести из его причины.

А подход религии? Религия говорит, что ничего не может быть выведено из причины, а то, что может быть выведено, несущественно. Существенное просто есть — оно существует без всяких причин, это тайна. В этом смысл тайны; ей нет никакой причины.

Вопрос Конфуция соответствует его предположению, его философии:

— В чем причина твоей радости. Учитель?

Зачем он спрашивает? Для того чтобы, узнав причину, другие могли ее воспитывать в себе. Если кто-то говорит: Стоя на голове, я становлюсь умиротворенным, — вы тоже встаньте на голову и станете умиротворенным. Кто-то говорит: Я счастлив, отказавшись от мира, — вы тоже откажитесь от мира и станете счастливым. Так счастье становится чем-то, чем можно манипулировать. Люди так и поступают, они подражают друг другу.

На самом деле у счастья нет никакой причины. С того дня, когда вы это поймете, вы сможете быть счастливым в любое время, в любое мгновение. Если бы была причина, было бы необходимо время, была бы нужна практика, долгая практика. В этом решительность позиции Дао: вы можете стать счастливым прямо сейчас, сию минуту.

Что это значит? Что нет причины и не нужна никакая практика. Дело только в том, чтобы это позволить, попустить — и оно сразу придет, если вы только позволите. Не позволяя, вы становитесь камнем. Позвольте — и камень убран. Дело в том, чтобы позволить. Бог здесь, позвольте Ему, вот и все. Если вы не разрешите, Он не войдет, Он не может нарушить вашу свободу. Если вы говорите нет, Он не войдет в вас. Если на ваших дверях написано без разрешения не входить, Он подождет. Он даже не будет просить у вас разрешения, Он будет просто ждать, даже спрашивать разрешения — значит, вмешиваться в вашу свободу. Он подождет, не станет звонить в колокольчик. Он просто подождет. Бог везде, Он ждет, а ждет Он так тихо, ... Вот почему его присутствия не чувствуют, кажется, что Его почти нет, не правда ли? Кажется, что Бог — самое отсутствующее в мире, вот почему существуют атеисты, вот почему они могут сказать: Где ваш Бог? Мы не видим... Он настолько не вмешивается, Он дозволяет вам совершенную свободу, а совершенная свобода включает возможность пойти против Бога.

Ваша природа — из благодати, вы сделаны из этого — из благодати, но нужно допустить ее, нужно расслабиться, быть в состоянии попустительства. Тут нет никакой причины, нужно только это попустительство, хорошо-как-есть. Это, в принципе, может случиться в этот самый момент, не нужно ни секунды разрыва. Если бы была причина возникновения счастья, тогда нужно было бы много времени и даже при этом никогда нельзя было бы предугадать: возможно, получится, а может и нет.

Заметьте эту разницу в подходе Дао и индуизма: индуист, буддист, джайн, все они скажут вам: прошлые рожденья, карма — прежде всего, нужно устранить все это. Многое нужно сделать, нужна строгая дисциплина, только тогда можно достигнуть. Аштавакра, Лао-цзы, Бодхидхарма, Лин-ши говорят — ничего не нужно, только позвольте. Расслабьтесь, позвольте, и в тот же момент оно польется на вас.

— В чем причина твоей радости. Учитель? — спросил Конфуций.

Расскажи, как ты достиг, расскажи мне о своем процессе, какой ты следовал методике, каким принципам, какому учению, каким текстам. Как ты этого достиг? Конфуций взалкал, он хочет достигнуть того состояния, когда песня льется свободно, музыка течет, где постоянный праздник. Его восхитил этот человек.

... в одном тулупе, перепоя санном вере вкой, поющего и играющего на лютне.

Бедняку не с чего веселиться, не с чего радоваться. Если бы он был несчастен, было бы понятно. Конфуций прошел бы мимо, даже не заметив. А этот бедняк в одном тулупе, перепоясанном веревкой... поет? Поет песню радости? Играет на лютне? Конфуций заморожен, очарован, но задает неверный вопрос. Даос никогда не задает такого вопроса. Радость есть, она просто есть. Тут нет ни какой причины, поэтому нет никакого метода, одно

понимание.

У меня много радостей, — ответил тот.

Если у вас много радостей, вы еще не поняли, что такое радость: радость только одна, не может быть много радостей. Может быть много болезней, но не может быть много здоровий. У вас одна болезнь, у меня — другая, у кого-то — третья, но когда я здоров, и вы здоровы, и он здоров, — какая в этом здоровье разница? Отличите ли вы мое здоровье от своего? Невозможно: здоровье универсально, болезнь у каждого своя. Болезнь от я, здоровье от отсутствия я. Болезнь от тела, от ума; здоровье — вне этого, и вне этого оно едино. Мое тело другое, чем у вас, конечно, и болезнь у меня будет другая, чем у вас, но здоровье? Здоровье одно, у него свой вкус, всегда тот же вкус, вечно тот же.

Каков вкус твоего блаженства? — спросил кто-то Будду.

Отпей у моря, — ответил тот. — Отпей от одного берега, от другого, попробуй отпить от любого берега или от середины океана, — вкус всегда один — соленый. У блаженства один вкус.

Любой, становясь Буддой, приходит к единому вкусу. У здоровья единый вкус. У здоровья ребенка, юноши, старика вкус один и тот же. У здоровья мужчины и женщины вкус один и тот же.

Но болезни различны. Медицина говорит, что одна и та же болезнь у разных людей различна, так что при одной и той же болезни вашей жене может не помочь лекарство, излечившее вас, вот почему нужен врач, иначе было бы довольно и фармацевта.

Медицина, начиная глубже разбираться в вопросах болезни и здоровья, все больше убеждается, насколько болезнь индивидуальна. Не лечите болезнь, лечите больного. Не увлекайтесь болезнью, взгляните в каждого больного, в строй его личности, в его жизненную позицию, образ жизни, привычки. И вы увидите: все болеющие туберкулезом болеют по-разному и требуют различного лечения.

Болезни индивидуальны, но здоровье? Здоровье вне личности, оно универсально. Так же и радость. Несчастье — это болезнь, радость — это здоровье, благополучие. Конфуций задает ложный вопрос и получает ложный ответ. Конечно, этот человек ничего не знает о радости. У меня много радостей, — говорит он.

Много? Значит что-то не так — радость одна. Если вы говорите, что у вас много радостей, вы не знаете, что такое радость. Может быть, вы говорите об удовольствии, может быть о так называемых моментах счастья, которые на самом деле не моменты счастья, а лишь моменты меньшего несчастья. Человек глубоко несчастлив, и вот однажды почувствовав себя не таким несчастным, он говорит: Я так счастлив. Это он сравнивает; а на самом деле он не знает, что такое счастье. Он знает только, что его несчастье то сильнее, то слабее. Когда оно не такое сильное, он говорит: «Я счастлив». Вы замечали это сами. Знали вы когда-нибудь счастье? Знаете ли вы его вкус? Вы знали лишь разное состояние несчастья.

Порой несчастья так много, что оно становится непереносимым, а иногда оно сносно, подконтрольно. Вы переходите от меньшего несчастья - к большему, от большего несчастья - к меньшему, но счастье вам просто незнакомо. Раз, узнав счастье, не нужно быть больше несчастным, у вас уже есть ключ. Можно открыть дверь в любой момент, но вы не можете открыть дверь счастья. Это просто показывает, что у вас нет ключа, вам знакомы только разные состояния одного и того же: то тьма, то потемки, — хоть глаз выколи, а то что-то виднеется. Но вы не знаете, что такое свет. Свет — это не один из уровней тьмы, в свете нет никакой тьмы. Свет - совсем другой вид энергии, ничего общего с тьмой. Свет и тьма не уместятся в одной комнате.

— У меня много радостей. Из миллиарда созданий неба человек — самое благородное, а мне выпало счастье родиться человеком. Это — первая моя радость.

На первый взгляд возвышенно и очень лестно для человека. Человек всегда думает, что он высшее божье творение. Человек всегда думает, что он ближе всех к Богу и это ему очень приятно. Но какое счастье может прийти от я? От я — одни несчастья, а один из важнейших пунктов самости: человек — второй после Бога. Но мы говорим так только из вежливости, про себя мы знаем, что мы на первом, а Бог — на втором месте.

Представление о я всегда влечет за собой желание быть первым, тогда все остальное на втором месте. Фридрих Ницше искреннее других: Я не могу допустить существование Бога, тогда я буду вторым, а вторым я быть не могу, я не могу принять положение второго. Если Бог есть, я всегда буду вторым. Как бы я ни возрос, чего бы ни достиг — я буду всегда вторым и никогда первым, выше всех. Это неприемлемо для него, и он говорит: Бог мертв, а человек свободен. Бог — это оковы, и он в самом деле прав. Я говорю в самом деле, такова тайная мысль каждого: каждое я хочет, чтобы Бог был вторым. Даже будучи великим молитвенником, как говорят, истинно верующим, вы всегда пытаетесь управлять Богом по-своему: Сделай, как я хочу! В этом смысл всех ваших молитв: Сделай по-моему. Слушай меня. Вы прилагаете все усилия к тому, чтобы сделать Бога вашим слугой, вы зовете его Господь, Учитель, но все это побрякушки, вы пытаетесь управлять им, вы говорите: Я никто, ты все, но про себя знаете, кто есть кто. Даже сражаетесь за своего Бога, потому что это ваш Бог. Даже, когда вы приносите себя ему в жертву на каком-нибудь алтаре, вы приносите себя в жертву своему Богу. Когда вы склоняетесь в храме перед образом Бога, вы поклоняетесь образу, созданному вами, значит, — своему Богу. Вы падаете на колени перед своим же созданием, вы кланяетесь, как перед зеркалом, отражаетесь в нем и говорите: Как прекрасно! Христиане говорят: Как прекрасен Христос! Буддисты говорят: Как прекрасен Будда! Буддист не признает красоту Христа, это не удовлетворяет его я. Христианин не признает красоту Будды, это не удовлетворяет его я. Буддист не может поверить в красоту Христа, Магомета, Моисея, это не удовлетворяет его я.

Запомните, мы все доставляем удовлетворение своему я всеми возможными способами: грубо и тонко, прямо и косвенно. Религиозен тот, кто знает это, религиозен тот, кто понял это, осознал это, — и состояние я исчезает.

У религиозного человека нет и мысли, кто выше. Религиозный человек не может сказать: Я выше, чем дерево, я выше, чем звери, я выше, чем птицы. Религиозный человек не может сказать: Я выше всех. Религиозный человек приходит к пониманию: Меня нет. И в этом опытным познании меня нет струится радость, камень убран.

А этот человек говорит:

— У меня много радостей. Из миллионов созданий неба, человек — самое благородное...

Почему? Почему человечество благороднее всех? Если взглянуть на человеческую историю, создается впечатление, что человек — самый недостойный. Взгляните на зверей: в них нет столько злобы и безумия. Видали вы зверей — либералов или пытающихся пройти в президенты? Они живут естественно и естественно умирают. Дикие животные не сходят с ума, или сходят с ума только в зоопарке, но это дело рук человека. На воле звери не кончают жизнь самоубийством и не становятся гомосексуальными, это бывает только в зоопарке, там они становятся опасными и могут убить. Да, они убивают, но только когда хотят есть. Человек убивает просто так, идет в джунгли, убивает тигра и говорит: Это я просто так, из спортивного интереса. Я охотился.

У зверей нет идеологии, они не убивают из-за того, что они христиане или мусульмане. Человек может убить просто так, без причины и по любой причине: из-за абстрактных учений и принципов. Никто не готов полюбить, но убить готов каждый. Если вы оскорбите Библию, христианин готов вас убить, а спросите его: Живешь ли ты по Библии? Он ответит: Это так трудно. Никого не волнует, живет ли он по Библии, но если зовут убивать, — всегда пожалуйста. За последние три тысячи лет велось пять тысяч войн. Нет, звери более достойны, у них естественное благородство. Человек слишком коварен.

Но этот человек говорит:

— Человек — самое благородное, а мне выпало счастье родиться человеком. Это моя первая радость.

Это не радость, это удовольствие от чувства самости: Я — кто-то. И запомните: это не может привести вас к настоящему счастью, потому что оно основано на сравнении. Ощущая себя первым, можно в любой момент почувствовать себя и последним.

Я слышал, что один святой, известный в Индии учитель, говорил своим ученикам: Всегда

смотрите на тех, у кого еще меньше, чем у вас, и вы будете счастливы. Если у вас есть дом, смотрите на тех, у кого его нет. Конечно, почувствуешь себя счастливым. Если у вас один глаз, посмотрите на слепого и почувствуете себя счастливым. Но что это за счастье? И что это за религия? И, конечно, вам не отбросить обратной стороны: одноглазому приятно смотреть на слепого, но что ему делать, если навстречу попадается человек с двумя сияющими глазами? Он почувствует себя несчастным.

Ваше так называемое счастье основано на несчастье и таит несчастье.

Нет, никто не пришел к счастью через сравнение. Счастье — это состояние несравнения. Не сравнивайте.

Я слышал...

Папа взял Сою на шоу с пятьюдесятью самыми красивыми голыми актрисами в стране. В продолжение всего сеанса папа только пыхтел и отплевывался:

— Тьфу! Тьфу! Тьфу!

— В чем дело, папа, тебе не нравится шоу?

— Конечно, нравится, просто я думаю о твоей матери.

Если вы сравниваете, сравнение вам неприятно и создает трудности. Запомните: не бывает счастья от сравнения.

Но этот человек говорит:

— У меня много радостей. Из милл иа р да созданий неба , чело век — самое благородное, а мне выпало счастье родиться человеком. Это — моя первая радость.

В этом мало радости, это просто возвеличивание я, вам приятно, вы чувствуете себя первым, но тот, кто должен быть первым, чтобы ему было приятно, живет как на вулкане. Тот, кому нужно быть первым, чтобы почувствовать себя счастливым, страдает от комплекса неполноценности. Только неполноценный думает о превосходстве. Настоящий человек, подлинный человек — не первый и не последний, он просто есть — уникальный и нет выше его, нет ниже его.

Во всем существующем царит равенство: деревья и камни, звери и птицы, мужчины и женщины. Бог ни чего не разделяет, существование - целое, в равной степени. Как только вы увидите это потрясающее равенство, это единство, вы становитесь радостны. И тогда у радости нет причины, она беспричинна.

Многие, рождаясь, не проживают дня или месяца, не вырастают из пеленок, а я уже дожил до девяноста. Это то же радость.

Сравнение... кто-то умер, только родившись, кто-то умер молодым, и человек спрашивает: Мне девяносто, я долгую жизнь прожил, отчего же мне быть несчастным? Я счастлив, я пожил дольше, чем другие. Но если бы эти другие не умерли, что тогда? Если бы он был один во всем мире, был бы он счастлив? Представьте: весь мир исчез, остался один этот человек, нет зверей, нет птиц, нет камней, — ему не с чем себя сравнивать. Девяносто лет, ну и что? Все его счастье исчезнет, оно коренится в сравнении.

Дао говорит: Если ты один, абсолютно один и твое счастье при этом останется тем же, значит — ты достиг, — иначе ты не достиг.

Сравнительное счастье — это псевдо счастье. У меня машина, а у тебя нет. У тебя нет, вот я и счастлив. Тут есть что-то глупое: как я могу быть счастлив потому, что у тебя нет машины? У меня дом, а у тебя нет. У тебя нет дома, вот я и счастлив. Такому счастью больше бы хотелось несчастья других, чем своего счастья. Нет у тебя машины, — я счастлив, потому что ты несчастлив. Логика - просто прелесть. Поймите эту логику, ее арифметика очень проста. Я счастлив, когда другие несчастливы, я буду еще счастливей, если весь мир провалится в ад, тогда мне будет совсем хорошо. Такова эта логика, так человек мыслит.

В Калькутте я часто бывал в самом красивом в городе доме. Он был из мрамора, в самом деле прекрасный, отделанный с тонким вкусом, десять акров в центре Калькутты — что-то немислимое. Хозяин любил дом без памяти; всякий раз, когда я гостил у него, он рассказывал о сделанных им новых улучшениях, водил показывать бассейн, зеленую лужайку... Но в последний раз, когда я у него был, он выглядел очень несчастным. В чем дело? Ты ничего не показываешь. Ничего новенького?

Мне уже неинтересно. Ты же видишь, что мой сосед через дорогу построил дом еще лучше, и пока я не сумею построить дом больше, не будет мне счастья.

У него же остался его прекрасный дом, но радость исчезла. Что общего у твоего счастья с соседом? Ну построил дом больше, какое тебе дело? Твой-то дом остался тем же, а ты растерял свое счастье, значит ясно, — говорил я ему, — совершенно ясно, что ты был счастлив оттого, что сосед — бедный.

Наблюдайте, всегда наблюдайте. Нелепость и жестокость — быть счастливым, видя чужое несчастье. Так люди начинают двигаться в ложном направлении, становятся угнетателями, эксплуататорами, становятся опасными — это проклятье на человечестве, но логика у них та же.

Вот что говорит этот человек: Я счастливее других, многие умерли совсем юными, а мне уже девяносто. В этом моя радость.

Для всех нищета является нормой, а концом — смерть. Придерживаясь нормы и ожидая конца, о чем еще можно печалиться?

Почти все бедны, — говорит он, — потому быть бедным нормально. И все, конечно, умрут, умру и я. Я беден, и умру, все бедны, все умрут, отчего же чувствовать себя несчастным? Вот почему я счастлив.

Это — не счастье.

Но Конфуций воскликнул: Прекрасно!

На Конфуция это произвело сильное впечатление.

— Прекрасно!. ., вот человек, знающий, как себя утешить.

В этой фразе проглядывает лукавая улыбка Ли-цзы. Он показывает, что на Конфуция это произвело огромное впечатление.

— Прекрасно!. . вот человек, знающий, как себя утешить.

Для Конфуция цель — быть довольным жизнью, цель — иметь утешение. Искать большего, — говорит Конфуций, — значит, искать невозможного. Это все, что может быть у человека, а этот человек знает, как себя утешить: он счастлив, что поет.

Но Дао понимает, что утешение негативно, это не удовлетворение. Удовлетворение не имеет ничего общего с утешением, удовлетворенность — совсем другое измерение.

Попытайтесь это понять: утешение — рационализация своей ситуации; стараться не беспокоиться, стараться не обращать внимания, создать буферную зону вокруг себя.

Гурджиев называет это буфером: каждый создает вокруг себя буферную зону, чтобы жизнь была не столь мучительна.

Буфера стоят на автомобилях, чтобы не трясло на ухабистой дороге, а жизнь очень ухабиста. Буфером служат пружины. Ухабы тяжелой дороги смягчаются пружинами, чтобы вам не отбило печенки. Так называемая философия утешения — это буфер. Вы видите, что бедны, вас окружает глубокое несчастье — создайте буфер. Сколько бедных? Миллионы бедных, так что же печалиться? Такова жизнь. Вы создали буфер, чтобы облегчить себе жизнь.

Вы больны, возникает чувство несчастья и горечи — пойдите в больницу, посмотрите на людей и почувствуете себя просто счастливым. Вы создали буфер: вы больны, но не в такой степени, как другие. Потеряли ногу — пойдите на угол, посмотрите на нищего, потерявшего обе ноги, и почувствуете утешение.

Это буферы — всегда смотреть на всех, у кого нет и того, что есть у тебя. Так жизнь становится спокойнее, удобнее, не трогает. Постепенно между вами и жизнью создается такая дистанция, что до вас через буфер ничего не доходит. Вы живете, запечатанные в свои буферы, философии, утешения. Настанет день и жизнь кончится, но вы можете себя утешить: каждый умрет, со мной не произойдет ничего особенного, не со мной одним Бог поступает так сурово. Можете обратиться к теории многих рождений: душа вечна, и вы родитесь снова. Можете считать, что умирает только тело, а что такое тело? Лишь кости и плоть, кровь и нечистота; ничего в нем хорошего, грязный мешок, пусть оно умирает, но ваша чистая душа пребудет вечно, — создан буфер.

Эти буферы не позволяют вам увидеть, какова реальность — это способ утешить себя, но

Конфуций считает, что утешение — конечная цель; если человек может себя утешить, он понял все искусство жить. Конфуций думает, что вся жизненная мудрость — прожить в этом несчастном мире относительно свободно, относительно легко, не падая под непомерной ношей. Да, есть несчастье, но от него можно защититься, создавая концепции, рационализации. И человечество переходит от одной рационализации к другой, но находит всегда только новые рационализации.

На Востоке, например, рационализация очень древняя: если тебе плохо, значит, ты дурно поступил в прошлом, в прошлых жизнях. Что-то было дурно в твоём прошлом, ты создал плохую карму, отсюда твои несчастья. Теперь все объяснено и можно страдать спокойно. Вышили, теперь распарывайте.

Был, говорят, один отличный портной. Его уличили в воровстве и посадили в тюрьму на два года. Мэр города решил навестить его, это был лучший портной, и весь город оплакивал его отсутствие. Зайдя в камеру, мэр увидел, что он шьёт, — старая привычка, а что собственно ещё делать? Я смотрю, ты шьёшь? — Нет, сударь, распарываю.

Вся философия кармы в том, что вы теперь распарываете то, что сшили раньше. Вы породили причину и вот — естественное следствие. Утешает... Так, что все к вам справедливы, общество к вам справедливо, — это просто ваша карма, что поделаешь. Надо пройти через нее и надо остаться уравновешенным, держать баланс и больше так не делать, иначе в следующих жизнях будет то же самое. Это единственное, что можно сделать! Нельзя изменить прошлое, но можно изменить будущее... прекрасное утешение.

На Востоке оно помогает оставаться в бедности, нищете. Оно помогает Востоку оставаться уродливым и грязным, оно помогает Востоку утешить себя, и это утешение превратилось в грандиозную летаргию. Ничего нельзя поделать, нужно только терпеть. Все, что нужно, — это быть осторожным с будущим. Надо принять прошлое и опасаться будущего, — вот и все, но даже в нищете и несчастье Восток кажется счастливее Запада. Почему? У Востока — красивый, замечательный буфер, сильный буфер для защиты себя.

Каждое общество должно было создать свои утешения. Одним из самых утешительных процессов на Западе является психоанализ: вы идёте к аналитику, и он возлагает всю ответственность на вашу мать. Вы же чувствуете большое облегчение: Я-то что могу сделать? Нельзя изменить свою мать, так же, как нельзя изменить свое прошлое: ваша мать — это ваше прошлое, что тут поделаешь? В другой раз будете немного осторожнее! Не попадайте ни в чьи утробы — вот и все. Так уж случилось — вы родились от такой-то матери, и она испортила вам жизнь. Вы не в ответе, как приятно, просто несчастье, что так случилось, но раз уж случилось, так случилось, примите это. Процветай психоанализ многие годы, и он убедит вас принять, приготовит к тому, чтобы принять, — вот так, мол, и тут ничего не поделаешь. Все эти объяснения — рационализация: нашли ответы на все вопросы, о чем бы вы не спросили.

Если вы курите, есть ответ на вопрос, почему вы курите: ваша мать отняла вас от груди раньше, чем вам бы этого хотелось, поэтому вы курите, так что уж вы за это не отвечаете: что же вы могли поделать? Сигарета — замена материнской груди; от груди — теплое молоко, от сигареты — теплый дым; вы держите сигарету, как материнскую грудь. Нашли очень умное объяснение. В какой-то мере все это так.

Но беда в том, что Фрейд сам был заядлым курильщиком, и кто-то спросил его:

— А почему Вы курите?

— Иногда сигара — это просто сигара, — ответил он.

Он хотел защититься. У всех, конечно, есть комплексы, и все должны прибегать к утешению, что из-за этих комплексов... Но как же я, основатель психоанализа, могу курить, хотя я знаю, что это? Вот он и говорит: Иногда сигара — это просто сигара.

На западе очень любят все объяснять, это принимает уже размеры эпидемии. Анализировать, всегда стремиться узнать почему, как будто от этого что-то меняется. Почему вы несчастливы? Пойдите к аналитику, и он вам найдет эти почему: отец у вас был такой-то, мать — такая-то, детство — такое-то — вот почему. И вам очень хорошо: вам очень хорошо, потому что теперь у вас есть рационализация.

Я слышал самую коротенькую психиатрическую шутку. Послушайте внимательно, она очень маленькая.

Один спросил другого:

— Ты психиатр?

— Почему ты спросил?

— Значит, психиатр.

Почему, постоянно почему, как будто почему все объяснит.

Оно просто откладывает, отодвигает всю проблему назад, но ведь снова можно спросить: Почему?. Индуизм отвечает: было что-то дурное в прошлой жизни. — Почему? — Потому что было что-то дурно в предыдущей жизни — Почему? — Тут Махатма рассердится и скажет: Хватит! Ты преступаешь границы. Об этом не спрашивают, это испытывают на своей шкуре. Какой смысл говорить, что причина этой жизни - в прошлой, а прошлой — в позапрошлой...? Но так же, как на Востоке религия стала утешением, на Западе утешением стал анализ.

Анализ испытывает почти навязчивую потребность анализировать и находить причину всего на свете. В Америке это стало уже коллективным неврозом, всякий ходит к аналитику или психиатру. Женщины, встречаясь в клубе, говорят о своем психиатре: что он сказал и на сколько глубокий его анализ.

И все сводится к нижнему уровню. Спросите: В чем причина лотоса? — В болотной грязи, — ответит аналитик. В чем причина вашего духовного опыта? Он обратится к сексу — болотной грязи, нижнему уровню.

Но как бы то ни было, это помогает. Если вы убедитесь, что все Махатмы, испытавшие сахасрару, испытали только сексуальные переживания, сублимированную сексуальность, вам станет легче: не о чем печалиться, не нужно ничего искать, — это просто сублимированная сексуальность. И вам становится хорошо там, где вы находитесь. Если Будда достиг благодати, это только сексуальная фантазия, так что все в порядке; можно читать Плейбой и наслаждаться своими сексуальными фантазиями, потому что переживание Будды — тоже только сублимированная сексуальная фантазия.

Я слышал о происшествии времен второй мировой войны. Священник приехал на фронт читать проповедь о предназначении. Он убеждал солдата не тревожиться о своей судьбе на поле боя; если кому суждено умереть, пуля найдет его, где бы он ни был, а кому суждено уцелеть, того не тронет ни одна пуля.

Вскоре разгорелся бой, засвистели пули, священник быстро побежал и спрятался за большим деревом. Заметивший это солдат спросил, как увязать проповедь о предназначении и поведение священника.

Ты не до конца понял теорию и принцип предназначения, — ответил тот. — Мое предназначение в том, чтобы побежать и спрятаться за большим деревом.

Объяснения, объяснения... умные утешения... места, где спрятаться... Жизни надо смотреть в лицо. Она груба, в ней много боли, но боли надо смотреть в лицо. Есть несчастье, и его надо встретить, его надо пройти без всяких объяснений, без всяких утешений. Если вы сумеете прожить жизнь, не теоретизируя о ней, а прямо, непосредственно, с мгновенной реакцией, мгновение за мгновением, — однажды вы придете к источнику радости, — не утешению, а удовлетворению. А какая разница? Удовлетворение — позитивное состояние вашего существа, утешение — только негативное. У меня — один глаз, у других — ни одного, — и я утешен. Я несчастен, другие еще несчастнее, — и я утешен. Я молод, другие стары, — и я утешен. Я стар, другие умерли молодыми, — и я утешен.

Утешения, утешения, и все до одного пустые.

Конфуций строит философию на утешении, Ли-цзы — на удовлетворении и разницу надо запомнить. Удовлетворение приходит только тогда, когда вы не сравниваете, когда вы просто в себе, полностью в себе, укоренились, нашли центр. А будучи в себе, вы вдруг понимаете, что все — ваше и вы — от целого, вы не отдельные, я исчезло, вы стали Вселенной. Это мгновение великого удовлетворения, великого благословения, но это благословение, удовлетворение не проходит через рационализацию, оно проходит через реализацию — в этом вся разница.

Утешение — это рационализация, удовлетворение — это реализация. Итак, есть три состояния сознания. Неудовлетворение — состояние сравнения, сравнения с теми, у кого больше, чем у вас, — отсюда неудовлетворенность. У кого-то отличная машина, а вы ходите пешком, отсюда неудовлетворенность. Второе состояние - утешение: вы пешеход и встречаете безногого нищего, — сравнение с тем, у кого меньше, чем у вас, все равно — сравнение. Неудовлетворение — одна сторона монеты. Утешение — другая. Монета называется сравнение. Когда вы вообще забрасываете монету - утешение и неудовлетворение вместе — тогда вы вдруг оказываетесь в состоянии не сравнения — это настоящая удовлетворенность. Тогда вы не сравниваете, у кого больше, у кого меньше. Дело не в том, чтобы иметь, а в том, чтобы быть. Иметь никогда не поможет.

Позапрошлой ночью я читал необычную статистику, которую Бил Брайт приводит в своей замечательной книге Иисус и интеллигент. В тысяча девятьсот двадцать третьем году в Чикаго в Эйди-сотербичском отделе состоялась важная встреча: девять крупнейших финансистов мира — Чарльз Шваб, президент крупнейшей независимой сталелитейной компании; Самуэль Инсал, президент самой крупной страховой компании; Говард Генсон, президент крупнейшей газовой компании; Артур Софтон, крупнейший спекулянт пшеницей; Ричард Витни, президент Нью-Йоркской биржи; Альберт Фол, член правительственного кабинета; Лион Фрезер, президент международного банка по освоению земельных участков; Гесс Лизермор, крупнейший медведь Уолл-стрит и Ивер Крюгер, глава крупнейшей монополии.

Через двадцать пять лет Чарльз Шваб умер банкротом, живя на чужие деньги в течение пяти лет перед смертью; Самуэль Инсал умер в ссылке в чужой стране по судебному определению; Говард Гонсон сошел с ума; Артур Соттон умер за границей, запутавшись в долгах; Ричард Витни окончил свои дни в Синг-Синге; Альберту Фолу приговор был смягчен, чтобы он мог умереть дома; Гесс Лизермор, Лион Фрезер и Ивер Крюгер покончили жизнь самоубийством. Все эти люди научились хорошо жить, но никто из них не научился тому, как жить!

Вы можете иметь, сколько хотите, но, имея, никто еще не достигал жизни. Жизнь приходит только через быть, а не через иметь.

Есть три типа людей: имеющие — от мира сего; отказывающиеся — не от мира сего. Это не противоположности, как можно подумать, просто вторые верят, что они достигают счастья, имея как можно меньше, но и имеющие, и отказывающиеся верят в иметь. Третий — совсем другое измерение, принадлежит бытию; не иметь, ни не иметь.

Это я понимаю под саньясой: не будьте от мира, не будьте не от мира. Не сравнивайте с теми, у кого больше; не сравнивайте с теми, у кого меньше. Не сравнивайте, просто будьте самим собой... позвольте себе быть, и это быть принесет огромную радость. И радость эта будет радость, а не радости, — одна, а не много. И у радости этой не будет причины, она будет беспричинна, как здоровье человека, когда он хорошо себя чувствует.

Запомните: если вы ищете утешения, вы найдете его, но это — фальшивая монета. Уютная, удобная, она похожа на наркотик: вы пьете его и остаетесь несчастным, убожество не меняется, но вы забываете о нем. Утешение — вид интоксикации: ничего не меняется, потому что дверь несчастью остается открытой, вы продолжаете сравнивать. Сравнение — корень убожества. Быть несравниваемым — быть не выше и не ниже, просто быть самим собой; не думать, исходя только из своего глубочайшего одиночества, — тогда вы счастливы.

К психиатру пришла женщина. У нее была замечательная фигура, одна из тысячи: великолепные формы, упругая, подтянутая, но, несмотря на все эти дары природы, у нее развился невроз, что за ней подглядывают.

— Какие меры вы принимаете от этого бедствия? — спросил ее психиатр.

— Я закрываю окна, задергиваю шторы и раздеваюсь всегда за ширмами.

— А чтобы мальчишки не подглядывали в замочную скважину?

— Распахиваю двери.

Конечно, если распахивать дверь, никто не сможет подглядывать в замочную скважину. Но дверь распахнута, — к чему тогда все это? Таково же и утешение: дверь остается открытой,

утешение основано на сравнении, и несчастье основано на сравнении, так что дверь открыта, а вы все больше проникаетесь утешениями, все больше и больше задыхаетесь в своем теоретизировании, рационализировании, — все больше и больше изоляции. Прячась за своими буферами, вы упускаете жизнь.

Отбросьте сравнения.

На первый взгляд, эта притча ничего не имеет против Конфуция. Это стиль Ли-цзы — они люди очень тонкие. Он и слова не сказал против Конфуция, разнося при этом всю конфуцианскую философию. Так что эти притчи простые. Они, конечно, просты, но очень глубоки. Надо как следует покопаться, нужно проникнуться ими, нужно понять разницу между учением и спонтанностью.

Дао против всего, относящегося к учению. Дао за все, относящееся к спонтанности. Дао — это спонтанность. Дао — это хорошо-как-есть. Дао — это глубочайшее принятие того, что есть. И человек расцветает в этом принятии.

Никаких сделок с действительностью.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Что есть не иллюзия?

ОТВЕТ: Все иллюзия, кроме наблюдающего. Все сон, кроме наблюдающего. Только познающий — истина, реальность. Все, что вы видите — иллюзорно; видящий не иллюзорен. Ночью вы видите одни сны, днем — другие, ночью забываются сны дня, днем забываются сны ночи. Порой вы спите с закрытыми глазами, порой вы спите с открытыми глазами, но одно вечно присутствует здесь, никогда не меняясь — это ваше сознание. Ночью вы видите сны, днем вы видите вещи, мир. Все изменяется: ночь в день, день в ночь, сны в мысли, мысли во сны, только одно остается неизменным — ваше наблюдение.

То, что вечно — истина. То, что меняется — иллюзорно.

Учтите, говоря иллюзия, я не имею в виду, что этого нет. Говоря иллюзия, я лишь имею в виду, что это не вечно истинно, а какой смысл во временной истине, в истине на мгновение? До этого мгновения это не было истиной и после этого мгновения перестанет быть ею. Вот почему на Востоке мы не гонимся за жизнью: ее не было до рождения, ее снова не будет после смерти, так что это мгновенное явление не много стоит. Вовсе не обязательно быть одержимым ею, можно пройти через жизнь безучастно, не будучи затронутым ею.

Внимание Запада приковано к видимому, внимание Востока — к видящему: либо вы концентрируетесь на объекте, либо на себе. Когда вы концентрируетесь на объекте, ваш подход объективен, научен. Когда вы концентрируетесь на субъекте, ваш подход религиозен, субъект вечно истинен.

В Библии говорится: Вначале было Слово. На Востоке не могли бы так сказать, Восток говорит: В начале был наблюдающий, а затем — объект наблюдения. Наблюдающий вечно останется субстратом всего. Даже если бы в начале было слово, кто-то должен был его услышать — наблюдающий, видящий, иначе быть не могло. Так что, тот, кто слышит, предшествует слову; слово не может быть в начале. Больше и больше, глубже и глубже ищите наблюдающего, все больше входите в наблюдение — и однажды все изменится, произойдет трансформация вашего фокуса.

Вот, например, вы слушаете меня. Можно слушать двумя способами, потому что все можно делать двумя способами: по-восточному и по-западному. Вы слушаете меня, ваше внимание может быть приковано к слушающему, наблюдающему, свидетелю, очевидцу. Не слишком важно то, что говорится или что вы слышите, но вам важен тот, кто слышит. Вы видите меня... кто видящий, кто видит? Эта трансформация, полная перемена приведет вас в не иллюзорный мир. Иначе все иллюзорно.

Я понимаю ваш вопрос: вы имеете в виду, что во внешнем мире есть что-то нереальное. Нет, снаружи все реально. Не то, чтобы что-то было реально, а что-то нереально — например, наружное нереально, а внутреннее реально. Снаружи растет ум, внутри растет медитация. Работая с внешним, ваш ум становится все более и более эффективным, на Западе ум стал потрясающе умен. Когда вы начнете глядеть внутрь, на глядящего, растет медитация, тогда

вы не становитесь великим философом и мыслителем, но вы испытываете истину... вы становитесь великим мистиком... вы становитесь Буддой, Ли-цзы, Иисусом.

Но все внимание, всегда помните, приковано к отражающему зеркалу. Не слишком привязывайтесь к тому, что отражается. Вы смотрите в зеркало, ваш образ кажется таким реальным, но он не реален. Пусть образ не слишком владеет вами, образ в зеркале нереален, и человек, стоящий перед зеркалом, тоже нереален. Реально только одно сознание, знающее: Я стою перед зеркалом. Реально сознание, знающее, что зеркало отражает стоящего перед ним. Это трансцендентальное сознание — реальность, и через него снисходит благодать, сат - чит - ананда . Через него становятся истинным, создающим и благодатным.

Почему мы называем мир иллюзорным? Позвольте напомнить: иллюзорный — не значит нереальный, это значит — реальный лишь временно, реальный на какое-то время.

Почему мы называем внешний мир иллюзорным? Потому что он приносит только ничтожное, он наделяет одними проекциями, амбициями, желаниями, он никогда не дает вам быть по-настоящему счастливым, подлинно счастливым. Он дает надежду, но никогда не исполняет ее. Он ведет вас во многие путешествия, но цель никогда не появляется, поэтому его называют майя, иллюзия. Он обманывает вас, это мираж, кажется, что он есть, но придя туда, вы ничего не находите. И к этому времени, как пришли туда вы, ваши желания проецируются еще дальше. Это подобно горизонту: вы идете к нему, он отступает, вы никогда не достигаете, не можете достичь, — это невозможно по самой его природе, он только кажется, его нет. В случае если вы вступаете в свой внутренний мир, все совсем наоборот: чем ближе вы подходите, тем благодатнее, тем более светлым, ликующим и радостным вы становитесь. Чем ближе вы подходите, тем более подлинным и истинным вы становитесь. И в мгновение, когда вы стоите в самом центре, вы — сама истина. В этом мгновении пророк Упанишад провозглашает: Я — Бог, Я — Брахма, Ахам Брахмасми.

В этом мгновении достижения внутреннего центра Мансур Аль-Каллади провозглашает: Ана эль-Хакк, я есть истина. В этом мгновении Иисус говорит: Я и Отец не двое, но одно.

Направляясь к объекту, вы уходите от себя, и чем дальше вы уходите от себя, тем дальше вы уходите от истины, потому что истина центрирована в вас.

Вы спрашиваете, что не иллюзия?

Я бы сказал — все иллюзия, кроме вас самих, но поспешу сказать, что, говоря вас, я не имею в виду то вы, которое вы знаете. Я имею в виду вы, еще не открытое вами, вы, которое принадлежит всему миру. То вы, которое вы знаете, не что иное, как скопление всех иллюзий, всех снов и желаний. Вы, о котором я говорю, к вам, как вы сейчас есть, не имеет ни малейшего отношения. Это — вечное вы, вечное ты. Оно не ваше, не мое, оно не чье-то еще, оно каждого, оно самый центр всех вас.

Когда ваше я отброшено, тогда возникает настоящее Я. Когда ваша самость исчезает, тогда возникает настоящая самость. Ко мне приходят и говорят: Самоотречение кажется нам очень трудным, потому что оно означает, что мы теряем себя. Они правы, но на самом деле вовсе не правы. Они правы, потому что их самость, та самость, что они знали до своего времени, будет отброшена, но на самом деле они не правы: как только ложная самость будет отброшена, появится настоящая. Она здесь, она спрятана за облаками ложной самости. Вы, как вы есть на самом деле, в своем центре, — реальность. Все остальное — иллюзия.

Чтобы познать эту реальность, надо прийти к состоянию полного бездействия; действуя, вы удаляетесь от себя, вот почему Ли-цзы, Чжуан-цзы, Лао-цзы так внимательны к пассивности, действуя, вы контактируете с внешним миром.

Что такое активность? Активность — это контакт с внешним. Когда вы пассивны, вы не контактируете ни с чем, вы просто здесь, никаких контактов... никакого моста между вами и внешним, все мосты исчезли. В полном молчании, в полной несвязности вы осознаете, кто вы есть, иначе деятельность настолько занимает вас, что ваша настоящая самость не может утвердиться, проявить себя. Она продолжает ждать, а вы продолжаете заниматься тривиальным, мирским. Надо научиться ничего не делать.

Больной пришел к врачу, скрючившись от боли. Осмотрев его, врач сказал, что он должен

бросить вино и женщин.

— Куда мне, я едва шевелюсь.

— Да, и курить тоже.

— Ну нет.

— Почему же?

— Тогда я буду чувствовать себя дураком, которому нечего делать.

Ничего не делая, человек чувствует себя дураком. Надо что-то делать; ничего не можешь делать — хотя бы кури. Когда нечего делать, начинают курить, хоть какое-то, но дело. Разве вы не замечали по себе? Если просто сидеть, через некоторое время ощущаешь беспокойство, надо что-то делать. Если кто-то войдет, вы сделаете вид, что чем-то заняты: возьмете прочитанную газету, иначе подумают, что вы дурак. Что вы делаете? Человек всегда, постоянно, всю жизнь должен что-то делать. Люди притворяются, что не могут просто быть, это не разрешается.

На Западе говорят: Пустая голова дьявола любит. Опасно, если кто-то ничего не делает. На самом деле занятая голова любит дьявола, пустая никому ничего плохого не сделала. У Гитлера не пустая голова. У Будды — пустая. Вся чепуха и все безобразия во все века происходили от занятой головы. У Чингисхана не пустая голова, у Чжуан-цзы — пустая. Пустая голова не сделала ничего плохого, потому что пустой голове ничего не нужно. Пустую голову нельзя убедить стать Адольфом Гитлером, она рассмеется на такую чушь — да вы что, зачем?

Александр на пути в Индию повстречал Диогена (тоже — пустая голова). Тот отдыхал на берегу реки, голый лежал на солнышке. Это зрелище произвело огромное впечатление на Александра: тишина, окружавшая этого человека, молчание, его красота, величие, благодать, изящество, естественная простота, спонтанность. Александру стало завидно. Говорят, он никогда никому не завидовал, у него было больше, чем у всех, — чего ему завидовать? А этому голому человеку он позавидовал: у того было нечто, о чем Александр не мог помечтать. В следующий раз, когда мне суждено будет родиться, я упрошу Бога сделать меня не Александром, а Диогеном, — сказал он.

Все ясно — яснее некуда. Александру стало стыдно: Да я как-нибудь, надеюсь... когда я завуюю весь мир, тогда тоже буду отдыхать и наслаждаться, как ты.

Что-то я не понимаю. Зачем? Если я могу наслаждаться, не завоевывая мира, почему бы тебе не сделать это просто сейчас? Зачем откладывать то, что может случиться прямо сейчас? Места тут хватит, ты не стеснишь меня захватом территории, места хоть отбавляй, никто еще сюда не приходил.

Говорят, что Александр очень опечалился после встречи с Диогеном и печалился много дней, и вновь и вновь говорил о Диогене. Потрясение было огромно.

Пассивный, бездействующий, пустой ум прекрасен: только в бездействующем состоянии можно познать истину. Активность создает иллюзии, активность создает волны вокруг нас, и вы не в состоянии разглядеть то, что есть. Бездействие... вся рябь улеглась, озеро молчит, в уме нет ни одной мысли; все исчезло, дым развеялся, ярко горит пламя. Когда сознание горит так ярко, что дыма нет и пламя чисто, вы познаете реальность.

ВОПРОС: Путь к реальности лежит через бездействие, пассивность, восприимчивость. Путь к реальности лежит через женственную восприимчивость. Путь к иллюзии — через мужскую, агрессивную активность. Почему у меня не возникает вопроса?

ОТВЕТ: Это Вани. Тебе повезло, Вани. Теперь только не пускай вопрос с черного хода, не думай об этом: Почему у меня не возникает вопроса? Тебе открылось счастье, благословение: не иметь вопроса — значит быть готовым получить ответ.

Набитый вопросами ум никогда не получит ответа, помните это.

Люди обычно думают: Как же ты получишь ответ, если не спрашиваешь? Это неверно. Ответ приходит только тогда, когда нет вопроса; достигает только невопрошающий ум, вопрошающий ум никогда не достигает. Да, если вы спрашиваете, ответ будет дан, но он не будет услышан. Если ум поглощен вопросами, то, услышав ответ, он сделает из него новые вопросы. Вы задаете вопрос, я отвечаю, но вы видите, как мой ответ рождает еще десять

вопросов. Ваш вопрошающий ум создает новые вопросы. Чтобы получить новые ответы, нужен вопрошающий ум.

Ответ здесь, ответ всегда был здесь, но получить его вы не можете, потому что задаете слишком много вопросов.

Обычно, когда кто-нибудь приходил к Будде с вопросом, он говорил:

— Жди год, молчи год. Отбрось все мысли. Приходи через год и тогда, если хочешь, я отвечу.

Однажды пришел знаменитый ученый с множеством вопросов. Будда выслушал его и сказал:

— Я отвечу, но ты должен подождать год. Это мое условие и обещание: через год я отвечу.

— Хорошо, — согласился ученый.

Но тут сидевший под деревом ученик Будды громко расхохотался. Пришедшему с вопросом стало немного не по себе.

— В чем дело? — спросил он, — чего он смеется?

— Спроси его сам, — ответил Будда.

— Чего ты смеешься?

— Будда — обманщик, он обманул меня, и я смеюсь, потому что тебя он тоже обманывает. Мне он сказал тоже: Подожди год в молчании, отбрось мысли, пусть мысли исчезнут, а потом спрашивай. Но когда мысли исчезнут, как ты собираешься спрашивать? Не останется никаких вопросов. Вот я и смеюсь, он тебя обманывает. Если ты на самом деле хочешь спрашивать, спрашивай сейчас, иначе ты никогда уже не спросишь.

— Это мое условие, — повторил Будда. — Если ты спросишь через год, я отвечу. Если не спросишь, я не отвечу.

Через год Будда спросил этого человека: Ну, что скажешь? Остались еще у тебя вопросы? Тот принялся смеяться и, наконец, сказал:

Теперь я понял, почему смеялся тогда твой ученик. Вопросы исчезли!

Все в порядке, Вани. Если нет вопросов, так и должно быть. Не тревожься об этом. Я понимаю, конечно, ты чувствуешь себя нелепо, чувствуешь себя немного ненормальным, когда все задают вопросы, а ты не задаешь. Чувствуешь: что же это со мной? Если все ходят к доктору, ты пойдешь и сам, а то подумают, что ты не в порядке. Мы подражаем тому, что делают другие. Не старайтесь придумывать вопрос, если его нет, отдыхайте в неспрашивающем состоянии.

И не думайте, что ваше вопрошание не достаточно сильно. Ум скажет вам: Нет вопросов, потому что нет вопрошания. Нет, при настоящем, подлинном вопрошании вопросы исчезают, остается только жажда, а это совсем иное состояние сознания: не складываются никакие вопросы — одно вопрошание, безмолвное напряжение, страсть, стремление узнать, но вопросов нет. Как можно высказать подлинный вопрос? Подлинный вопрос очень глубок — неизбежно, тривиально, ordinarily — но слишком глубок. Слова плавают на поверхности. Есть состояние ума, когда нет вопросов, но есть вопрошание, как биение сердца: вы чувствуете его, но не можете сказать, что это. Тогда вы становитесь вопросом, вопрошанием, голодом, жаждой. В миг, когда все ваше существо стало вопрошающим, не укладывающимся ни в какие вопросы, приходит ответ. Дело в том, что ответ уже в этой интенсивности, вы узнаете его.

Но я не говорю, что не надо задавать вопросов: задавайте, если они возникают. Я не говорю, что вы должны бороться с вопросами.

Если они возникают, — отлично, значит не нужно ни малейшего усилия, чтобы их формулировать. Если возникают, — отлично, освободите их, не начинайте с ними бороться. Ум всегда так и тянет делать то, что не нужно. Я вот, например, говорю Вани, что если вопрос не приходит — хорошо, не нужно и спрашивать. Но я не говорю этого другим, тем, кто задает вопросы. А вопросы возникают. Если они возникают, а вы их не задаете, они тревожат все сильнее и неотступнее.

Неожиданный вопрос начинает преследовать вас и сводить с ума. Так от него не освободиться; спрашивайте, наблюдайте, возникает вопрос, вы задаете его, я отвечаю.

Затем проследите за своим умом, что он делает — принимает ли ответ, или создает новые вопросы. Проследите, наблюдайте и постепенно вы поймете эту парадоксальную ситуацию: задаете вопрос, получаете ответ и возникает еще десяток вопросов. Задаете десять вопросов, получаете десять ответов и т.д. Так можно до бесконечности.

Поймите смехотворность и безнадежность ситуации: пережив эту безнадежность, поняв, что это не может быть путем, вы однажды внезапно почувствуете, что вопросов больше не существует.

Я не хочу, чтобы вы боролись с вопросами, я хочу только, чтобы вы поняли спрашивающую часть вашего ума, тогда из этого понимания возникает огонь, вопросы горят в нем и исчезают. И однажды вы окажетесь вдруг в том же положении, что и Вани, внезапно вы увидите, что вопросов нет. Тогда возникает вопрос: Почему у меня нет вопросов? Не задавайте этот вопрос, это не вопрос вовсе, а то вы благословение превратите в проклятие.

Не проводите вопрос с черного хода.

У Насреддина был лучший яблоневый сад в стране, и всякий раз, когда созревали яблоки, соседские дети прокрадывались в сад и таскали их. И с тем же постоянством Насреддин выбегал из дома, размахивая ружьем и кляня разбегающихся детей.

Многолетний свидетель этого безуспешного преследования, сосед муллы, как-то сказал ему: Я не понимаю тебя, Насреддин, ты ведь спокойный и великодушный человек, урожай твой в десять раз больше, чем тебе нужно, почему бы тебе не уступить часть его детям?

Хо, — ухмыльнулся Насреддин, — я хочу, чтобы они брали яблоки, но я сам был мальчишкой и знаю: если бы я не кричал и не гонялся за ними, они не стали бы приходить.

Мысли — как дети, те же вопросы: если их гнать, они вернутся, если не гнать — они не будут приходить, так что не хватайте ружье и не гоняйте свои вопросы, а то они станут приходить толпами и приведут с собой других. Вы сойдете с ума. Никогда не гоняйте мысли, постарайтесь понять этот процесс, как работает ум. Как только вы поймете, как работает ум, в самом понимании вы трансцендируете его.

Да, придет день, когда вы окажетесь здесь с глубинным желанием знать, но не будет никаких вопросов. Тогда все ваше сознание станет вопросом, и в самой его интенсивности что-то закипит, что-то изменится. И в самой этой интенсивности, как при ста градусах кипит и испаряется вода, в этом стоградусном вопрошании, когда вы полностью растворены в нем, что-то коренным образом меняется. Эта перемена приведет вас к ответу.

Ни один вопрос не приводил вас к ответу, только вопрошание без вопроса.

ВОПРОС: С вашей вчерашней лекции меня тревожит мысль: то, что я полагал принятием ситуации, может быть просто утешение. Как узнать, принял я что-то или только утопил или отвлек себя от боли?

ОТВЕТ: Очень просто: утешение идет от мыслей, объяснений, теорий; принятие от понимания. Когда вы что-то говорите себе, вы утешаете, когда вы понимаете — это принятие. Утешение надо привести за руку, принятие приходит, происходит, а утешение — дело ваших рук.

Вы несчастны и начинаете обращаться к объясняющим теориям: прошлые рождения, карма. Вы пытаетесь в чем-то найти убежище: может быть, Бог дает вам испытание, чтобы вы могли расти? Может это призыв к росту? Вот и утешение. Или такова уж жизнь? Все несчастны, почему я должен быть счастливым? Будда говорит: Весь мир — это страдание. Так и есть. Надо принимать все как есть, что тут поделаешь. Приходится принимать. Это утешение, из последних сил вы пытаетесь создать буфер, защищающий вас.

Принятие — от понимания, ему нет объяснения. Несчастье перед вами, вы стоите лицом к лицу перед несчастьем и не вносите никакого объяснения. Вы просто предстоите несчастью и вдруг видите, что возникает принятие. Если кто-то спросит почему, вы не сможете указать причину, вы просто увидите: это случилось.

Принятие, как любовь; все по-настоящему прекрасное - всегда как любовь. Когда вы влюбляетесь и кто-то спрашивает почему, можете ли вы ответить? Иногда вы пытаетесь, но все, что вы тогда говорите, абсурдно: Потому, что она прекрасна, но ее видят сотни других и не влюбляются. Если бы она была прекрасна, она была бы просто не доступна для вас, ее

захватил бы до вас кто-то другой, но никто кроме вас не считает ее прекрасной, так что на самом деле вы все переворачиваете. Я люблю ее, потому что она прекрасна. На самом деле все наоборот: она прекрасна для вас, потому что вы ее любите. Когда-нибудь, когда вы ее разлюбите, она перестанет быть для вас прекрасной; она может показаться тогда уродливой и отвратительной. Сейчас вы не можете оставить ее ни на минуту. Когда-нибудь, когда любовь исчезнет, вы не сможете выносить ее ни минуты.

И ничего не можете поделать с любовью: когда она приходит, она приходит; когда она уходит, она уходит. Принятие — как любовь, оно случается. Когда вы правдивы, подлинны, в правде подлинного мига, вы не обращаетесь за объяснениями к прошлому, не обращаетесь за объяснениями к будущему, вы просто видите то, что есть. Вы не спрашиваете Будду, не спрашиваете Кришну, не спрашиваете Ли-цзы, — вы никого не спрашиваете, вы просто видите само несчастье, вы просто проживаете боль, входите в нее. Один, не держась ни за чью руку — Будды, Кришны, Христа — ни за чью руку, ибо все эти руки станут утешениями, все эти люди станут объяснениями.

Иисус говорит то-то, Будда говорит то-то, поэтому я принимаю, но принятие ваше ложно, оно не возникло из вашего опыта. Пройдите через боль с пустыми руками, один, смотрите в лицо ситуации, не пытайтесь устранить ее объяснениями, погрузитесь в ситуацию без единой посторонней мысли, тогда произойдет принятие. Это не будет утешением, это будет великим удовольствием: вы вдруг увидите, что принимаете все, что этому нет никакой причины.

У утешения есть причина, утешение — это фальшивая монета, она вас обманывает, выдавая себя за настоящую, она не настоящая. И задающему вопрос я отвечу: то, что он принимал за принятие, было, скорее всего, утешением, если бы это было принятием — не возникало бы никаких вопросов. Это, должно быть, утешение: оно всегда только на поверхности, оно никогда не проникает внутрь, вглубь. Что угодно может поколебать и опрокинуть его.

Отбросьте все утешения — они ничего не стоят, на них только теряют время. Лучше страдать, чем быть утешенным. Лучше пусть будет боль, чем утешение. Через боль можно достигнуть полного принятия, через утешение — невозможно; вы свернули не туда.

Через утешение вы никогда не достигнете реальности, вы станете жертвой снов, теперь придется жить в своем утешении, вы начинаете бояться реальности, потому что реальность может поколебать ваше утешение. Вы не сможете смотреть прямо, вы будете уходить от фактов, если же кто-то столкнет вас с фактами, вы почувствуете беспокойство, вспотеете, вам станет не по себе, вы понимаете, что теперь все может рассыпаться.

Утешение — это вера. Нечто созданное немногого стоит, вы же создали это, оно не может быть больше вас, оно меньше вас. Принятие больше вас — оно происходит. Когда происходит принятие? Оно происходит, когда вы не цепляетесь ни за какие утешения, так что отбросьте все утешения.

Это трудно. Дао так чисто, что поначалу оно очень трудно. Вы хотите играть в игрушки, а Дао не дает никаких игрушек, не дает никаких вероучений, оно просто вынуждает вас увидеть реальность, какова бы она ни была. Больно? Пусть будет больно, что можно сделать? Надо увидеть то, что есть, но от самой этой встречи с реальностью возникает потрясающее новое сознание, рождается новое существо.

Так что отбросьте, пожалуйста, ваши утешения, теории и веры; они мешают вашему пути. Как только вы оказываетесь голым, вас не окутывают никакие вероучения. Как только вы выбросили из головы груз, тут же возникает великая вера — вера в жизнь, в существование. А вера — это не вера, вера — это полное преображение, это новое рождение, воскресение. Поэтому будьте осторожны, очень легко попасть в ловушку утешений;

они так дешевы, купить их можно всюду. Каждый храм, каждая церковь, каждая организованная религия может снабдить ими, и люди для этого идут в церковь... чтобы найти утешение. Ваш сон потревожен, вам нужно убаюкивать себя, вы идете в церковь, и священник поет вам колыбельную. Он поет и поет, вы утешены. Как транквилизатор, так и эта колыбельная дает вам возможность крепко спать.

Гурджиев говорил ученикам: Я делаю только две вещи в вашей жизни. Во-первых, если вы

по-настоящему пришли ко мне, вы никогда уже не сможете заснуть, я буду постоянно мешать вам спать. И второе — если вы будете слушать меня, ваша жизнь будет трудной, но одно я могу обещать: вы не умрете позорной смертью, вы не умрете как собака.

И первое, и второе необычайно важно. Если ваш сон потревожен, только тогда вы не умрете как собака. Собака означает животное состояние, глубокий сон, бессознательность. Можно умереть сознательно, и тогда это будет прекрасная смерть, потому что тогда, даже умирая, вы знаете, что вы не умираете. В этом вся красота. Сейчас, даже будучи живым, вы не знаете, что вы живы, даже живя — ведь это не жизнь — вы прозябаете. Это подделка. Но тот, кто встретил каждое мгновение жизни один на один, прошел ее радость и боль, темными ночами и прекрасными днями, увидел все, стал глубоким наблюдателем, тот умрет совсем по-другому: он умрет понимающим, пробуждённым.

На днях я читал воспоминания врача, присутствующего при смерти Гурджиева. Он говорит: Я присутствовал при смерти стольких людей, но эта смерть потрясла меня своей необычностью, я не мог себе представить, чтобы кто-нибудь мог так умереть. В миг своей смерти он открыл глаза, сел в постели, поддерживаемый подушками, попросил шляпу, надел ее, красивую красную шляпу, взял сигарету в одну руку, чашку кофе в другую, закурил и стал потягивать кофе.

Ученики плакали и всхлипывали, а доктор знал, что Гурджиева не станет через несколько секунд; его ноги онемели, в них скопилось слишком много воды и ее нужно было убрать, и доктор знал, что прежде чем он успеет это сделать, Гурджиева не станет. Причинять ему лишнюю боль было теперь бессмысленно, и он спросил Гурджиева: Что мне следует делать?

И Гурджиев сказал: Если вы устали, я могу подождать еще. Я столько лет ждал смерти. Можете немного отдохнуть и приступить. Я ждал так долго, что могу подождать еще, ничего страшного. Если вы очень устали, отдохните немного, два-три часа, вы же не спали всю ночь. Если не так устали, принимайтесь за дело.

Плача, потому что он тоже был его учеником, доктор начал вытягивать воду из его ног, а Гурджиев сидел с сигаретой в зубах, потягивая кофе, шутя и разговаривая. Вся жизнь исчезла из его тела, но лицо его лучилось, а глаза сияли. В последнее мгновение он сказал: Есть ли у кого-нибудь вопросы, а то я уйду?

Он говорил ученикам, что умереть можно сознательно. За двадцать четыре часа до больницы он настаивал, что не поедет туда и спрашивал доктора: Что вы думаете? Может больница спасти меня? Я не могу себя спасти, может ли меня спасти кто-нибудь еще? Доктор плакал двадцать четыре часа. Хорошо, если вы плачете, я поеду.

И доктор побежал вызывать скорую помощь, но когда машина приехала и врач зашел в комнату, — Гурджиев исчез! Врач не мог представить, как это случилось, ведь тот не мог двигаться!

Гурджиев стоял на дороге рядом со скорой помощью, затем он вернулся в дом и спросил: Машина пришла, где доктор? Он шел! Доктор не верил своим глазам. Невозможно! Ведь больной был не в состоянии ходить. Врачи собравшегося консилиума тоже были потрясены, никто не мог поверить, что он может сделать хоть один шаг, а он сам дошел до машины. Мало того, он вернулся и спросил: Где доктор?

Двумя неделями раньше, — а ведь он был болен, очень болен, — однажды вечером он попросил учеников: Дайте мне машину, я хотел бы поводить. Это — за две недели до смерти! Доктор не велел вам вставать с постели.

Забудьте о докторе, дайте машину. Он сел в машину и поехал в одну русскую церковь, просидел там под деревом полтора часа. Только потом узнали, что это было место, где его похоронили через две недели, он отправился посмотреть на него двумя неделями раньше. Он никогда там раньше не был, никогда не заходил в эту церковь, это был первый и последний раз в его жизни, потом он уже был мертв. Беннет сообщает: он приехал через сутки, Гурджиев был уже мертв. Он приехал среди ночи, бросился в церковь, где лежало тело Гурджиева, вокруг никого не было. Он сидел молча. Вдруг его охватил страх, его бросило в дрожь; он почувствовал, что Гурджиев еще жив. Он был ученый, математик, он не мог обманываться. Он не был его учеником, не был эмоциональным человеком, не был

сентиментален — совсем другой тип. Он подошел ближе, чтобы понять, в чем дело, привел себя в полную тишину и молчание. Было чувство, что кто-то дышит. Он прошелся по церкви... ближе... когда он подходил ближе к телу, он чувствовал дыхание явственнее; отходил дальше — дыхание чувствовалось слабее, а Гурджиев был мертв. Но он чувствовал, что тот еще летает где-то рядом, как будто тело было еще живо, как будто он был еще здесь.

Это возможно: тот, кто умирает пробужденным, многое может. Тот, кто умирает в понимании, на самом деле не умирает, он познал бессмертие в себе.

Отбросьте утешения, веры, становитесь все более и более пробужденным. Отбросьте свои сны, отбросьте свои колыбельные — это единственный путь. Дао просто, и все же мучительно трудно. Просто Дао не может быть сложным. Мучительно трудно, вы сами очень сложны и вам не просто стать простым. Сложность в вас, а не в Дао. Дао — очень простой путь, проще некуда: никакого учения, никаких требований, никакой морали, ничего от вас не ждут, только одно — чтобы вы жили естественно, просто, в созвучии с существующим. И не привносите вероучения, не привносите теории, не привносите теологию.

Даосские мистики никогда не говорят о Боге, перевоплощениях, аде, небесах. Все это — создание человеческого ума, объяснения того, что объяснить невозможно, объяснение тайны. Все объяснения против Бога, все объяснения снимут тайну с существующего. Существующее — это тайна, надо принять его, как тайну, и не претендовать ни на какие объяснения. Не нужно никаких объяснений, только удивление, восклицающее удивленное сердце, пробуждение, удивленное чувство тайны жизни в каждое мгновение. Тогда и только тогда вы узнаете, что такое истина. А истина освобождает.

ВОПРОС: Кто настоящий христианин?

ОТВЕТ: Трудно сказать, я — не христианин, и Христос — не христианин. Одно можно сказать наверняка: Христос — не христианин, Будда — не буддист, Кришна — не индуист.

Будучи христианином, человек избегает быть Христом. Быть христианином — значит продолжать спать. Вы пользуетесь одним из снотворных, называемым христианством, чтобы продолжать спать. Кто-то пользуется снотворным индуизм, чтобы продолжать спать, но все это — наркотики. Настоящий человек имеет мужество предстать реальности, как она есть, — у настоящего человека есть мужество не принимать из вторых рук.

Обратитесь к реальности прямо, непосредственно, без всяких вероучений, иначе вы никогда не пробьетесь к реальности. Вероучения помешают вам, не позволят — это тюрьма.

На свете много тюрем. Говорят, есть триста религий, значит триста тюрем — прекрасных тюрем, красиво украшенных, удобных, приятных, но тюрьма есть тюрьма. Выйдите из тюрем!

Когда я посвящаю вас в саньясу, я посвящаю вас в свободу. Мое посвящение в свободу, в саньясу, — посвящение в абсолютную свободу. Становясь санньясином, вы сможете стать Христом, но никогда - христианином; можете стать Кришной, но никогда — индуистом; можете стать Буддой, но никогда — буддистом. И запомните: если вы действительно хотите стать Буддой, избегайте учения, скопившегося вокруг учения Будды.

Мастера дзен говорят: Если Вам встретится Будда, тут же убейте его! Они доходят даже до такого: Если вы произнесли имя Будды, тут же прополощите и очистите свой рот! Это не значит, что у них нет уважения к Будде; их уважение к нему огромно, безупречно, однако все, что они говорят, очень важно. Уму легко накапливать знания, накапливать веру, уму очень легко, потому что ничего не поставлено на карту. Если вы стали христианином, вы ничего не ставите на карту, вы ни на что не решились, вы просто ходите в церковь.

Я слышал такое определение христианина: Это тот, кто раскаивается в воскресенье о том, что он делал в субботу и собирается делать в понедельник.

Обман, все — обман.

ВОПРОС: Когда учение становится медитацией?

ОТВЕТ: Никогда. Учение никогда не становится медитацией, медитация превращается в учение. Не начинайте с учения, иначе вы никогда не придете к медитации. Начните с медитации, и вы придете к учению, и учение не будет привнесено извне, оно будет внутренней преисполненностью, оно осветит вас изнутри.

Пожалуй, даже нехорошо называть это учением, настолько оно совершенно свободно, но

можно назвать это и учением. Ваша жизнь дисциплинируется, но не от усилий, а от внутреннего понимания; вы ведете себя естественно, потому что сознательный человек не может вести себя иначе, это невозможно. Вы будете так вести себя без всякой выгоды, без всякого мотива, это поведение будет струиться от вашей спонтанности, в нем не будет никакой жадности. Любой христианский святой жаден, он хочет достичьрая. Любой джайнский монах жаден, он бизнесмен, он хочет выиграть на добродетели, хочет быть православным победителем в том мире, стать завоевателем в мире духа, но это желание — от жадности. Если вы оглянетесь на монахов, святых, Махатм, вы увидите жадных, материалистических людей. Они дисциплинируют себя, потому что знают: за их жертвы плата будет велика. Они готовы к жертве, они даже готовы убить себя, но это — сделка.

У человека медитации, понимания, нет никаких мотивов, никаких сделок с реальностью. Как можно заключить сделку с реальностью? Сама идея-то глупая. Человек медитации — хороший, потому что ему хорошо и легко быть хорошим, нет никаких мотивов. Он добродетелен, потому что добродетель дает ему такое счастье, такой восторг!.. Он любит, он делится, как цветок делится своим ароматом, своим благоуханием — естественно. Его добродетель не культивирована, не обусловлена — это рост его существа.

Итак, вы спрашиваете: когда учение становится медитацией? Никогда. Дисциплина никогда не становится медитацией, но медитация всегда приносит дисциплину, внутреннюю дисциплину, и эта дисциплина — от свободы, эта дисциплина — не новая клетка, эта дисциплина делает вас полностью свободным и освобожденным. У вас нет никаких предписаний, которым надо следовать, вы никому не следуете; никаким текстам, вы просто следуете своей глубочайшей сердцевине. И нет никаких в вас конфликтов, никаких альтернатив, вам ничего не надо выбирать, вам не надо выбирать — делать то или это. Нет никакого раскаяния; человек медитации не может поступить неправильно, такого не случается. Чтобы он ни делал, он делает это полностью, от всего существа, а в следующее мгновение он уже перешагнул через это. Он никогда не оглядывается назад, никогда не раскаивается: что случилось, то случилось; чего не случилось, того не случилось. Он никогда не хвалит себя: Вот, я это сделал. Никогда не чувствует вины: Как мог я это сделать? У него не бывает переживаний о прошлом, похмелья, прошлое отсечено от него. Каждое мгновение он двигается в будущее, каждое мгновение прошлого исчезает, и он чист, как утренняя капля росы.

У такой дисциплины — свежесть, у такой дисциплины — свобода, у такой дисциплины — благоухание, иначе дисциплина делает людей скучными, глупыми, делает людей посредственными. Дисциплина убивает вашу свободу, убивает ваше существо, становится самоубийством, так что никогда не начинайте с дисциплины, начинайте с медитации.

Вот почему я подчеркиваю значение медитации: если дисциплина возникает из медитации — хорошо, иначе она не нужна. Лучше вообще не иметь характера, чем характер навязчивый.

ВОПРОС: Почему я все еще несчастлив?

ОТВЕТ: Оттого, что вы все еще есть и оттого, что вы все еще гоняетесь за счастьем. Счастье нельзя искать, это побочный продукт, это естественное следствие. Если вы сделаете счастье целью, вы никогда не найдете его, вы будете постоянно упускать. Оно приходит очень тихо, оно приходит, как шепот; оно приходит, как ваша тень.

Когда вы полностью поглощены чем-то и вовсе не думаете о счастье - оно здесь. Всякий раз, когда вы думаете о нем — его нет; оно очень робкое. Всякий раз, когда вы оглядываетесь, оно исчезает. Всякий раз, когда вы начинаете думать: Счастлив ли я или нет? — его нет. Счастливый никогда не думает о счастье; он так счастлив, где ему еще думать о счастье. Только несчастный думает о счастье и, думая о нем, становится еще несчастнее.

Старый пес, увидев щенка, гонящегося за своим хвостом, спросил:

— Что ты так гоняешься за хвостом?

— Я изучил философию, — ответил щенок, — я решил проблемы мироздания, которые не решила ни одна собака до меня, я узнал, что лучшее для собаки — это счастье, и что счастье в моем хвосте, поэтому я гоняюсь за ним, а когда поймаю, он будет мой.

— Сынок, — сказал пес, — я тоже интересовался мировыми проблемами и составил свое

мнение об этом. Я тоже понял, что счастье в моем хвосте, но я заметил, что куда бы я ни пошел, что бы ни делал, он следует за мной, мне не нужно за ним гоняться.

Послушайте старого пса.

Вы, должно быть, замечали, что когда собака счастлива, она виляет хвостом, естественно, собака думает, что счастье в хвосте, вот она и начинает за ним гоняться, но нельзя поймать свой хвост; вы прыгаете — хвост прыгает; вы прыгаете выше — хвост прыгает выше. Так вы и привыкнете бегать за собственным хвостом, так и бывает.

Вопрос этот задал Арупа.

Послушайте старого пса. Куда бы вы ни пошли, хвост следует за вами. Надо понять следующее: нет ничего ценнее этого, будьте полностью поглощены тем, что делаете. Не думайте, делаете ли вы что-то великое или нет. Если вы моете пол, пусть это полностью поглотит вас. Если вы готовите, пусть это полностью поглотит вас. Если стираете — пусть это полностью поглотит вас.

Когда вы растворены в том, что делаете, ваше я исчезает. Тогда для я не остается места. Именно в это мгновение, когда я нет, есть счастье.

Я бы сказал так: я — это несчастье; отсутствие я — счастье. А я существует только тогда, когда вы расщеплены. Когда вы гармоничны, я нет. Танцуя, вы становитесь танцем, я исчезает. Когда поете, становитесь пением, я исчезает. Сидя молча, ничего не делая, вы становитесь этим бездействием, я исчезает. Действуя или бездействуя, запомните одно: растворитесь в этом, чем бы оно ни было. Вы вышли утром на прогулку; полностью погрузитесь в это, забудьте все о себе, забудьте все о счастье, забудьте все о кислороде и о том, что он полезен, забудьте все прочитанное о прекрасных переживаниях во время утренней прогулки, забудьте все, просто гуляйте. И однажды вы увидите, что вы полностью здесь, - вас посетило счастье.

Вы будете терять контакт снова и снова; всякий раз, когда вы начнете о нем думать, о том, что оно есть, оно уходит. Вы входите — оно уходит, вы выходите — оно входит! Вам невозможно быть вместе. Вы и счастье не можете быть вместе в одном месте — это невозможно.

Начните терять себя. Вы, должно быть, слишком стремитесь к этому, вы, должно быть, постоянно думаете об этом, вы, должно быть, постоянно планируете, как его достичь, поэтому его никогда не будет. Если вы слишком стремитесь к счастью, будет только ад, если забудете о нем, — это самое естественное явление. Ему мешает самосознание, оно делает все очень узким. Когда самость исчезает, когда самосознание исчезает, вы безмерны, как небо, оно вдруг вливается в вас.

Так что, искусство быть счастливым — это искусство забыть. Слыша это, запомните: не начинайте тут же планировать — как забыть, как не думать о счастье, иначе вы опять — в той же ловушке.

Вопрос не в том как, просто делайте так, и все. И не откладывайте это на завтра, на часок, сделайте это сейчас, в это самое мгновение. Послушай меня, Арупа: в это самое мгновение весь стань слухом. Не думай о том, что я говорю, не пытайся понять, не пытайся строить планы, соразмерять, просто слушай, просто будь здесь со мной в это мгновение — и счастье будет здесь. Молча, слушая внимательно и чутко, без всякой самости, как можно упустить счастье? Никогда не слышал, что кто-то упустил счастье, будучи молчаливым, внимательным, забыв о себе, растворившись.

Если вы не сможете раствориться в моих словах, в моем присутствии, трудно вам будет раствориться где-то еще. Слушая меня, просто слушайте, и пусть это случится в это самое мгновение.

Старый раввин говорил своей общине: Раскайтесь за день до смерти. Но, рабби, — возражали они ему, — мы не можем знать дня своей смерти. Тогда, — отвечал он, — раскайтесь сегодня, раскайтесь сейчас.

Не откладывайте, кто может знать день своей смерти? Вас может не стать завтра, вас может не стать в это самое мгновение. Это мгновение — единственное, которое у вас есть. Единственное время, которое есть у вас — сейчас; единственное место — здесь. Я не велю

вам быть готовым, в этом вся весть Дао: вы готовы такие, как вы есть.

Начните наслаждаться этим единственным мгновением, и счастье последует за вами. Оно всегда следует за вами; оно — в вашем хвосте. Когда вы занимаетесь своим делом, хвост всегда с вами.

ВОПРОС: В последние два-три дня я чувствую, что вы как бы постоянно смотрите на меня. Скажите, Бхагван, что вы хотите сказать мне этим?

ОТВЕТ: Я постоянно смотрю на вас не только эти два-три дня. Вы заметили это только в последние два-три дня. Хорошо, что вы заметили.

Когда я смотрю на вас, это — весть, многое нельзя сказать словами, мне приходится говорить молчанием, мне приходится говорить своим присутствием. Слова неадекватны, смысл слов ограничен, по глаза могут передать многое, встреча глаз может стать великим сообщением.

Так что, когда вы видите, что я гляну вам в глаза, не упускайте это мгновение, в это мгновение не начинайте думать, в это мгновение взгляните в меня, в это мгновение потеряйтесь, в это мгновение не думайте: В чем эта весть? Если вы начнете думать о вести, вы упускаете. Встреча глаз — сама уже весть. Просто будьте здесь, присутствуйте, глядя в мои глаза, что-то призрачное происходит между нами. Меня здесь нет. Если вы сможете смотреть в мои глаза хоть единую секунду полностью, вы тоже исчезнете, а когда и Учитель и ученик исчезают вместе, это и есть встреча.

— Я недавно прошел подготовку и хотел бы получить наставления в дзен, — с этими словами Куссай обратился к мастеру Генша. — Как мне вступить на Путь, Мастер?

— Слышишь ли ты журчание этого ручья?

— Да, Мастер.

Затем на единое мгновение настала тишина. В миг, когда он сказал:

Слышишь ли ты журчание ручья? — ученик достиг понимания. В этом понимании мысли на мгновение остановились; он слышал журчание ручья, шум, песню, танец воды, на единое мгновение он перестал осознавать свое я, его сознание было полным. Мастер наблюдал и когда почувствовал, что момент настал, больше не было жаждущего, больше не было вопрошающего, сознание своего я исчезло, было только молчаливое понимание и слушание текущей мимо реки. Он воскликнул: Вот! Вступают так!

Запомните, он говорил не о ручье, он говорит об этом внутреннем понимании, об этом молчании, об этом отсутствии сознания я, об этой чистоте, этой невинности, вступивших в существо ученика. Он говорит: Вот! Вступают так!

Когда я гляжу в ваши глаза, вы смотрите в мои — Вот! Вступают так.

ВОПРОС: Я часто принимаю наркотики. Однажды на вашей лекции я закрыл глаза и вдруг почувствовал то же, что чувствую в наркотическом состоянии. Бхагван, есть ли взаимосвязь между чувствами и наркотиками?

ОТВЕТ: И есть, и нет. Есть, потому что наркотики создают ложное самадхи, нечто сходное с самадхи. И никакой связи нет, ложное — не настоящее, ложное никогда не может стать настоящим.

Скажем так: вы голодны и вам приснилось, что вы едите. Да, во сне, все как на самом деле, вы едите и чувствуете, как вкусно. Наедаетесь, поворачиваетесь и спите, но утром вы чувствуете, что все это было сном, он не насытил, он просто обманул вас.

Наркотики обманывают, создавая ложное самадхи, они не насыщают вас.

Однажды, проснувшись, вы увидите: вам только снилось, что вы насытились. Это помогает: если вы голодны во сне, то еда во сне поможет продолжать спать, иначе ваш сон разрушится. Если голод слишком силен, как можно продолжать спать? И ум создает сон, он говорит: Все в порядке. Ты голоден? Ешь! Во сне вы подходите к холодильнику, открываете его и поедаете все то, в чем себе отказывали. Вы замечательно поели и чувствуете себя прекрасно, поворачиваетесь и спите, а утром понимаете, что еда была не настоящей. Еда во сне вам не поможет, но узнаете вы об этом только утром, не раньше. А утро, о котором я говорю, может не наступить, если вы не потрудитесь для этого.

Так что наркотики могут обмануть вас, могут обмануть вас на всю жизнь, они создают это

сходство химическим изменением. Химическим изменением тела и клеток мозга достигается определенное состояние, в котором кажется, что ты уже достиг. Утром, когда действие наркотика кончилось, вы на том же месте, что и раньше, может быть, еще ниже: за каждым высоким переживанием и с помощью наркотиков неизбежно последует очень низкое депрессивное состояние. Тогда понадобится еще больше наркотиков, дозу придется увеличить — вы стали наркоманом. Это — не путь к истине, потому что это — не насыщение.

Самадхи — насыщение, самадхи — не наркотик, самадхи — пробуждение, но сходство есть, так что иногда может показаться, что вы приняли наркотик. Слушая меня, для вас может наступить момент огромной радости и красоты. Если вы принимали наркотики, вы сравниваете это с ними, но поскольку это происходит только оттого, что вы меня слушаете... Поразмыслите над этим. Если вы медитируете, если входите в тот же мир, где нахожусь я, в то измерение, где нахожусь я, и если это может случиться только оттого, что вы меня слушаете, то что же сказать, когда вы сами войдете в этот мир? Тогда вы поймете, что все эти переживания с наркотиками были глупостью, ерундой, тратой времени и энергии. Но наркотики помогают вам спать. Если вас устраивает сон, тогда наркотики — хорошо, алкоголь — хорошо, любые химикалии, помогающие чувствовать себя счастливым — хорошо. Счастье не может прийти с их помощью, они дают только иллюзию счастья, они держат вас во сне, а если вам захотелось бы проснуться, пробудиться — тогда вы опасны. Вы гасите само ваше стремление, жажду пробуждения. Вы гасите их наркотиками.

Одному путешественнику по Югу пришлось остановиться в гостинице, где комнаты гудели от полчищ огромных комаров, к тому же здесь невозможно было достать противомоскитную сетку.

— Вам остается только последовать примеру хозяина гостиницы, полковника Рипа Клэтборна, — сказал ему портье.

— Как же ваш проклятый полковник умудряется спать без сетки?

— Дело в том, что полковник, с вашего позволения, убежденный алкоголик, он ложится, так хорошо пропитавшись, что полночи не замечает комаров, а потом комары так нализируются, что утром не замечают полковника.

Можете продолжать эти игры, но не упускайте бесценную возможность. Избегайте наркотиков. Если вам на самом деле хочется, почему бы не принять настоящий наркотик, но его нельзя купить у торговца, его нельзя купить у разносчика. Самадхи достигают огромной напряженностью, жаждой, страстью, вопрошанием. Вам нужно достичь самадхи. Наркотиками можно достичь извне, самадхи происходит в вашей глубочайшей сердцевине. Это — истинный наркотик, сома.

ВОПРОС: Бхагван, я хочу задать три очень коротких вопроса.

ОТВЕТ: Благодарю. На короткие вопросы я дам короткие ответы.

ВОПРОС: ...Что вы думаете о жизни?

ОТВЕТ: Жизнь замечательна. Без нее вы мертвы.

ВОПРОС: ...Что вы скажете о любви хорошей женщины?

ОТВЕТ: Ну, это нечестно. Задавать такой вопрос старому холостяку... Но раз уж вы спросили, придется ответить: нет ничего лучше, чем любовь хорошей женщины, конечно, если это не любовь плохой женщины.

ВОПРОС: ...Был ли в вашей жизни такой период, когда вы совсем не разговаривали?

ОТВЕТ: Верите или нет, но однажды случилось так, что полтора года я не говорил вовсе — на утренних беседах, на вечерних даршан. Эти полтора года, было то время, когда я родился.

Беседа третья

ЖАЛЕТЬ НЕ О ЧЕМ

Когда Лин-лею было около ста лет, однажды весной он надел тулуп и пошел подбирать зерна, оброненные жнеца ми; продвигаясь по полю, он пел.

Конфуций, идущий тогда в Вэй, увидел его издали. Обернувшись к ученикам, он сказал: С этим стариком, видно, стоит поговорить. Кому-нибудь надо подойти и узнать, что он м о

жет сказать.

Подойти вызвался Цу-кань. На краю межи он дождался Лин-лея. Глядя ему в лицо, он вздохнул:

— Неужели ты ни о чем не жалеешь? И все же ты поешь, подбирая зерна.

Лин-лей не остановился и не прервал песни. Цу-кань все не отставал. Наконец он взглянул и ответил:

— О чем я должен жалеть?

Ребенок, ты никогда не учился себя вести;

Человек, ты не пытался оставить след;

Старик, у тебя ни жены, ни сына,

А смерть уже на пороге...

— Учитель, какое счастье позволяет вам петь, подбирая зерна?

— Основания для этого счастья есть у всех, — ответил Лин-лей, улыбаясь, — но вместо того об этом горюют. Оттого, что я не изведал боли в молодости, учась себя вести; а выросши, никогда не пытался оставить след в жизни, мне удалось прожить легко. Оттого, что в старости у меня нет ни жены, ни сыновей и близится время моей смерти, я могу быть таким счастливым.

— Но ведь обычно люди хотят прожить долго и боятся смерти, отчего же ты счастлив умереть?

— Смерть — это возвращение туда, откуда мы вышли, когда родились. Так что, откуда мне знать, что умирая здесь, я не рождаюсь где-то еще? Откуда мне знать, не заблуждение ли — так испуганно беспокоиться о жизни? Откуда мне знать, не будет ли близящаяся смерть лучше, чем моя прошедшая жизнь?

Цу-кань выслушал, но не понял значения его слов. Возвратившись, он рассказал обо всем Конфуцию.

— Я знал, что с ним стоило поговорить. Он нашел, но нашел не все, — ответил Конфуций. Дао — не рационально. Оно иррационально. Жизнь больше, чем разум. Жизнь больше, чем то, что может понять разум. У жизни есть для вас больше, чем вы способны понять. Она больше ваших познавательных способностей. Она больше, чем все, что вы сумеете о ней узнать; но ее можно почувствовать. Дао интуитивно. Дао ближе к целому. Интеллектуальный подход к жизни — подход лишь частичный, ему неизбежно сопутствует непонимание. Тот, кто пытается выразить, высказать, объяснить, неизбежно оказывается в глухой ловушке, из которой будет нелегко, трудно выбраться. Начиная рассуждать о жизни, вы уклоняетесь. Но жизнь надо пережить. Жизнь должна быть проживаема экзистенциально, а не интеллектуально. Интеллект — не мост, а барьер.

Надо хорошо это понять и тогда притча обретает чрезвычайное значение. Мы будем втягиваться очень медленно в нее, пытаюсь понять в ней каждую фразу, каждое слово.

У Конфуция мыслительный подход, у Дао подход немыслия. Конфуций думает о жизни. Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы не думают о жизни; можно все размышлять и размышлять, ходить вокруг да около, круг за кругом, так никогда и не достигнув центра. Кружить вокруг да около — это не путь. Надо идти прямо, быть непосредственным. Впитывайте в себя жизнь, а не размышляйте о ней.

Не забывайте никогда, что меню — это не обед. Можно досконально изучить меню — это не поможет. Надо съесть, надо проглотить, надо переварить, надо экзистенциально быть связанным с пищей, надо впитывать ее в себя, надо претворить ее во все свое существо. Изучение меню или поваренной книги вам не помогут. Ученый изучает меню: чем голоднее ум, тем усиленнее он изучает меню. Естественно, ученый остается самым голодным в этой жизни, он не жил, не любил, не рисковал, не двигался, не танцевал, не праздновал. Он только сидел и размышлял обо всем этом. Ученый решил, что прежде он поймет и разберется, а потом уже двинется с места. Теперь уже невозможно шевельнуться. Прежде надо двинуться, а понимание приходит потом.

Многие приходят ко мне и говорят, что хотели бы стать саньяси. Их глубоко взволновала эта идея, но им еще надо подумать. Естественно: прежде надо подумать, а потом решать. Как вы

станете думать о саньясе? О чем вы будете думать? Это внутренний опыт, это нечто из внутреннего пространства. Это общение со мной изнутри; никто не может его видеть. Можно видеть саньясина, но видя саньясина, вы ничего не узнаете о саньясе. Если сам саньясин пытается выразить это интеллектуально, он не может. Саньясу надо попробовать, но даже тогда очень трудно ее объяснить. А размышлять о ней, не погружаясь в нее, невозможно. Это все равно, что сказать: Прежде я узнаю все о любви, а затем полюблю. Как вы собираетесь узнать о любви? Единственный способ узнать что-нибудь о любви — это влюбиться, других способов нет. Можно изучить энциклопедии и монографии, расспросить людей, можно узнать тысячи сведений о любви, но не саму любовь. Можно стать ученым в этой области, переполнить свой ум всевозможной информацией, но информация — это не знание.

Знания — это не знание. Они могут обмануть вас, но не жизнь. Для жизни вы останетесь пустыней — цветок любви никогда не расцветет в вашем существе. Так же и с саньясой, так же со всем естественным, так же со всем живым. Это — краеугольный камень Дао.

Теперь притча.

Когда Лин-лею было около ста лет, однажды весной он надел тулуп и пошел подбирать зерна, оброненные жнецами; продвигаясь по полю, он пел.

Лин-лей — даосский Учитель, но все даосские Мастера живут самой обычной жизнью; ничего необычного. Они не утверждают, что они особенные существа, выдающиеся гении, мудрецы, святые, Махатмы. Они совершенно естественны: естественны, как деревья, естественны, как птицы, естественны, как сама природа. Они не эгоистичны ни в каком смысле. В Индии, например, вы при желании легко бы нашли махатм, но если бы отправились в древний Китай и пожелали бы найти древнего Мастера, никто не смог бы помочь вам найти его. Вам пришлось бы искать, ходить по стране, по деревням, по дорогам... и однажды вы могли бы встретить одного из них, но вам не удалось бы его распознать, если вы не испытали этого в своем существе. Пока вы не знаете этого в своем существе, пока вы не знаете этого на вкус, на запах, вы не узнаете даосского мастера.

Лин-лей — даосский, Мастер — очень простой, очень старый, очень древний, ему сто лет, а он подбирает зерна, оброненные жнецами. Это самое низкое занятие, предел нищенства. И, тем не менее... он пел, продвигаясь по полю.

Даос всегда счастлив: он не ждет никакой причины, не ждет никакой особой ситуации, в которой он намеревается быть счастливым. Счастье — как его дыхание, как биение его сердца; счастье — само его существо. Это не что-то, происходящее с ним. Счастье — не то, что приходит или же не приходит, счастье — то, что всегда есть. Он полон счастья. Счастье — это то, из чего сделано все существующее, а даос слился в гармонии с существованием, естественно, он счастлив. Что бы он ни делал, он делает это счастливо. Счастье предшествует действию.

Порой вы счастливы, порой несчастливы, потому что ваше счастье обусловлено чем-то. Когда у вас все идет хорошо, вы счастливы; все плохо — несчастливы; ваше счастье зависит от внешней причины. Петь всегда вы не можете; даже если бы вы пели, в вашем пении не всегда была бы песня. Порой это было бы восторгом, порой всего лишь повторением, мертвым, скучным. Пришел друг, вы нашли возлюбленную — и вы счастливы. Ушел друг, вы утратили возлюбленную — несчастливы. Ваше счастье и несчастье имеют причину вовне, это не внутреннее течение, не то, что вы имеете. Их дают и отнимают другие, дают и отнимают обстоятельства. Это мало чего стоит; вы остаетесь рабом, вы — не хозяин.

Даосы называют хозяином того, чье счастье целиком принадлежит ему. Он может быть счастлив независимо от ситуации: в молодости он счастлив, в старости — счастлив, будучи императором, он счастлив, если даже он нищий — счастлив. Его песня не регулируется обстоятельствами, его песня принадлежит ему, песня — его естественный ритм.

Этот человек — столетний старик... Обычно в сто лет уже не могут петь, — о чем уж тогда петь? Жизнь исчезла, источилась, он высох, как кость, ему не на что надеяться — впереди только смерть. Петь, праздновать — с чего бы это? В сто лет у человека нет будущего, жизнь истрачена, он истощен. В любой момент смерть может его прикончить. С какой стати ему так петь? Для кого? Для чего? И в свои сто лет влачить такое нищенское существование,

подбирать зерна, оброненные жнецами... Значит, некому присмотреть за стариком, он остался один: ни жены, ни дочери, ни сына, ни брата — некому позаботиться о нем. О чем же тут петь?

Но если у вас есть песня, настоящая песня, возникающая из глубины вашего существа, тогда все остальное не важно. Можно продолжать петь и перед лицом наступающей смерти. Можно продолжать песню, даже когда вас убивают, можно убить ваше тело, но не вашу песню. Ваша песня вечна, ибо она беспричинна.

Запомните этот жизненный закон: имеющее причину - не может быть вечно, имеющее причину — неизбежно временно. Когда исчезнет причина, исчезнет и оно; оно — побочный продукт. Необусловленное, беспричинное пребудет вечно; нет ничего, что может его разрушить. Тело ваше умрет, оно причинно; причина этому — встреча ваших родителей. Тело ваше умрет; оно было обусловлено однажды, оно получило энергию, некий жизненный импульс, но однажды все кончится. Вы умираете каждый день и однажды просто исчезнете. Но все ли это, что у вас есть? Все ваше существо в этом? Нет ли в вас чего-то еще? Есть нечто, что было до вашего рождения, и пребудет после вашего исчезновения. Когда вы умрете, останется бывшее, прежде вашего рождения — беспричинное.

Поэтому даосы не верят в то, что Бог создал мир, что Бог создал человека, что Бог создал душу, она была бы причинна, и ад, следовательно, однажды исчезнет, в каком бы отдаленном будущем это ни случилось — не важно. Если у мира была причина, а человек был создан, то однажды мир и человек снова исчезнут. Даосы говорят: Вечное - не созданное, не имеющее причины... У них нет создателя. Никто, можно сказать, не достиг такой вершины понимания, как даосы. Рядом с ними другие религии кажутся еще зелеными. Даосская зрелость столь огромна, блещет таким великолепием, такой глубиной и высотой, что прочие религии проигрывают по сравнению с ней; они выглядят школами для маленьких детей. Они созданы для детей, вот почему Бог — отец; дети не могут быть независимыми, им нужен отец. Если у вас нет живого отца, вам нужен отец на небе, чтобы направлять вас, так как вы еще недостаточно зрелы, вы не можете быть сами по себе, вам надо на кого-нибудь опереться.

У даосов нет понятия Бога. Это не значит, что они безбожники; они ближе всех к Богу, но у них нет понятия Бога. Существования достаточно. Нет творца, нет творения — есть вечность. Это всегда было, это всегда будет. Раз, сочетавшись с вечной непрерывностью в вас, не о чем больше печалиться.

Вы вечны, вы бессмертны, для вас нет смерти, потому что не было никакого рождения. Вы не созданы, вас нельзя уничтожить. Каковы бы ни были внешние обстоятельства, ярко сияет ваш внутренний свет и льется песня.

Конфуций, идущий тогда в Вэй, увидел его издалека. Обернувшись к ученикам, он сказал: С этим стариком, видно, стоит поговорить. Надо кому-нибудь пойти и узнать, что он может сказать.

Конфуций ищет знаний, он всегда ищет того, кто может ему что-то сказать, всегда готов заимствовать знания. Так действует интеллект: все, что у него есть — заимствованное. Он никогда не заглядывает внутрь, он все озирается: Если у кого-то есть, я пойду и спрошу. Интеллект подражателен, механичен, похож на попугая; знания для интеллекта — нечто, чему можно научиться. Он никогда не заглядывает в свое собственное существо, никогда не заглядывает в свое внутреннее сознание, никогда не пытается познать познающего. Он жаждет знаний — в этом вся разница. Даос не жаждет знаний, но он хочет знать: Кто этот познающий? Что есть познаваемое? Он хочет познать источник познания — то, откуда возникает сознание.

Вот вы здесь, слушаете меня. В это мгновение вы можете быть либо конфуцианцем, либо даосом, одновременно это невозможно. Если вы меня слушаете и вам все интереснее, что я такое говорю, если вы нанизываете, наматываете на ус — вы конфуцианец. Но если, сидя здесь, слушая меня, ощущая мое присутствие, глядя в мои глаза, вы проникаете в сознание, которое в вас, возникает жгучий интерес, возникает вопрошание: Кто я? Это не значит повторять слова кто я?, это устремление жажды, алкание: Кто этот сознающий во мне? Что

это сознающее во мне? Какова его природа? Каковы его свойства? Откуда он? Куда он?.. Когда возникает это страстное желание познать свое желание, вы — даос. И только даос религиозен.

Конфуций — ученый, профессор, пандит. Он говорит о всевозможных понятиях, но загляните в него — там ничего нет. Все, что он собрал — заимствованно. Снова и снова проходит Конфуций по даосским притчам: откуда-то и куда-то, всегда в пути, накапливая, всегда озираясь в поисках знаний, как будто знание можно приобрести, как товар в магазине, как будто знание можно приобрести, где-то от кого-то получить.

Знание никто не может дать, такое не продается. Надо стать им, надо врасти в это знание — это внутреннее преображение. Ни один университет не дает вам того, что религия называет подлинным знанием. В университете можно получить информацию — чужую, тухлую, замусоленную, ведь она прошла через тысячи рук, как банкнота. Валюту потому и называют текущей: она течет из одних рук в другие, из кармана в карман и становится все грязнее и грязнее. Так и знания: век за веком они переходят от одного поколения к другому, от одних профессоров к другим.

Знание всегда свежо, знание — непосредственно из источника. И источник этот еще жив в вас, он ждет, пока вы обратитесь к нему. Не ищите его снаружи — обернитесь внутрь. Об этом говорит Иисус:

Царство Божие внутри вас.

Конфуций, идущий тогда в Вэй...

Он всегда в пути, в розысках, в поисках знаний. Он подходит к каждому. Всякий раз, когда ему говорят, что кто-то где-то достиг знания, он идет туда. Это глупо, бессмысленно, но это — глупость каждого ученого. Они искренне уверены, что знание можно приобрести; искренне уверены, что знание — предмет, а не опыт, не переживание; теория, а не опыт. Поэтому его можно получить от кого-то другого. Запомните: есть разница между религиозным и научным знанием. Если кто-то однажды открыл закон тяготения, то остальным не нужно открывать его вновь и вновь — это глупо. Нельзя объяснить на весь мир: То, что открыл Ньютон, открыл и я. Да, да закон тяготения... я видел падающее яблоко, и я вновь открыл закон тяготения. Над вами будут смеяться. Тут нечего уже открывать, — скажут вам, — откройте что-нибудь новое, неизвестное.

Наука — это информация. Если один человек сделал открытие, его можно сообщить всякому. Ученые ищут знания, лежащие снаружи, поэтому и научиться им можно снаружи, но религию надлежит открывать каждый раз заново. Как любовь: миллионы людей любили до вас, но пока вы не полюбите, вам не узнать, что это такое. Нельзя сказать: Миллионы любили до меня, зачем заниматься этим снова? Зачем заниматься этим старьем? Миллионы людей любили до меня, остались их дневники, можно достать их письма, можно открыть книги и узнать. Нет, надо полюбить, надо открыть все самому. Пока вы не узнали все сами, это никогда не будет знанием. Религия подобна любви, она не похожа на науку. Эйнштейн открыл теорию относительности — все, никому не нужно ее переоткрывать. Открытие, на которое ученый затратил пятьдесят лет, можно узнать за пять минут. В религии же все по-другому. То, что открыл Будда, Лао-цзы, вам предстоит открыть снова. Конфуций пошел по ложному пути. Конфуций в даосских притчах жуток.

... Конфуций, бывший на пути в Вэй, увидел его в отдале нии. Обернувшись к ученикам, он сказал: С этим стариком стоит поговорить.

Почему в сто лет заниматься унижительной работой — и все же петь! Подойдите и спросите, в чем причина его счастья, почему он счастлив, почему он поет? Чтобы можно было вывести закон, открыть тактику, с помощью которой можно стать счастливым.

Надо кому-нибудь пойти и выяснить, что он может сказать.

Пойти вызвался Цу-кань (один из первых учеников Конфуция). На краю межи он дождался Лин-ляя. Глядя ему в лицо, он вздохнул: Неужели ты ни о чем не жалеешь? И все же ты поешь, подбирая зерна.

Неужели ты ни о чем не жалеешь? — на взгляд ученика Конфуция этому человеку нечему радоваться. Ему бы плакать, это было бы логично. Ему бы сетовать и причитать по логике

вещей. Столетний старик, ожидающий смерти, подбирает зерна — чего же больше, чтобы чувствовать себя несчастным? Но он распевает, ему бы быть глубоко несчастным, это было бы логично.

Это нелогично, но даосы нелогичны. И я хотел бы, чтобы вы стали нелогичны; только нелогичным людям везет на счастье, логичные не бывают счастливы, не могут быть счастливы, они с самого начала пошли не в ту сторону. Все имеет причину, думают они, и счастье должно иметь причину, но в этом их коренная ошибка. Для счастья не нужна никакой другой причины, кроме понимания. Для счастья понимание — не причина, понимание только высвобождает его; оно в вас. Понимание просто снимает покров — и вот он здесь; тот, кого вы любите, — в вас, его нужно только высвободить. Снятие покрова — не причина, причину нужно создавать. Снятие покрова означает, что оно уже здесь, но вы были слишком глупы, чтобы высвободить его.

Этот конфуцианский подход к жизни надо понять, потому что многие из нас оказались бы в компании Конфуция. Конфуцианцы — весь логичный, интеллектуальный Запад. Конфуцианский подход основан на мысли, что истину можно изучить, все дело в том, чтобы изучить; если вы учитесь хорошо, вы узнаете, что такое истина. Нет, даосы говорят, что истину надо пережить, прожить, изучить нельзя. Истина должна быть испытана на себе, нельзя узнать ее, узнавая о ней все больше и больше. Чтобы достичь истины, вам предстоит пройти через не-знание, вам предстоит дочиста отмыть свое сознание. Все узнанное становится препятствием. Надо снова стать несведущим, снова стать непонимающим, надо отбросить всю чепуху, которую вы тащите с собой, называя ее знанием. Не зная ничего, вы полагаете, будто что-то знаете, и в этом будто все дело. Вас спрашивают: Знаете ли вы Бога? Да, — говорите вы. Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что говорите? Вы что, в самом деле знаете? Но делая вид, что знаете, кого вы обманываете?

Здоровенный верзила вваливается в бар (мне очень нравится этот анекдот) и рывкает:

— Есть здесь Донован? Молчание. Снова рывкает: Есть здесь Донован?

Минута молчания, затем вперед протискивается человек:

— Это я.

Ударом в челюсть верзила швыряет его через стойку, снова сбивает с ног, пинает ногами, завязывает узлом, вышвыривает на улицу и уходит. Через четверть часа человек приходит в себя и говорит:

— Щенок! Как я его одурачил, ведь я же — не Донован.

Кого вы дурачите? Вы дурачите только себя и больше никого. Хорошенько выясните, что вы знаете и чего — не знаете. П.Д. Успенский в одной из важнейших своих книг Третий орган пишет: Прежде всего, ищущему надо решить, что он знает и чего он не знает — это, прежде всего. Как только это решено, все становится ясно. Знаете ли вы Бога? Знаете ли вы себя? Знаете ли вы, что такое любовь? Знаете ли вы, что такое жизнь? Но человек продолжает делать вид, что знает; знать, что не знаешь, очень мучительно; знание, что ты ничего не знаешь, бьет по я. Я притворяется. Я — величайший притворщик на свете, он строит важную мину: Да, как же, конечно, знаю. Есть такие вот знатоки, говорящие: Бога нет, и есть знатоки, говорящие: Бог есть, но оба они знатоки. Что до их знания, то теист и атеист стоят друг друга. Пройдите по Индии, спросите любого и вам ответят: Да, Бог есть. Спросите в России, и вам ответят: Бога нет; но и те и другие знают, в этом все дело.

Верующий и неверующий — не полярности, они не враги, они партнеры в одной игре, оба делают вид, что знают. Настоящий человек понимания не будет делать вид, что знает; тогда возможно однажды узнать. Начните в неведении, и тогда вам, может быть, посчастливится узнать. Начните со знания и можете быть уверены, - вам не узнать никогда.

Конфуцианец пытается учиться, даос пытается не учиться.

Лин-лей не замедлил шагов и не прервал песню. Цу-кань не отставал от него, пока тот не взглянул на него и не ответил: О чем я должен жалеть?

Сначала он даже не прервал песни, чтобы послушать, о чем спрашивает этот человек; даосам не интересны любопытные. Они считают, что любопытство никуда не ведет, любопытство — это болезнь, любопытства недостаточно, любопытство — это не

вопрошание.

Лин-лей не замедлил шагов и не прервал песню.

Он не обратил внимания на этого любопытствующего человека, спрашивающего его: Почему ты поешь? Что у тебя есть, чтобы радоваться?, потому что если бы это был настоящий вопрошающий, он не набросился бы на него так неожиданно, он бы ждал, он бы приблизился к Мастеру, сел рядом с Мастером, он бы ждал.

У даосов стало нормой: если человек приходит к Мастеру, ему следует ждать, пока Мастер не спросит, пока не убедится, что вами движет не любопытство, что в вас горит вопрошание, что вы пришли не случайно, что ваш поиск не так себе тепленький, а напряженный, что вы горите, что вы готовы взорваться. Только тогда Мастер спросит: Зачем ты пришел? В чем твое вопрошание?

Немыслимо прийти к Мастеру и задать такой дурацкий вопрос! Вопрос почему ты счастлив? — дурацкий вопрос. Вопрос глуп, это почему бессмысленно. Несчастливого можно спросить, почему он несчастен, но бессмысленно спрашивать счастливого, почему он счастлив. Больного естественно спросить, почему он болен, вопрос уместен, но спрашивать здорового, почему он здоров, — бессмысленно. Здоровье — это то, что должно быть. О сошедшем с ума можно спросить, почему сошел с ума, но нормального не спросишь: Почему ты нормален? Как это у тебя получается? - это бессмысленно. Подходя к счастливому, на самом деле счастливому человеку, лучше глядеть во все глаза, чем мешать себе завесой вопросов. Надо ждать Мастера, надо помогать Мастеру, надо впитывать энергию, текущую вокруг Мастера, надо вкусить празднество, происходящее здесь; надо вкусить его присутствие, позволить ему проникнуть в ваше существо; надо стать губкой, чтобы напитываться присутствием Мастера, — это и было бы ответом.

Как это ни глупо, но я сталкиваюсь с тысячами таких людей. Я часто езжу по стране, даже на вокзалах... Я спешу на поезд, он уже отправляется, а кто-то бежит за мной и спрашивает:

— Нет, в самом деле, скажите, Бог есть? Есть ли Бог?

Я спешу (поезд уже отходит) и говорю:

— Как-нибудь в другой раз.

А он мне:

— Только один ответ, только одна фраза.

Как будто от того, скажу я да или нет, что-то изменится.

Глупые, ограниченные люди, они полагают себя религиозными, выражают свое устремленное вопрошание.

Поэтому Лин-лей не замедлил шагов и не прервал песню.

Цу-кань не отставал от него, пока тот не поднял глаза и не ответил:

— О чем мне жалеть?

Обратите внимание на изменение. Цу-кань спрашивает:

— Отчего ты счастлив? Мастер отвечает:

— Отчего мне быть несчастным?

Полная перемена, поворот на сто восемьдесят градусов. Что же он говорит?..

Эти четыре фразы потрясающи, никогда не найти более бунтарских фраз. Слушайте.

— Ребенок, ты никогда не учился себя вести.

— Вот, что вам следует постигнуть, — говорит он.

Ребенок, ты никогда не учился себя вести;

Человек, ты не пытался оставить след;

Старик, у тебя — ни жены, ни сына,

А смерть уже на пороге.

Постарайтесь понять каждую фразу, в каждой из них — глубочайший смысл.

Ребенок, ты никогда не учился себя вести...

Как правило, если вы не научились себя вести в детстве, вам предстоит быть несчастным всю жизнь; вы будете сетовать, что никогда не ходили в школу, не знаете, как вести себя в обществе, не знаете приличий — вы будете горевать об этом всю жизнь. Но вот он говорит: Не о чем жалеть потому что, будучи ребенком, я никогда не учился, как себя вести. Я никогда

не был рабом. Я был свободен с самого детства. Я никому не позволял мной командовать. Я никогда никому не подражал. Я прожил жизнь, как сам того хотел. Я никому не позволял неуважительно относиться ко мне, так о чем же мне жалеть? Почему? Никаких причин для сожалений нет. Если бы я позволял другим — семье, обществу, друзьям, священнику, политику, государству — если бы я позволял им дисциплинировать меня, тогда пришлось бы жалеть о многом, но я жил свободной жизнью с самого детства, я остался свободен, я прожил в свободе, так о чем же мне жалеть?

Это необычайно важно. Я чувствую это, говоря вам об этом. Я тоже жил, как хотел, я никогда не позволял никому обращаться со мной неуважительно. Верно ли, неверно ли, хорошо или плохо, умно или глупо, но я жил так, как того хотел. Я ни о чем не жалею. Никаких сожалений быть не может: как я хотел жить, так и жил. И жизнь позволила мне прожить, как я хотел, я благодарен, я полон благодарности. Теперь я знаю, что если бы слушал доброжелателей, я был бы несчастен. Не потому, что они желали мне худшего, видимо они, в самом деле, желали мне добра, — дело все не в этом. Их намерения могли быть самыми добрыми, но одно можно сказать наверняка: они не уважали меня, они хотели заставить меня следовать по определенному пути, но не по тому, которым я шел в тот момент. Я никогда их не слушал. Я говорил своим доброжелателям: Спасибо, что вы обо мне так беспокоитесь, но я иду своим путем. Если меня ждет неудача, у меня будет одно утешение: что я шел своим путем и потерпел неудачу. Но, если я послушаю вас, я все равно буду жалеть, даже если преуспею: кто знает, что бы получилось, каков был бы результат, если бы я шел своим путем?

Я слышал об одном знаменитом хирурге, он достиг всемирной известности, и когда он в глубокой старости выходил на пенсию, его ученики со всего мира собрались отметить это событие. В разгар празднования они заметили, что он слегка расстроен, как бы здесь и не здесь. Простите, но что с вами происходит? Чем вы расстроены? В чем дело? Вы прожили такую славную жизнь, никто не сравнится с вами, вы неподражаемы в своей области, вы вершина и останетесь незаменимы десятки и сотни лет. У вас есть все для счастья, и потом, взгляните на своих учеников, разъехавшихся по всему свету, отчего вы печальны?

И он ответил: Не могу я видеть, радоваться, видя свое преуспевание, напротив, я очень расстроен. Дело в том, что я никогда не хотел быть врачом, я хотел быть танцором. Теперь вся моя жизнь пропала, прошла даром, потому что в глубине души я все еще жалею, что слушал других. Да, я достиг успеха, но он не дает мне удовлетворения, потому что он чужд мне. Как если бы вы не были голодны, а кто-то заставил вас есть, еда может быть очень полезной, но почему-то тошнит. Вам хотелось воды, а кто-то заставил вас пить молоко; конечно, это лучше воды, но вам-то хотелось именно воды. Вам хотелось пить, а молоко не утолило жажды, оно лишь обмануло вас.

И я могу его понять. Он печален, и печаль его знаменательна: он печален потому, что весь его успех значит лишь то, что жизнь не удалась. В глубине души он переживает неудачу, сам себя на нее обрек, он не доверял своей интуиции и позволил другим направлять себя. Взгляните, что говорит этот старик:

Ребенок, ты никогда не учился себя вести...

... так о чем же жалеть? Я прожил свою жизнь, как хотел.

Человек, ты не пытался оставить след...

И я никогда не старался оставить след в жизни, я не был амбициозен, так о чем же жалеть? Амбициозный человек всегда будет о чем-то жалеть. Александр умер в печали, глубоко разочарованный: амбиция по природе своей ненасытна. Говорят, что будучи в Индии, Александр побывал у астролога, чтобы узнать о своем будущем. Взглянув на его руку, астролог произнес: Одно могу тебе сказать: ты сможешь завоевать весь этот мир, но запомни — другого мира нет. На этом ты застрянешь. Что тебе делать дальше? Этот астролог был, должно быть, очень мудр. Говорят, что услышав слова, что другого мира нет, Александр сильно опечалился. Одна только мысль: Завоевать весь мир. Что ты станешь делать дальше? Другого мира нет... Амбициозный ум просто задохнется, что же дальше?

И чего бы вы ни достигли, ничего не достигнуто: амбиция все ширится и ширится. Только не амбициозный человек может быть счастлив, амбициозный обречен на постоянное

разочарование, фрустрацию. Амбиция питается фрустрацией, фрустрация питается амбицией — порочный круг.

Этот старый Мастер говорит великую истину:

Человек, ты не пытался оставить след...

Я не пекся о том, чтобы преуспеть в мире, доказать что я нечто из себя представляю. У меня не было желания войти в историю, я не стремился оставить след в жизни, потому что это глупо: ну войдете вы в историю, что из этого?

Моисей, выведя народ из Египта, пошел с ним к морю, через которое невозможно было перебраться (эта притча очень современна). Он взглянул на своего летописца: Что скажешь? Есть у меня одна идея, как ты считаешь, могу я попросить океан или Бога дать нам пройти, чтобы океан расступился?

Если тебе это удастся, — сказал летописец, — могу обещать одно: в Ветхом Завете тебе будет уделено две страницы.

Но если в Ветхом Завете вам будет уделено две, двадцать или даже двести страниц, какой в этом смысл? И по мере роста истории эти две странички будут все уменьшаться и уменьшаться, пока не превратятся в сноску, а потом история еще разрастется и сноска превратится в сноску к ссылке где-то в приложении, и вот постепенно вы исчезли. Когда ваша жизнь прошла, надолго ли останется след, оставленный в жизни? И зачем все это?

Великое прозрение старого Мастера:

Человек, ты не пытался оставить след.

Так о чем жалеть? Если вы амбициозны, вам есть о чем жалеть, потому что амбиция ненасытна. Если вы не амбициозны, вы счастливы, вы недоступны фрустрации.

Старик, у тебя — ни жены, ни сына...

Он говорит: У меня — ни жены, ни сына, так о чем мне печалиться? Попробуйте понять, что он имеет в виду. Я абсолютно один, - говорит он, — некому тревожить мое одиночество, мое уединение не смущаемо никем. Я один, свободен, полностью принадлежу себе, никто не дергает меня туда и сюда: ни семья, ни родственники, — о чем же мне печалиться?

Учтите, когда вы один, вы не один — вы одиноки, вам недостает другого, вам недостает других, потому что вы не научились быть с самим собой. Вам недостает других, потому что вы еще не умеете быть с самим собой. Одинокость — понятие, отрицающее отсутствие другого. Одиночество — понятие, утверждающее присутствие вашего настоящего существа. Одинокость уродлива, одиночество прекрасно. Природа одиночества лучезарна.

Будда один, я один, Ли-цзы один, один старик Лин-лей. Когда вы сидите один, вы просто одиноки, вам чего-то не хватает. В глубине души вам не хватает компании — куда пойти, что делать, чем заняться, чтобы забыть себя. Вы еще не научились быть с самим собой, вы еще не влюбились в себя.

Старик, у тебя — ни жены, ни сына...

О чем жалеть? Я один, как вершина Гималаев... один. Все — красота, молчание, благодать. А смерть уже на пороге.

Для даоса смерть — возвращение домой: странствие окончено. Как в путешествии в другую страну... Когда мои саньяси едут к себе обратно, они отправляются в другую страну.

Выбравшись обратно, - их дом здесь, — они счастливы. Смерть — это возвращение домой, к начальному, возвращение к источнику, туда, откуда мы пришли.

И вот этот старик говорит:

А смерть уже на пороге.

Так о чем же жалеть? Я счастлив, просто счастлив, все прекрасно — душе не бывает лучше.

Ребенок, ты не учился себя вести;

Человек, ты не пытался оставить след;

Старик, у тебя — ни жены, ни детей. А смерть уж на пороге.

— Учитель, какое счастье позволяет вам петь, подб и рая зерна?

Ученик Конфуция не может этого понять, он вновь и вновь повторяет вопрос, он упускает, он слушает, но не слышит, все прошло мимо. Сказанное столь велико, столь исполнено опыта, так потрясает все основы... но для конфуцианца все проходит мимо.

Ученый всегда проходит мимо истины. Из всех людей пандит меньше всего способен слушать, настолько он полон своими идеями. Пока произносились эти потрясающие слова, в голове Цу-каня, наверное, промелькнули сотни мыслей, он уже приготовил сотни вопросов, обдумывал, о чем спрашивать дальше. Он, казалось, слушал, но не услышал.

— Учитель, какое счастье позволяет вам петь, подб и рая зерна?

Опять характерный вопрос: Какое счастье...? Запомните, если для счастья есть причина, то причина эта, неизбежно, в прошлом. Причины всегда в прошлом. Счастливого спрашивают: Что сделало вас счастливым? То, что дало вам счастье, уже в прошлом, так что причинное счастье настроено на прошлое. Настроено на прошлое — значит то, чего больше нет; оно придумано, воображено, иллюзорно.

Подлинное счастье настроено на настоящее, оно никогда не настроено на прошлое. Подлинное счастье возникает здесь и сейчас, и в это самое мгновение, в нем вовсе нет прошлого, чтобы быть обусловленным. Оно — и причина и следствие одновременно. Постарайтесь это понять. Вот вы говорите: Я счастлив, потому что родился у богатых родителей, но это было семьдесят или сто лет назад. Ваше счастье по поводу того, что было сто лет назад... да вы сами себе это придумали. Я счастлив, — говорите вы, — потому что десять лет назад мне присудили Нобелевскую премию. Десять лет назад присудили Нобелевскую премию? Как же ваше счастье запылилось! За десять лет скопилось столько пыли, грязи; такое жалкое у вас счастье, да оно давно протухло! Какие вы несчастные: едите пищу, приготовленную десять лет назад.

Настоящее счастье здесь и сейчас, оно не имеет никакого отношения к прошлому. Порой вы счастливы из-за будущего; вы надеетесь выиграть лотерею или счастливы тем, что будет завтра: ваша девушка приезжает завтра и вы в радостном волнении. Из-за чего? Из-за завтра, которого нет? Вы ненормальный, ваше счастье либо в прошлом, либо в будущем, но оба они ложны; нет ни прошлого, ни будущего. Прошлое уже ушло из существующего, будущее еще не вышло. Настоящее, подлинное счастье здесь и сейчас. Оно возникает в это мгновение из ничего. Двух мгновений не существует, поэтому оно беспричинно, чтобы была причина и следствие, нужно, по крайней мере, два мгновения: одно для причины, одно для следствия, но есть только этот момент — единственный, полный, всецелый.

Спрашивающий снова задает ложный вопрос:

— Какое счастье позволяет вам петь, подбирая зерна?

— Основание для этого счастья есть у всех...

Вновь старик говорит замечательные вещи:

— Основания для этого счастья есть у всех...

Я не имею к этому никакого отношения: оно есть у каждого, но остальные не распознают его. Его не только не распознают, они ищут того, что и так доступно. Его не только ждут, ...но вместо того об этом горюют.

Те же причины, те же, скажем, четыре причины...

— Основание для этого счастья есть у всех, — ответил Лин-лей, улыбаясь, — но вместо того об этом горюют.

Вы горюете о своем детстве: вам не дали должного образования, не послали в Гарвард, Оксфорд, Кембридж, родители не воспитали вас так, как бы вам хотелось, вас не учили тому да этому, вы упустили массу возможностей. И вы печалитесь, расстраиваетесь из-за этого. Это должно бы быть причиной для счастья, все должно быть причиной для счастья, только тогда человек счастлив, а то ведь бедный страдает и переживает из-за своего богатства. Я знавал состоятельных людей, которые говорили, что родители их погубили, позволив им с детства купаться в роскоши, а они так ничему и не научились. Вы, должно быть, обращали внимание, как редко можно встретить у богатых родителей образованного умного сына, очень редко. Все они глуповаты, так и должно быть: какой им смысл уметь? Зачем утруждаться? У них и так есть все, что им нужно. У них уже есть все, чего можно добиться умом, зачем же он нужен? Их ждет неудача в университете, их ждет неудача всюду, но они и в ус не дуют. В университете у меня был студент, который пять лет не мог перейти на второй курс, пять лет я ждал, а на шестой год, перед сессией, я спросил: Ну, что собираешься делать? Опять

завалишь сессию? Кого это волнует? — ответил он. — Отец у меня богатый... волнуются только бедные. Так что, родись вы в богатой семье, особого счастья ждать не приходится. Ну, а родись вы в бедной семье, то тут тоже, конечно, не до счастья. Если вы здоровы, вы не можете быть счастливы от этого;

когда это здоровый был счастлив оттого, что он здоров? А если больны, то тут уж, конечно, вы несчастны. Вы только посмотрите на замечательную логику вашего ума: как только у вас появляется повод для несчастья, вы прямо набрасываетесь на него, а то, из-за чего можно быть счастливым, не принимается во внимание, и вы совершенно забываете об этом.

...но вместо того об этом горюют. Оттого, что я не изведал боли в молодости, учась себя вести...

Старику приходится повторять. Он уже все сказал, но видя, что тот ничего не услышал, ничего не понял, он повторяет.

Оттого, что я не изведал боли в молодости, учась себя вести, никогда не пытался оставить след в жизни, мне удалось прожить так долго. Оттого, что в старости у меня нет ни жены, ни сына и близится время моей смерти, я могу быть таким счастливым.

В восточных текстах с этим встречаешься постоянно, — очень частые повторения. Причина в том, что эти истины таковы, что учителям приходится повторять: если сказать один раз, они не будут понятны. Будда все повторял трижды, даже самую малость. Он спрашивал своих учеников; Вы меня слышали? Вы меня слышали? Вы меня слышали? Трижды! От огромного сочувствия и жалости. Когда буддийские тексты были переведены на западные языки, многие были очень удивлены. Неужели Будда обращался к глупцам? Почему так много повторов? Нет, они были не глупее вас, не глупее кого бы то ни было. Дело не в уме, дело в понимании. Они не понимали, они так же не понимали, как и вы.

Мне приходится повторять постоянно. Мои издатели в недоумении. Спросите Анурага, спросите Пратиму: они никак не могут понять, почему я повторяю. Они бы с удовольствием подсократили все это. Я не разрешаю. Оставьте все, как есть, — говорю я, потому что эти истины таковы, что услышав их однажды, вы пропустите их мимо ушей; услышав дважды, обратите, я надеюсь, некоторое внимание; трижды... Мне приходится постоянно повторяться, как бы стучать вам молотком по голове. Сколько же можно ничего не понимать? Это моя война с вами.

Старик повторил, но он опять не понял:

— Но ведь обычно люди хотят прожить долго и боятся смерти, это человечно, отчего же ты счастлив умереть?

Основное пропущено; из всего он выбрал только одно — последнее, но понять последнее можно, только поняв три предыдущих, иначе не понять ничего. Если бы были поняты три предыдущих...

Ребенок, ты никогда не учился себя вести;

Человек, ты не пытался оставить след;

Старик, у тебя ни жены, ни сына, а смерть уже на пороге.

Взгляните: первое о детстве, второе о юности, третье о старости, затем о смерти. Самая единственная последовательность, абсолютно логично — начать надо с самого начала, но о трех первых он сразу позабыл, трех первых не услышал, а сразу перескочил на четвертое. Он, должно быть, боялся, — человек, боящийся смерти. Она приковала его внимание.

Но пока не поняты три первые, четвертое не может быть понято.

— Но ведь обычно люди хотят прожить долго и боятся смерти, это человечно, отчего же ты счастлив умереть?

На самом деле это не человечно. Быть может, по-человечески, но не человечно. Надо понять разницу между этими словами, они — синонимы по словарю, но не на самом деле. Так же как одиночество и одинокость синонимы по словарю, но не на самом деле. Так и человечно и по-человечески — разные вещи. Человек - неподвижное понятие, как собака, бык, обезьяна. Человек — неподвижное понятие, название некой породы, одной из прочих. Есть быки, есть обезьяны, есть люди. Не случайно есть два термина: человек и гуманоид. Почему? Для собак один: собака, для быков один: бык; для обезьян — обезьяна. Почему?

Откуда этот гуманоид? Этому есть причина: человек означает просто биологический вид, гуманоид — растущее понятие, открытое понятие. Человек — закрытое понятие, просто означающее, что вы живое существо. Человечно означает, что вы — процесс, вы — странствие, вы — паломничество, вы развиваетесь, вы преступаете пределы.

Фридрих Ницше сказал: Главное, что я люблю в человеке, — то, что он — не цель, а мост. Больше всего я люблю в человеке то, что он — развивающийся процесс, не конец, а средство, путешествие.

Человечно — значит мост — мост между человеком и Богом. По-человечески — значит просто человек, в нем нет ничего открытого. Человечно открыто, оно преступает человеческие пределы; человечно — это мост, это путешествие, это паломничество, оно куда-то стремится, чего-то ждет, пытается стать кем-то другим.

По-человечески — статично, человечно — динамично. По-человечески — подобно вещи, человечно — это процесс, он течет, как река, достигая запредельного, пробираясь на ощупь во тьме. По-человечески — это сидящий, никуда не идущий, искалеченный, мертвый как могила. Человечно — это река, не знающая, где океан, изо всех сил стремящаяся достичь его.

Запомните: можно по-человечески бояться смерти, но не человечно — бояться смерти. Тот, кто в пути, он готов умереть, если нужно идти дальше, он готов зайти за пределы, он готов воспользоваться дверью смерти, чтобы выйти в запредельное.

Этот ученик говорит:

Но ведь человечно желать прожить долго...

Нет, желать прожить долго — не человечно. Да, это верно, пока речь идет о человеке. Собаки боятся смерти, так же и с человеком, но гуманоид — он так взволнован предстоящей возможностью, он желает знать, что такое смерть. Прожив жизнь, он начинает чувствовать: Я узнал, что такое жизнь, хотелось бы узнать, что такое смерть. Жизнь познана, она была прекрасна. Теперь посмотрим, что такое смерть, пусть это будет другим приключением.

Сократ был гуманоид, когда он умирал, ему дали яд. Ученики причитали и плакали, и он сказал: Стоп! Можете делать это, когда меня не будет, но не сейчас. Это расточительство. Происходит столь огромное событие — я умираю, а вы плачете!

Учитель, вы умираете, разве вы не боитесь?

Чего? — спросил он. — Я прожил свою жизнь, я любил ее, она была прекрасна. Я познал ее, но нет нужды повторять ее опять и опять. Теперь что-то новое — смерть так нова. Я восхищен, я взволнован, приключение столь велико, — сказал Сократ, — теперь я бы хотел видеть, что такое смерть.

Не знаю, — ответил Сократ. — Я не понимаю, почему люди боятся смерти. Если атеисты правы в том, что человек умирает полностью и ничего не остается, то бояться нечего — Сократа больше здесь не будет, так почему нужно бояться? Меня не было здесь до того, как я родился и мне от этого не страшно.

Чувствовали вы когда-нибудь какой-то страх, что вас не было до вашего рождения? Охватывал ли вас какой-нибудь страх? Ничего. Чепуха, — сказали бы вы, — тогда меня не было, так чего тут бояться?

И Сократ говорит: Я снова исчезну, если правы атеисты, так о чем же страх? Тогда некому будет бояться. Или, может быть, правы теисты, и я буду здесь? А если я собираюсь остаться здесь, так почему же бояться?

Таков человек, проживший жизнь, двигаясь, вырастая, эволюционируя. Если вы прожили жизнь, эволюционируя, тогда смерть приходит как революция, внезапное превращение в неведомую реальность. Почему же нужно бояться? Нет, по-человечески — это нечеловечно.

Но все люди — не человеческие существа, запомните. Очень редко, порой... появляются Сократы, Ли-цзы, Будды, — это человеческие существа. Обычно живут мужчины и женщины, но не человеческие существа. Стать человеческим существом — значит, стать процессом, стать устремлением, стать страстью к невозможному... искателем истины.

Смерть — это возвращение туда, откуда мы пришли, когда родились. Так откуда мне знать, что, умирая здесь, я не рождаюсь где-то там еще?

То же сократовское отношение:

Так откуда мне знать, что, умирая здесь, я не рождаюсь где-то еще? Откуда мне знать, не стоят ли жизнь и смерть друг друга? Откуда мне знать, не заблуждение ли — так испуганно цепляться за жизнь? Откуда мне знать, не будет ли предстоящая смерть лучше моей прошедшей жизни?

Откуда мне знать...? Обратите внимание на это настойчивое повторение. Он не говорит: Я знаю, он не утверждает никакого знания.

Ни один мудрый человек не утверждал никогда никакого знания, вот почему Сократ говорит: Может быть, правы атеисты, может быть, правы теисты, но это не важно. Кто бы из них ни был прав, меня это не касается.

Мудрость, подлинная мудрость всегда агностична, запомните это слово: агностична. Настоящий мудрец агностичен, он не утверждает я знаю и не говорит это истина, он очень открыт, он не закрыт, у него нет догмы, у него нет веры, он просто в сознании и понимании, он готов встретить реальность, какова бы она ни была. Какова бы ни была предстоящая реальность, он готов окунуться в нее. Он полностью доверяет жизни. Люди не доверяют жизни, они создают вероучения, догматы, теории, чтобы защититься. Подлинно мудрый человек доступен, он не защищается, он открыт дождям, ветрам, солнцу, луне, жизни, смерти, тьме, свету — он открыт всему, у него нет никакой защиты, его доступность всецела.

Пусть вам запомнится его агностицизм. Столетний старик начинает бояться смерти, начинает думать: Душа должна быть бессмертна, начинает воображать: В раю меня примут под звуки фанфар;

Бог, должно быть, уже ждет, и большой мраморный дворец, наверное, уже готов для меня. Начинают воображать, начинают мечтать, а вот этот человек говорит: Откуда мне знать? Он не утверждает никакого знания, он просто говорит: Откуда мне знать, будет так или эдак? Я ничего об этом не знаю; я еще не испытал смерти, как же мне знать об этом? Пусть же я узнаю! Зачем бояться с самого начала? Может быть, это окажется лучше, чем жизнь, кто знает?

Пусть это случится. Запомните: настоящее понимание всегда ждет свершающегося мгновения и никогда заранее не решает, никогда заранее не планирует — оно спонтанно.

Цу-кань выслушал, но не понял смысла. Возвратившись, он рассказал все Конфуцию. Понять его он не смог, потому что был большим ученым, первым учеником Конфуция. Он уже нашпигован знаниями, он не может понять. Он передает разговор Конфуцию, своему Учителю, и что же отвечает ему Конфуций? Послушайте:

Я знал, что с ним стоит поговорить...

Человек знаний непрестанно утверждает.

Я знал, что с ним стоит поговорить .

Я оказался прав, — хочется ему сказать ученикам. — Мой вывод оказался верным: с этим человеком стоит поговорить. Но он не может принять сказанное этим человеком, это вне него. Это вне его учеников и вне его тоже.

Он говорит:

Он нашел, но нашел не все.

...но хотя он нашел, он нашел не все. Но это же абсурд, истину невозможно разделить — либо вы нашли ее, всю ее, либо ее нет у вас вовсе. Невозможно иметь кусочек истины, ее невозможно разъединить, невозможно разрезать на кусочки. Истина всеобъемлюща, истина — это целое; либо она у вас есть, либо ее у вас нет. Невозможно иметь немножко истины, невозможно иметь немножко Бога, — невозможно, даже сама эта мысль абсурдна, но если вы обратитесь к эксперту, ему нужно что-то сказать, чтобы показать, что он знает.

Конфуций говорит, что старик нашел истину. Он говорит так потому, что послал ученика; теперь ему нужно обосновать это, он был прав, но он не может допустить, что кто-то знает, вот он и говорит:

Он нашел, но нашел не все.

Так бывает: человек знаний защищает свое я. Утверждение это — абсурд из абсурдов. Спросите Будду, спросите Лао-цзы, спросите Иисуса, спросите Кришну, и они ответят: Истина

неделима. Это не то, что можно разделить. Это переживание, — когда оно случается, оно случается. Когда оно случается, оно случается во всей полноте. Вы исчезаете в этом переживании, а Конфуций говорит:

Он нашел, но нашел не все. Само это утверждение показывает его незнание, но эксперту приходится защищать свою опытность.

Я слышал прелестный анекдот. Послушайте его внимательно.

У мальчика была уже масса историй с женщинами, и старик отец решил послать его к ведущему психиатру. Курс анализа продолжается необычайно долго, счет возрос неимоверно, но родитель ничего не жалел в надежде, что лечение будет успешным. Когда же сын, наконец, вернулся, отцу не терпелось узнать, что же обнаружилось в ходе лечения.

— Сказал ли ты докторам, как мы накрыли тебя со служанкой, когда тебе было десять?

Сын кивнул.

— Сказал ли ты им, что мы уже вот десять лет не можем из-за тебя держать стряпуху? У нас сменилось уже двадцать три поварихи!

Сын кивнул.

— Сказал ли ты им о тех пяти натурщицах, о тридцати трех однокурсницах и о том, что случилось с женой суперинтенданта?

Сын снова кивнул.

— Ну, так скажи, что они тебе ответили?

— Они сказали, что у меня гомосексуальные тенденции!

Экспертам надо что-то сказать, чтобы показать свою искушенность. Если уж у этого парня гомосексуальные тенденции, то гетеросексуальных тенденций нет ни у кого! Но эксперты обязательно должны что-то найти, им нужно что-то сказать, хотя бы полный абсурд.

Он нашел, но нашел не все — вот и весь комментарий Конфуция, а между тем этот старик изложил в четырех фразах глубочайшую философию:

Ребенок, ты никогда не учился себя вести;

Человек, ты не пытался оставить след;

Старик, у тебя — ни жены, ни сына.

А смерть уже на пороге.

...о чем тут жалеть?

Основания для этого счастья есть у всех...

Потому что счастье — не что-то, чего вам нужно достичь, оно уже здесь, оно неотъемлемо, если только люди перестанут искать причины для счастья: нужно просто быть счастливым, без всяких причин.

И вся весть Дао изложена им в этих четырех фразах.

Будь анархичен, будь подлинно верен своему существу, слушай только себя, не позволяя никому делать тебя слугой, не позволяй никому распоряжаться собой. Политики, священники, — избегайте их, избегайте доброжелателей. Помните: вам нужно быть самим собой и никем другим. Эта анархия, эта беспорядочная свобода... И не будьте амбициозны, потому что это бездарно. Просто живите своей жизнью во всей возможной полноте, не пытайтесь оставить след на страницах истории — это бессмысленно. И не будьте постоянно на людях. Учитесь постепенно быть одному, наслаждаться одиночеством — в этом есть вся медитация.

И, наконец, помните, что смерть — не конец, а новое начало, и кто знает, может быть, она ведет вас в высшую жизнь. Если в космосе есть ритм, должно быть так, она должна вести в высшую жизнь. Вы столь многому научились, вы стали достойнее — естественно, смерть должна вести к высшему плану существования. Ведь, кажется, просто: человек, живший, любивший, испытывавший, медитировавший, прошедший в жизни через столь многое, стал достойнее — ему должна быть дана высшая жизнь. Если во всем этом существовании есть какое-то сочувствие, то смерть ведет к высшему уровню, высшему пику.

Ждите с волнением, с великим дерзанием. Ждите с огромной радостью, восторгом, празднованием. Счастье — это самое естественное, его не следует искать, им нужно просто наслаждаться. Столь велико откровение, и что же заметил Конфуций? Он нашел, но нашел не все. Как будто все нашел Конфуций.

Притчи эти очень тонкие. Они ничего не оставляют от конфуцианского идеала, но делают это очень деликатно. Если вы глубоко не проникаетесь ими, тогда вы никогда их не поймете. Размышляйте над ними, в них великое откровение, уразумейте его. Они могут безмерно обогатить вашу жизнь.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Я вижу, что саньясины едят очень хорошо и часто, и не слышал от вас ничего по поводу этой диеты. Говорят, еда ускоряет сперму, еда - грех для языка, ее следует прежде предложить богам и т.п.

ОТВЕТ: Прежде всего: я не верю в этот пост, я верю в пир, я верю в празднование. Весь мой подход — это подход празднования. Я не против ваших удовольствий, они не главное, надо трансцендировать их, но сами по себе они прекрасны. Человек не должен ничего подавлять, потому что подавленная часть возьмет свое. Как только вы от чего-то отрекаетесь, вы против Дао. Дао — значит быть естественным: пир, а не пост. К посту можно прибегать только тогда, если это получается само собой.

Животные иногда голодают. Порой можно видеть голодающую собаку: вы кладете перед ней еду, а она не ест, но это не оттого, что пес - джайн. Он не верит в пост, просто ему не хочется. Это не дело принципа, философии, — он болен, его воротит от еды, ему не есть, а рвать хочется. Пес пойдет, поест травы и его вырвет. Ему хочется облегчиться, желудок больше не в состоянии переваривать пищу. Он не постник — это естественно.

Так что, когда вы чувствуете, что естественно поститься — не как закон, не как принцип, не как исповедуемая философия, не как накладываемая дисциплина, но по вашему естественному побуждению — хорошо. И всегда при этом помните, что ваш пост на службе у праздника, чтобы вы потом всегда могли вернуться к еде. Пост - всегда средство, он никогда не бывает целью, и происходит он будет изредка, не постоянно, а время от времени. И если вы в полном сознании, когда едите, когда наслаждаетесь пищей, вы никогда не сможете переест.

Я настаиваю не на диете, а на понимании: ешьте хорошо, получайте огромное наслаждение. Помните, если не получится удовольствия от еды, в качестве компенсации вы будете переедать. Если вы наслаждаетесь пищей, вы будете есть меньше, не нужно будет компенсировать. Если вы едите медленно, смакуя каждый кусочек, хорошо пережевывая, вы полностью поглощены этим. Еда должна стать медитацией.

Я не против вкуса, потому что я не против чувств. Быть чувствительным — значит быть мудрым; быть чувствительным — значит быть живым.

Ваши религии пытались и пытаются лишить вас чувств, сделать вас скучными. Он против вкуса, по их мнению, лучше бы совсем притупить ваш язык, так, чтобы вы ничего не различали на вкус, но это нездоровое состояние; вкус притупляется только при болезни, когда у вас лихорадка. Язык чувствителен: он живой, трепещет, пульсирует энергией. Я не против вкуса, я за вкусовые ощущения. Ешьте хорошо, наслаждайтесь вкусом пищи, вкус - от Бога.

И так же, как к вкусу, следует относиться к красоте и удовольствию: слушайте музыку и наслаждайтесь, прикасайтесь к камням, листьям, людям, ощущайте тепло, фактуру и наслаждайтесь. Пользуйтесь всеми своими чувствами, пользуйтесь ими в полной мере — тогда вы будете жить в полной мере, и жизнь ваша будет пламенна. Она не будет пресной, она будет воспламенена энергией и жизненностью. Я не сторонник того, кто учит убивать свои чувства — он против тела.

И помните: тело — ваш храм, тело — божий дар. Оно так деликатно, так прекрасно, так восхитительно. Убивать его — значит быть неблагодарным Богу. Бог дал вам вкус, не вы создали его, он не имеет к вам ни малейшего отношения. Бог дал вам глаза, сделал этот наркотический мир таким цветистым, он дал вам глаза. Да будет великое общение между глазом и миром! Он сделал все, и все в такой потрясающей гармонии. Не нарушайте эту гармонию.

Эти Махатмы попались на удочку я; лучший способ чувствовать, что ты велик, — это быть

против тела. Так делают дети. Ребенок чувствует: хочется ему двинуться — он удерживается, он чувствует силу, потому что чувствует свою волю, он не подчиняется телу. Мочевой пузырь у него полный, а он сдерживается, хочет показать: я не раб твой, я господин, но это — разрушительные привычки.

Слушайте тело, тело — не враг вам; если тело говорит что-то, поступайте естественно, потому что у тела есть своя мудрость. Не мешайте ему, не попадайтесь на удочку я, поэтому не рекомендую никакой диеты, я рекомендую только понимание, осознанность. Ешьте с полной осознанностью, ешьте медитативно, только тогда вы не съедите больше, чем вам нужно и меньше тоже. Меньше так же плохо, как и больше. Есть слишком много — плохо, так же как слишком много поститься — это крайности. Природа хочет, чтобы вы были в гармонии, в некоем равновесии, были посередине — не меньше и не больше. Не впадайте в крайности.

Впадать в крайность — значит, быть невротиком. В отношении к еде есть два типа невротиков: те, кто продолжают есть, не слушая тело, — тело плачет и стонет: остановись, а они наворачивают. Это — один тип невротиков. И есть другая разновидность. Тело стонет: есть хочу!, а они все посятятся. Ни тот, ни другой не религиозны, оба — невротики, это патология, их надо лечить, класть в больницу, потому что религиозен тот, кто уравновешен; что бы он ни делал, он всегда посередине, он никогда не доходит до крайностей. Любые крайности создают напряжение, тревогу. Если вы едите слишком много, возникает беспокойство: тело перегружено. Если вы едите недостаточно, тоже возникает беспокойство: тело хочет есть. Религиозен тот, кто знает, где остановиться. Это должно исходить из вашей осознанности, а не из некой дисциплины.

Г.Б. Шоу говорил: Есть только одно золотое правило: нет золотых правил. Запомните это: нет золотых правил, не может быть; каждая индивидуальность так уникальна, что никто не может предписывать, поэтому я просто даю вам почувствовать...

И чувство это не относится к принципам, к законам, мой подход от понимания: сегодня вам может понадобиться больше еды, а завтра меньше. Дело не только в том, что вы отличаетесь от других, каждый день вашей жизни не похож на другой: вы целый день отдыхали, много еды вам не нужно; вы целый день копали в саду, вам нужно много. Нужно лишь быть чутким и нужно уметь слушать, что говорит ваше тело. Поступайте соответственно вашему телу.

Тело — не хозяин и не слуга, тело — ваш друг, относитесь к нему дружески. Тот, кто ест слишком много, и кто блюдет строгую диету, — оба попались в одинаковую ловушку, оба они глупы, они не слушают, что говорит тело.

Еще вы сказали: Говорят, что еда ускоряет сперму, что еда — грех для языка. Ее следует прежде предложить богам и т.д.

Вы так плохо относитесь к богам? Если вы предлагаете пищу... Столько людей предлагают пищу богам, что же, она ускорит их сперму? За что вы так относитесь к богам? Вы доведете их до греха! Будьте добрее и оставьте богов в покое. На самом деле, когда вы едите с уважением, любовно, медитативно, — пища предлагается Богу, потому что Бог — в вас.

А это все ерунда, что еда — грех для языка. Для чего же тогда есть? Тогда видеть — грех для глаз; для чего же тогда видеть? Тогда слышать — грех для ушей; для чего же тогда слышать? Тогда ничего не остается — кончайте с собой, ведь вся жизнь связана с чувствами. Что бы мы ни делали, примешиваются чувства. Именно с помощью чувств вы вникаете и общаетесь с жизнью. Когда вы едите со вкусом, Бог внутри вас доволен, удовлетворен; когда вы едите со вкусом, Богу и пище оказано понимание.

Но ваши Махатмы, вы и религиозные гуру учат вас мучить себя. Во имя религии они учат вас мазохизму: Мучьте себя. Чем больше вы мучитесь, тем ценнее становитесь в глазах Бога. Чем вы несчастнее, тем достойнее. Если вы счастливы, вы грешите. Счастье — грех, быть несчастным — добродетель. Такая у них логика. Мне это совершенно непонятно; это так абсурдно, так бессмысленно, это — чистый идиотизм. Бог счастлив, так что если вы хотите быть сонастроены с Богом, будьте счастливы, потому что когда вы счастливы, вы попадаете в ногу с Богом. Всегда, когда несчастливы, вы сбиваетесь с ноги, несчастный человек не может быть религиозен.

Так что, если спросить меня, что такое грех, я скажу, что есть только один грех: быть

несчастливым, это значит, — быть грешником. Быть счастливым, непомерно счастливым, — значит, быть святым. Пусть ваша религия учит, как петь, и как плясать, и как наслаждаться жизнью. Пусть ваша религия будет религией утверждения, религией, говорящей да, религией счастья, благодати. Выбросьте всю чепуху, которую вы тащите за собой веками, она искалечила все человечество, она сделала людей уродливыми, столь несчастными, столь мизерными. И обращается она только к патологии, к тем, кто желает мучить себя, это снимает с них чувство вины.

Мучить себя или мучить других — и то и другое — болезнь, болезнь — сама мысль мучить. Один — Адольф Гитлер — мучает других; другой — Махатма Ганди — мучает себя, но они оба — в одной лодке; может быть, спиной к спине, но в одной лодке. Гитлеру радостно мучить других, Ганди радостно мучить себя, но оба насильничают. Логика та же: их радость связана с мучением. Направление различно, но дело не в направлении, их ум ориентирован на одно — на мучение. Вы уважаете мучающего себя человека, потому что не понимаете его логики. Гитлера клянут во всем мире, Ганди благословляют во всем мире, а мне непонятно, как так? — ведь логика одна. Не ешьте для вкуса, — говорит Ганди. — Не позволяйте вкуса, ешьте из долга, а не из радости. Ешьте, потому что надо есть, вот и все. Он сводит радость еды в мир обычной работы. Еда — не игрушка. Помните, как едят животные. Они едят, чтобы есть, чтобы существовать, чтобы выжить. Видели вы животное, смакующее пищу? Никогда. У них нет празднеств и вечеринок, они не поют и не пляшут. Только человек сделал еду большим праздником.

И то же отношение ко всему прочему: Спите с женщиной, только если хотите ребенка, — иначе нельзя. Пусть любовь будет чисто биологической — говорит Ганди. Есть нужно только для того, чтобы выжить, а любить женщину нужно только для того, чтобы выжила раса. Никогда не превращайте любовь в удовольствие. Видели вы, как пес занимается любовью? Взгляните на его морду: вы не увидите в ней никакого удовольствия... Чувство выполняемого долга. Ему приходится это делать, что-то заставляет его изнутри — биологическая потребность. Как только он кончает, он забывает о подруге, идет по своим делам, даже спасибо никогда не скажет. Все, дело сделано! Только человек любит из удовольствия: для радости любви, для красоты любви, для ее музыки и поэзии.

Вот почему я считаю, что противозачаточные средства — одна из величайших революций в мире, они совершенно изменили все понимания любви. Теперь можно любить только для радости, не нужно быть рабом биологии, не нужно делать любовь, только если хочешь ребенка. Теперь секс и любовь совершенно отделены. Противозачаточные средства совершили величайшую революцию: теперь секс — это секс, а любовь — это любовь. Секс — когда речь идет о биологии; любовь — когда просто музыка, прекрасная музыка двух встречающихся тел, поглощающихся, теряющихся друг в друге, впадающих в совершенно иное измерение ритма, гармонии... переживание оргазма. Никаких проблем с детьми, никакого биологического импульса — ничего; теперь акт прекрасен сам по себе, он больше не средство ни для какой цели — в этом вся разница. Игра — когда цель и средства соединены, когда средство, само по себе — цель; никакой другой цели нет.

Ешьте ради радости еды, тогда вы — человек, гуманоид, высшее существо. Слушайте ради радости слушать, и вы освободитесь от ограничений инстинкта.

Я не против счастья, я целиком за него, я — гедонист, и так понимаю: все люди величайшей духовности в мире были гедонистами. Негедонист пусть не считает себя духовным, он — психопат, потому что счастье — есть сама цель, самый источник, самый корень всего. Бог ищет в вас радость в миллионах форм. Позвольте ему всю возможную радость, помогите ему подняться на высочайшие вершины, высочайшие достижения, сокровища счастья. Тогда вы религиозны, тогда ваши храмы станут местом праздника, ваши церкви не будут столь печальны и отталкивающи, так мрачны, так мертвы, как катакомбы. Тогда будет смех, будет песня, будет пляска, будет величайший восторг.

Религия очень пострадала от тех, кто учил самоистязанию. Надо освободить религию от всей этой чепухи. С религией связано много пустопорожней пищи. Сущность религии не что иное, как радость, поэтому все, что дает вам радость — добродетель, все, что делает вас

печальными, несчастными, жалкими — грех. Пусть это станет критерием.

Я не даю вам твердых правил, потому что знаю, как действует человеческий ум: раз дано твердое правило, вы забываете об обязанности и начинаете следовать твердому правилу. Дело не в твердом правиле, можно следовать твердому правилу и никогда не начать расти. Придя домой, Веня видит на кухне груды битой посуды.

— Что случилось? — спрашивает он жену.

— Странная у нас поваренная книга. Там сказано, что в качестве мерки можно взять старую чашку с отбитой ручкой. Мне только на двенадцатый раз удалось отбить ручку, не разбив чашки.

Раз так написано в поваренной книге, так и надо делать. Человеческий ум глуп — помните это. Раз у вас есть твердое правило, вы следуете ему.

Промышленник ожидал визита члена правительства; от этой встречи зависело многое. Услышав звонок, слуга поспешил к двери. Узнав посетителя, впустил в прихожую.

— Оставьте зонтик у двери.

— У меня нет зонтика.

— Тогда вернитесь домой за зонтиком. Хозяин велел мне, чтобы все оставляли зонтики у двери. Иначе я вас не пущу.

Правило есть правило.

Один из моих друзей, профессор Калькуттского университета, очень известный ученый, полетел в Рангун специально, чтобы собрать мочу у больного. Редкая болезнь, моча меняла состав очень быстро. Именно та болезнь, которой он занимался. Он собрал мочу и был счастлив: это заболевание случалось очень редко. Но в Калькутском аэропорту его задержала таможня. Перерыли перчатки и инструкции: не было там пошлины на мочу.

— Придется вам ее оставить. Надо сделать запрос.

— Какая чушь.

— Ничего не поделаешь. Вот взгляните в нашу документацию: никто еще не вез с собой мочу, правление об этом не слыхивало, это что-то новое! Нам придется запросить Дели. Все, как положено...

Мочу не пропустили, и она осталась у таможенников.

Профессор просто рыдал:

— Через сорок восемь часов там уже ничего не останется. Она нужна мне именно сейчас, немедленно!

— Но это совершенно невозможно, мы даже не знаем, сколько с вас взять, какой налог. Придется подождать.

Мочу ему доставили через два месяца: ведь дело отправилось в Дели, а там красная папка... через два месяца!

Правило есть правило. Я не хочу, чтобы вы стали правительственными служащими, я хочу, чтобы вы стали умными людьми.

В отчаянном преследовании полицейская машина уже настигла грабителей банка, как вдруг свернула к заправочной станции. Из машины звонят шефу: Чертовски повезло этим бандитам, нам оставалось до них только полмили, но тут я заметил, что истекли, пять тысяч миль по счетчику, и нам пора менять смазку.

Что ж тут поделаешь, если каждые пять тысяч миль положено менять смазку? Надо менять смазку.

Я не даю вам твердых правил, потому что знаю, как глуп бывает человеческий ум. Я просто даю вам чувство, чувство направления, понимание жизни через осознанность.

Обычно вы живете очень бессознательно: слишком много едите, потому что бессознательны, не понимаете, что делаете. Вы завидуете, привязываетесь к собственности оттого, что бессознательны и не понимаете, что делаете. Сходите с ума от злости, в гневе даете бесу на себе ездить, делаете и не понимаете, что делаете.

Иисус на кресте сказал: Отче, прости этим людям, потому что они не ведают, что творят. Это — его последние слова, но необычайно важные. Христиане не понимают этих потрясающих слов в их подлинном смысле. Благовестие Иисуса очень просто: Эти люди бессознательны.

Они не знают, что такое осознанность, поэтому они не могут отвечать за себя. Что бы они ни делали, они делают это во сне: они сомнамбулы, они действуют во сне. Пожалуйста, прости их. С них нельзя спрашивать.

Так что, когда вы переедете, я молю Бога: Отец, прости его, он не знает, что делает. Когда вы голодаете, мне снова приходится просить Бога: Прости его, он не знает, что делает. Дело не в делании, а во внесении осознанности в ваше существо, и эта осознанность изменит все. Вы пьянчуги.

Майк предложил Пэту зайти к приятелю. По дороге они прилично нализались. После этого Майк не смог вспомнить адрес приятеля:

Номер я не помню, но дом на этой улице. Они заходят в дом, показавшийся Майку знакомым. В прихожей тесно, темно в зале, только в подсвечниках рояля горят свечи. Они подходят к роялю, преклоняют колена и молятся. Вот Пэт замолчал, задумался, глядя на рояль. Не знаю я, Майк, твоего приятеля, но зубы у него, что надо.

Ситуация именно такова, таков человек. Единственное, что я хотел бы вам сказать, — это вкус понимания, осознанности. Это изменит вашу жизнь. Дело не в том, чтобы вас дисциплинировать, дело в том, чтобы вы светились изнутри.

ВОПРОС: Раджнеш Ашрам занимается конфуцианской и научной деятельностью: планирование, бюджет, бухгалтерия, установления, регуляция. Не будет ли правильным признать Конфуция и западную науку частью Дао и, таким образом, духовной?

ОТВЕТ: Дао широко, в него можно включить науку, но наука не широка, в нее нельзя включить Дао. Наука — часть обширной мистерии жизни. Если вы рассматриваете науку, как часть, то все в порядке, но наука претендует, заявляет, что она — целое. Тогда все получается не так. Та же самая ситуация с интеллектом, подсчетами, арифметикой.

Все хорошо в интеллекте, если он действует как часть и не начинает утверждать: Я — все. Когда интеллект говорит я — все, возникают трудности. Когда интеллект говорит: Я — только часть обширной сущности, непомерной сущности, а я лишь делаю свое дело, вне его я не знаю, что происходит, — тогда нет проблемы. Я не против интеллекта как такового, я против интеллекта, утверждающего, что он — все.

Это позиция Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы: они не против интеллекта. Как они могут быть против? Они не против чего бы то ни было. Моя рука — часть моего тела, но если она начинает утверждать: Я — все, целое, если рука начинает говорить: Я должна возобладавать надо всем, потому что я — целое, а все остальное второстепенно, тогда рука сошла с ума, тогда эта рука опасна, она потеряла свою связь с целым.

В самой науке нет ничего дурного, но она должна быть частью религии, — тогда она прекрасна. Интеллект должен быть частью целостности человеческого существа, тогда он прекрасен. Интеллект тоже прекрасен. Я пользуюсь интеллектом каждый день. Что я делаю вот сейчас? Даже говорю о том, что вне интеллекта: приходится пользоваться помощью интеллекта, приходится опираться на интеллект. Как Дао может быть против интеллекта, рацию? Дао хочет от вас только понимания, что жизнь больше, обширней рацию, рацию занимает лишь малое пространство — это не границы всецелого.

Лао-цзы велик, в него можно включить Конфуция, но Конфуций очень узок, в него нельзя включить Лао-цзы. Лао-цзы — это Дао, Конфуций — это Тора. Тора — еврейское слово, но я его люблю, оно составляет хорошую пару для Дао. Дао — значит любовь, Тора — значит закон! В слове Тарот есть слово тора. Тарот происходит от двух слов: тора рота — это значит — колесо закона.

Тора — значит закон, заповедь. Закон неизбежно тверд, и закон неизбежно узок. Закон должен быть вполне определенным: если он не таков, он бесполезен. В законе должны быть определения, четкие границы, только тогда им можно пользоваться.

Именно тут Иисус вторгается в историю евреев; он внес Дао в мир Торы. Естественно, он напрашивается на то, чтобы его распяли — это естественно, потому что Тора не выносит Дао. Закон и ориентированный на закон ум не может дозволить любовь, потому что когда входит любовь, весь закон колеблется. Любовь столь обширна — это океан, она входит в узкий мир закона, и закон рушится. Евреи не могли позволить себе Иисуса, потому что Иисус

внес совсем иной, чуждый климат, никогда не бывший частью еврейского сознания.

Иисус неопределяем; Моисей вполне определен. Моисей легко согласится с Конфуцием, но не согласится с Лао-цзы. Десять заповедей — основа ума, находящего убежище в законе, ум всегда найдет, как закон обойти.

Женщина, замужняя женщина, влюбилась в юношу, и тот хотел заняться с ней любовью.

— Но так нельзя, — воскликнула она. Она была еврейка. — Это не по закону, мы нарушим заповедь.

— Ну и что? — ответил юноша. — Останутся еще девять.

Закон так узок, что приходится вновь и вновь искать лазейки, иначе жизнь станет невозможна. Закон создает лицемеров, закон создает хитрецов, закон создает преступников, иначе жизнь станет абсолютно невозможна. Закон не позволяет вам жить; он делает жизнь столь ограниченной, что вам приходится искать пути и средства...

И тут вступает законник. Он помогает вам, он помогает нарушить закон и все же остается внутри закона — в этом вся его добыча. Юрист необходим: закон создает преступника с одной стороны, с другой — юриста. Оба стоят друг друга.

Были два брата. Один придерживался всех правил и стал юристом, другой все нарушал и стал преступником. Теперь он осужден на пожизненное заключение. Что ты об этом скажешь?

Только одно: второго поймали, первого еще нет.

Законник и преступник — оба порождение закона, Торы. Я не против Торы: должно быть, столь огромному человечеству Тора нужна, закон нужен. Держитесь правой стороны. Если каждый будет ходить, где пожелает, как ходят в Индии, жить станет трудно, жить станет опасно. Надо следовать закону.

Но закон не есть жизнь. Надо помнить, что законом следует пользоваться, но все же оставаться доступным Дао. То, что в Дао, должно быть целью, а Тора — лишь средством. И Тора не должна утверждать: Я — все. Как только Тора утверждает: Я — все, жизнь становится бессмысленной. Как только логика утверждает Я — все, и жизнь становится бессмысленной. Как только утверждают:

Жизнь — это наука, все сводится к более низкому уровню, это редукция. Тогда любовь — только химия: гормональное. Тогда все можно свести к более низкому, тогда лотос — только болотная жижа.

Следует оставаться доступным Дао. Следуя Торе, надо оставаться открытым Дао. Ведь Тора верна только, если ведет нас в направлении Дао. Закон верен только, если ведет вас к любви. Если он противоречит любви, тогда закон безжалостен.

Закон, например, говорит, что надо любить только свою жену. Хорошо, если вы любите свою жену, тогда закон ведет к любви, но если вы не любите жену, то заниматься с ней любовью безнравственно, тут закон противоречит любви. Если вы занимаетесь любовью с женщиной, не будучи женатым на ней — это любовь, а не закон. Если вы к тому же женились на ней, это любовь, но это не против любви. Мудрый человек увидит, что в жизни всегда пользовался законом для любви. Тогда это ступень к Дао.

Этот ашрам, естественно, должен управляться, по Конфуцию, но Конфуций здесь на службе у Лао-цзы. Видите вы здесь этого сумасшедшего? Конфуций на службе у Лао-цзы, Тора на службе у Дао. Тогда не возникает проблем. Но если наоборот, то все портится: тогда вы стоите на голове, надо срочно что-то делать.

ВОПРОС: Вчера, хоть я и сидел в очень неудобной позе, я уснул и проспал всю вашу лекцию. Ваши беседы не кажутся мне скучными, почему же я уснул?

ОТВЕТ: Ничего страшного. Если вам нравится спать, очень хорошо, только помните: не храпите, потому что это мешает спать другим.

Кто-то захрапел, сидя в опере.

— Прошу вас, прекратите, — обратился к нему билетер, — вы мешаете другим.

— Послушай, детка, я заплатил за это кресло и делаю, что хочу.

— Да, сэр, но вы всех перебудите.

Спать хорошо, нет ничего лучше. Насладитесь вдоволь, усладите свое сердце.

Так бывает... есть две возможности: либо вам надоедает, и вы засыпаете; либо беседа

становится колыбельной, и вы засыпаете. Беседа может стать песней, теплой песней вокруг вас, тогда можно спать. Или она может стать дребезжащей нотой, ужасно надоедливой, и вам надо от нее куда-то деться. А мои сторожа не дадут вам уйти так просто, так что единственная возможность — закрыть глаза и заснуть. Это бегство, чтобы не слушать. Есть обе эти возможности.

Иногда то, что я говорю, может показаться надоедливым, так как что бы я ни говорил, это — единственная истина, и мне приходится повторять ее вновь и вновь из сострадания к вам, иначе бы каждое утро я мог приходить, садиться в кресло, потом прощаться и уходить.

Большой писатель сошел с ума, но вот появилась надежда на его выздоровление. На три месяца он засел в своей комнате за машинкой, сочиняя роман. Наконец он объявил, что книга закончена, и понес ее ведущему психиатру. Тот с жадностью схватил рукопись и принялся читать: — Генерал Джонс вскочил на свою лошадь и закричал: Но! Но! Но! Но! Но! Но! Но! Но! Но! Но! Но! Но! Но! Но!

Доктор торопливо перевернул страницу, другую, третью, пролистал всю книгу.

— Но здесь же ничего нет, целых пятьсот страниц и все: Но! Но! Но!

— Да, — согласился писатель, — тупая кобыла.

Что же мне делать? Мне приходится кричать: Но! Но! Но!! каждый день. Тупая кобыла... Пока вы меня не услышите, мне приходится повторять снова и снова. Вам не очень поможет бегство в сон, не очень-то поможет. Я выбью вас из него.

Иногда это надоедает. Я знаю это, иногда я сам засыпаю. Тогда приходится смотреть на часы...

Психиатр опаздывал к пациенту. Он влетел, задыхаясь и стал извиняться.

— Пустяки, — остановил его пациент, — я нашел себе занятие.

— Какое?! — подозрительно спросил врач.

— Я сидел в уголке и беседовал сам с собой.

— Ну и как, интересная была беседа?

— Не очень. Вы же меня знаете.

Конечно, я знаю себя лучше, чем вы меня. Я знаю, иногда это ужасно надоедает, так что же, вините себя. Помните только одно: не храпите. Иногда беседа становится колыбельной. Если вы любите меня и любите безмерно, тогда все, что бы я ни говорил, окружает вас, как теплое одеяло: вам становится уютно, удобно. Положение тела может быть и не очень удобным. В зале Чжуан-цзы так сделано, чтобы было трудно чувствовать физический комфорт: мраморный пол, холодный, твердый, и повсюду моя охрана.

Они ничего вам не позволят, не позволят взглянуть или даже чихнуть, вам надо быть предельно бодрствующим, не то... В неудобной позе — даже тогда вы засыпаете! Подумайте: если бы поза была удобна, вы впали бы в кому! Но вы меня любите, и мои слова, достигая вас, становятся колыбельной. Нет ничего дурного в том, чтобы засыпать время от времени. Но не превращайте это в постоянную привычку!

ВОПРОС: Когда я достигну просветления, как мне узнать, что я достиг просветления?

ОТВЕТ: Сафари. Африка. Охота на крупную дичь — и белая женщина изводит охотника вопросами.

— Если мне встретится тигр, как я его узнаю?

— По желтой шкуре и полосам.

— А если встретится лев, как я его узнаю?

— По роскошной гриве.

— А если встретится слон, как я его узнаю?

— Это проще всего, — вздохнул охотник, — по легкому запаху кокосового ореха в его дыхании.

Не надо так волноваться. Это просветление так велико, как слон: вы не сможете его не заметить, вы не сможете даже убежать от него! Когда оно приходит, оно самоочевидно, оно не нуждается ни в каких доказательствах, что это — то самое.

Все равно, что мертвец, возвратившийся к жизни, — нужны ему будут доказательства? Он поймет, он сразу увидит все цвета, солнце, луну, звезды, лица всюду. И тьма, та тьма, что

казалась вечной, вдруг исчезнет и все будет полно света и цвета... и радуги.

Нужны ли будут глухому доказательства, когда глухота его кончится? Вдруг столько звуков, которых он прежде никогда не слышал, они окружают его со всех сторон.

Но даже все это — бледные метафоры для просветления: оно столь огромно, настолько в корне все меняет, что прозевать его совершенно невозможно. Не беспокойте себя такими проблемами, попытайтесь лучше стать просветленными.

ВОПРОС: Вы говорите как будто только для меня. Кажется, что вы отвечаете только на мои вопросы. Как вам это удается?

ОТВЕТ: Мулла Насреддин как-то мне рассказывал:

— На отпуск я поехал в деревню, и птички пели так весело под моим окном каждое утро, что однажды я вышел и поблагодарил их за чудные песни.

Но тут вышел хозяин:

— Надеюсь, ты не думаешь, что птицы поют для тебя?

— Почему же, конечно для меня.

— Птицы эти поют для меня.

Я знал, что я прав... словом, мы крепко поспорили и даже подрались. Нас привезли к судье. Он оштрафовал нас обоих на десять рупий.

— Эти птички, — сказал он, — поют для меня.

Когда я беседую с вами, всякий чувствует, что я говорю с ним: ведь то, что я говорю, настолько важно, — самое важное, что имеет отношение к каждому. Я говорю не только с одним человеком, я говорю о столь важном, что невозможно не иметь отношения к таким важнейшим вещам; они имеют отношение к каждому в большей или меньшей степени. Когда я говорю о любви, вы все чувствуете, что я обращаюсь к вам, потому что любовь — ваша проблема, проблема каждого. Когда я говорю об уме, вы, конечно, решаете, что я обращаюсь к вам: у вас есть ум, как и у всех, а всякий ум — сумасшедший.

Так что, когда я касаюсь самых важных истин, каждый неизбежно чувствует, что это — весть специально для него, но помните: я говорю только о своих важных истинах. Они обращены здесь к каждому, а не к кому-то в отдельности, хотя я очень хорошо знаю каждого из вас. Хорошо, прекрасно, что вы чувствуете себя прямо связанным со мной.

Два охотника в лодке укрылись в камышах, чтобы утки их не заметили и ждали. Вдруг они услышали нарастающий шум. Камыши раздвинулись перед лодкой, в которой сидел третий охотник, пьяный вдрызг, пытающийся при этом откупорить пятую бутылку.

— Эй! — предупредили они, — это наше место. Проваливай вниз по течению.

Пьяница ничего не сказал. Откупорил бутылку, выпил ее и отплыл на две мили. Наконец одинокая утка пролетела над рекой. Охотники дважды выстрелили и промахнулись. Как же они удивились, услышав и увидев, что пьяница с одного выстрела попал в утку, подплыл к ней и упрятал ее в ягдташ.

Они подплыли поздравить его:

— Ну и ну! Как ты ловко! Как у тебя получилось?

— Э-э-м-м... Как я мог промахнуться, когда в небе столько уток?

Здесь у нас то же самое: когда вокруг столько уток, я могу стрелять совершенно спокойно. Можно совсем не целиться: как я могу промахнуться? Промануться невозможно.

Да, хорошо, что вы себя чувствуете в личном контакте, но помните: не делайте из этого ловушку я. Ум очень хитер, вам надо быть постоянно настороже, бдительным к его тонким ходам, иначе у вас появится мысль: Я особенный. Бхагаван говорит только для меня. И вы начнете фантазировать, проецировать и потеряетесь в своем фантастическом мире. Да, я говорю для вас тоже, но не только. Я говорю очень широко, я говорю об основах, конечно же, это и ваши основы.

ВОПРОС: Есть ли разница между внутренней дисциплиной и любовью?

ОТВЕТ: Никакой: вместе с внутренней дисциплиной, естественно возникает и любовь. Вот между внешней дисциплиной и любовью не только разница, а антагонизм. Если вы принудите себя к внешней дисциплине, это убьет вашу способность любить, убьет вашу восприимчивость к любви, сделает вас серостью. Вы потеряете свою тонкую

чувствительность, потому что всякая наложенная извне дисциплина направлена против вашей чувствительности, а любовь — кульминация всех чувств.

Влюбляясь в женщину, вы влюбляетесь всеми пятью чувствами. Может быть, вы этого не понимаете; человек так отстранился от собственных чувств, что не понимает, но посмотрите на животных, еще не оторвавшихся от корней своего существа. Хоть они и бессознательны, но не оторвались от корней своего существа. Прежде чем заняться любовью, собака обнюхивает свою подругу. Дело не только в том, чтобы видеть прекрасную женщину, но и в том, чтобы чувствовать ее запах. Порой бывает, что лицо прекрасно и нравится вам, а запах вовсе не нравится. Если вы женитесь на такой женщине, то окажетесь в трудном положении: одно ваше чувство будет постоянно разводиться, а другое — постоянно жениться. Возникает конфликт.

Настоящая любовь приходит только тогда, когда все пять ваших чувств в гармонии, как стройный оркестр. Тогда в вашей любви есть вечность. Тогда она не временна, тогда она не мгновение. Когда вы любите женщину, вы любите ее голос, прикосновения, запах, походку, то, как она смотрит на вас, вы любите ее во всей полноте, во всех ее проявлениях. И проблеск этой полноты может быть почувствован только всеми чувствами, но у человека главное место заняло зрение. У других чувств отнято право голоса, вы смотрите только глазами: для вас главное — пропорции. В конкурсах на королеву красоты красавиц не нюхают. Это глупо, просто глупо: у женщины могут быть правильные пропорции, а сама она воняет! У нее могут быть прекрасные пропорции, а голос не мелодичен, не хорош. Если у нее не мелодичный голос, тогда она не прекрасна, чего-то недостает. Настоящий конкурс королевы красоты должен основываться на всех пяти чувствах. Почему зрение должно диктовать и доминировать? Это диктаторство. Зрение диктует всю жизнь. Конечно, вы несчастны, потому что одно ваше чувство стало Адольфом Гитлером. В вас, в вашем теле, должна процветать демократия: пусть каждое чувство говорит своим языком, а вы слушайте каждое.

Любая навязанная самому себе внешняя дисциплина сделает вас глупым — таково свойство внешней дисциплины. Это то, что говорил Махатма Ганди; это то, что сделал Гитлер: наложил на целый народ дисциплину извне и наложил так ловко, что люди начали делать то, что им бы и не приснилось. Но дисциплина совершенно отупила их, они утратили чувствительность; жгли миллионы евреев, а люди, делавшие это, стояли рядом совершенно спокойно. Что произошло? Была притуплена их чувствительность, на их существо наложили толстые слои отупения.

То же самое делается в любой армии. Вся цель военной подготовки заключается в том, чтобы отупить человека, снизить его чувствительность и тонкость ума. Найти военного с тонким умом невозможно, иначе, отчего он в армии? Неужели не найти ничего другого? Армия для тонкого человека — самое последнее дело: ведь вся подготовка состоит в отупении, в генерации тупости. Налево! Направо! — И так три, четыре, пять часов каждое утро.

Одному профессору пришлось стать солдатом, а он был человек с весьма тонким умом. Когда скомандовали напра-во!, он остался, как стоял.

— Почему ты стоишь, как истукан, когда я сказал напра-во! и все повернулись направо? — спросил его командир.

— Рано или поздно вы скомандуете налево, — ответил тот, — так зачем все это? Все вернутся в то же положение, и это будет продолжаться три, четыре часа, так зачем же так утруждать?

Зачем это постоянное налево, направо? Тут есть ловушка: вами управляют, вам не позволяют думать. Налево значит налево, надо не думать, а выполнять. Попробуйте систематически что-то делать, чему-то следовать, повиноваться, и вы потеряете тонкость ума, вы перестанете думать. Если однажды вам прикажут убивать врага, вы убьете. Все равно как налево! направо!. Вы не думаете, не задумываетесь над тем, что мне сделал этот человек? зачем мне его убивать? Это почему? даже не возникает: вы просто делаете это и все. Вы становитесь роботом, механическим существом, вы — больше не человек.

В Индии, пенджабы — лучшие военные, лучшие солдаты и, конечно же, по всей стране их считают самыми тупыми. Одно соответствует другому. Если раса совершенна в военном отношении, она отстает в умственном — это неизбежно, одно с другим не совместимо. Умному человеку надо подумать, прежде чем сделать. Солдату надо выполнять прежде, чем думать. В этом главное в подготовке солдата: он должен исполнить прежде, чем подумает. А чего потом думать, когда все уже сделано? Нечего уже думать.

Любая внешняя дисциплина — для солдата или святого — убивает вашу чувствительность, убивает вашу тонкость, восприимчивость и, конечно же, убивает любовь, потому что любовь — это гармония всех ваших чувств и ума.

А вот внутренняя дисциплина никак не противоречит любви, с внутренней дисциплиной любовь пробуждается, но снова помните: любовь, которая пробуждается с внутренней дисциплиной, — это не та любовь, что была известна вам до сего времени. Ваша любовь — это все, что угодно, кроме любви.

К сумасшедшему дому подъехал роскошный лимузин, из которого вышел немолодой человек с аристократическими манерами.

— Скажите, — спросил он у сторожа, — может ли больной поступить в ваше заведение по вашей рекомендации?

— Да не знаю я! А в чем дело?

— Видите ли, вчера я перечитал связку моих старых любовных писем и ... чувствую, что я сумасшедший.

Перечитайте и вы все свои старые любовные письма и у вас, полагаю, тоже появится желание самому попроситься в психушку.

Вы называете любовью лихорадку, помешательство, вид химического невроза. Это не любовь. Как можете вы любить? Любовь, как тень, следует за медитацией. Когда вы в такой степени пробуждаетесь, возникает новое качество — любовь; а то, что вы сейчас зовете любовью, — это ревность, чувство соперничества, собственности, злость, ненависть. Может быть, вы надоели сами себе по горло, не можете больше сносить себя и вам нужен кто-то — и вы называете это любовью. Вы цепляетесь за кого-то, вы пытаетесь воздействовать на него. Это политика, а не любовь, это желание взять верх, а не любовь. Естественно, это ведет в ад, это делает вас несчастнее и несчастнее.

Что принесла вам ваша любовь? Мечты, мечты, мечты, но мечты остаются мечтами, только пока они в будущем. Оглядываясь на минувшую любовь, ощущаешь ее бредовым кошмаром. Нет, это не любовь, иначе весь мир был бы счастлив. Всякие мечты оказываются бредовыми, кошмарами. Столько людей любят, любят, любят все, любит мать, любит отец, любит сестра, брат, жена, муж, друг, священник, политик — все всех любят. Любви должно бы оказаться столько... но загляните человеку в глаза — там только несчастье и больше ничего, значит что-то не так, что-то другое назвали любовью.

На упаковке написано любовь, но загляните внутрь: ревность, чувство собственности, злоба, ненависть, желание взять верх — тут собралось самое некрасивое. Конечно, коробка выглядит прелестно, упаковано прекрасно, как рождественский подарок. Откройте... внутри крошечный ад.

Я говорю не об этой любви. Когда вы входите внутрь своего существа, возникает совсем иная энергия. У вас столько энергии, что вам хочется поделиться ею. Любовь — это отдача. Тогда вам не нужна любовь, вам не нужно, чтобы кто-то любил вас. Впервые вы овладели сокровищем любви, возникает новая потребность: разделить ее, дать ее тому, кому она нужна. Делиться ею и отдавать ее. Когда вам нужна любовь, когда вам нужно, чтобы кто-то любил вас — это путь к несчастью, это попрошайничество, а попрошайка не может быть счастлив. Когда любовь познана, а это возможно только тогда, когда вы входите в величайшее святилище своего существа, когда вы познали резервуар любви, находящийся там, возникает новая потребность — поделиться ею, отдать ее тому, кому она нужна. Отдайте ее, почувствуете благодарность, что кто-то ее берет. Тогда появляется счастье, тогда любовь — это небеса.

Теперь потребность изменила направление, теперь вам необходимо раздавать. До тех пор,

пока вам нужно, чтобы кто-то давал ее вам, вы — попрошайка. Теперь вы — император. Внутренняя дисциплина сделает вас императором.

ЗАПИСКА. Это от Судхи. Вопрос вам не знаком, потому что у спрашивающей долгая предыстория. Судха посылала вопросы каждый день, месяц за месяцем, я на них не отвечал, я всегда подозревал, что вопросы ее не настоящие, а настоящий вопрос скрывается за ними. Тогда однажды, в отчаянии, она прислала настоящий вопрос. Он был таков: Бхагван, я хочу, чтобы вы сказали: Судха — моя лучшая саньяси. Вы никогда не говорили этого, вы никогда даже не упоминали моего имени.

Но я не ответил даже на это, так что теперь, наконец, она прислала эту записку: Ну и пусть.

Теперь пришло время ответить. Помните: всякий раз, как вы задаете вопрос, в нем всегда есть скрытый смысл. Для вас он может даже не быть явным, вы можете даже не подозревать о нем, вы можете думать: Вот я задаю такой вопрос..., а в этом кое-что еще. Может быть, вы хотите, чтобы я потрепал вас по плечу и сказал: Хорошо!

Есть несколько спрашивающих, задающих такие вопросы. Они говорят, например: Бхагван, наступает великая тишина, пробуждается великая энергия. Что вы об этом можете сказать? Если я приму вопрос за чистую монету и скажу: Хорошо, то я должен признать, что они стоят у порога просветления. Но всей этой великой энергии и потрясающего переживания, о котором они пишут, нет. Если бы это происходило, они бы пришли к глубокому молчанию. Если бы это случилось, их вопрос исчез бы. Если бы это происходило, им не нужно было бы никакого подтверждения, отпала бы нужда в одобрении. Этого не происходит.

Вы задаете вопрос. Так или иначе, вы в большой нужде, вашему эго нужна поддержка. Я здесь, чтобы ваше эго содрогалось, я здесь не для того, чтобы укреплять ваше эго. Если бы я укреплял ваше эго, я был бы вашим врагом, а не другом. Это больно: если я разбиваю ваше эго, это больно, но, в конце концов, вы узнаете: это единственное, что надо было сделать. Это подобно хирургической операции: больно, но только такая хирургия преобразит вас.

Судха очень хороша, но так же по-человечески слаба, как любой другой. Как всякому приятно, чтобы его потрепали по плечу, так же приятно это и ей. Я не жадный, могу и потрепать, тут нет никаких проблем. Я могу сказать: Судха, ты велика, но это вас отравит, на пользу это не пойдет, это помешает вам, это воодушевит ваше эго, вы еще больше утвердитесь в своих эгопроекциях. Нет, не могу я этого сказать, потому что хочу, чтобы вы, в самом деле, стали великими, а стать, в самом деле, великим значит лишиться я.

В мире вы к чему-то стремитесь: с помощью денег, власти, престижа. Затем вы становитесь саньяси и начинаете искать те же старые болезни под новыми именами. Возвращается старая политика - вы начинаете соревноваться.

Бросьте все это. Здесь, по крайней мере, со мной, будьте просты и обычны. И чем обычнее вы будете, тем необычнее станете.

Беседа четвертая

ВЫБИРАЙ НОВОЕ

Цу-кань устал от учения и сказал Конфуцию:

— Я хочу отдохнуть.

— Нет отдыха для живущего, — ответил Конфуций.

— Значит, я никогда не найду его?

— Найдешь. Устремись мыслью к величественному возвышению твоего могильного холмика и узнай, где найдешь ты покой.

— Велика смерть! Благородный находит в ней отдых, низкий подчиняется ей!

— Цу-кань, ты постиг. Все люди понимают реальность жизни, но не ее одиночество; бремя старости, но не ее отраду; уродство смерти, но не ее покой.

Философия — враг истины. Говоря философия, я имею в виду всякую философию, в том числе мою, потому что философия создает занавес слов и вам не видна реальность, как она есть. Она искажает реальность, она интерпретирует реальность, она драпирует реальность,

она прячет реальность, она скрывает реальность.

Истина блаженна, истина везде и всюду, истина внутри и снаружи и единственный барьер — это слова, теории, теологии, которые вы выучили. Они не позволяют вам видеть то, что есть, они стоят на пути, они — предрассудки. Любая философия — это предрассудок и никакое учение не является мостом, все они — барьеры.

Рано или поздно для искренне вопрошающего наступает этот великий миг понимания, когда он чувствует себя утомленным, уставым от всей этой чепухи, что длится во имя мышления.

Слово бог не есть Бог, сколько еще вы будете играть в слова? Слово пища не есть пища, сколько еще вы будете таскаться со словом пища, оставаясь голодным? Рано или поздно вы поймете что, то, с чем вы носитесь, только слово: оно не может напитать вас, не может дать вам жизнь, не может дать вам мир, ничего не может вам дать. Конечно, обещает все, потому философия и стала столь важна: из-за обещаний, но все эти обещания пусты; они никогда не исполняются. Философия никогда еще не помогала, кому бы то ни было познать истину. Великий миг понимания вошел в жизнь Цу-каня. Он был любимым учеником Конфуция.

Цу-кань устал от учения...

Смотреть одно, учиться — другое, диаметрально противоположное. Если я скажу: Пойди, посмотри на розы в саду, а вы вместо того, чтобы пойти в сад, пойдете в библиотеку и изучите все о розах - это учение. Вокруг да около все кругом и кругом, но, никогда не касаясь главного.

Цу-кань устал от учения...

Довольно слов, довольно теорий, догм, довольно учений. Это я называю великим мигом в жизни вопрошающего. Каждый должен пройти сквозь слова, потому что нас приучили к словам. Каждый должен пройти сквозь теории, нас пичкали теориями с самого детства. Мы воспитаны, опираясь на предрассудки, учения, церкви, школы.

Один — христианин, другой — мусульманин, третий — индуист: мы ограничены, нас воспитали, нас ограничили, поэтому мы только задаем вопрос что есть истина? Ум начинает снабжать нас словами; он знает ответ. Все эти ответы ложны, эти ответы заимствованы, но ответы он поставляет прекрасные. На какое-то время они удовлетворяют, а если ваше вопрошание не столь велико, могут удовлетворить навсегда. Только настоящий вопрошающий понимает, что слова бессмысленны.

Не язык есть дверь к реальности — молчание. Внутренний диалог должен прекратиться, только тогда придет ясность, только тогда реальность откроется вам. Вы не прекращаете внутренней болтовни, ваш ум продолжает работать: постоянно, навязчиво, как маньяк. Ум и есть маньяк; он без конца создает новые слова, новые комбинации, новые теории, он множит построения. Ум — великий изобретатель теорий, он не дает вам ни минуты передышки, паузы, чтобы взглянуть, что же на самом деле. Внутренний диалог должен прекратиться... тогда вдруг окажется, что нет никакого барьера и никогда не было.

Прежде всего, истина не скрыта, истина перед вами, — говорит дзенский монах.

Чего вы ищете? Куда вы несетесь? Но глаза ваши застланы предрассудками.

Цу-кань устал от учения...

Он многое изучил и наконец понял, что учение не насытило его. Оно не сделало его сильнее, оно ничего не дало, оно не дало ему чувства большей подлинности. Он все еще нигде, он все еще пуст. Никакой интеграции, он не знает, кто же он на самом деле. Его охватила усталость. Должно быть, он был настоящим вопрошающим; даже Конфуций не смог его обмануть.

Цу-кань устал от учения...

Когда вы устали от учения, наступает великий миг: студент становится учеником. Устав от учения, вы совершаете поворот на сто восемьдесят градусов, вам уже не интересны теории, вы хотите настоящего; вы хотите пищи, которая бы насытила вас. Не нужны никакие рецепты, не нужны никакие поваренные книги, вам нужна настоящая пища.

...и сказал Конфуцию:

— Я хочу отдохнуть.

Вы заметили, чем больше вы знаете теорий, слов, священных текстов — христианство, ислам, буддизм, индуизм... — тем больше вы чувствуете, что ваш ум становится все более

безумным; вас разрывает во все стороны. Одна теория говорит одно, другая говорит другое, они противоречат одна другой, застревают друг у друга в горле. Столько дискуссий и никакого результата. На протяжении веков теория не пришла, философия не пришла к единому общему выводу; дискуссии философов продолжаются уже пять тысяч лет, но все это не привело ни к одному единому заключению, — заключению, с которым бы они согласились. Не было, и нет никакого соглашения, нет до сих пор надежды, что оно появится в будущем. Дискуссии возникают, когда у меня одна теория, а у вас другая, — тогда соглашение невозможно. Согласие возможно только через опыт. Опыт обладает решающей силой, аргументация не обладает решающей силой: аргумент вызывает контраргумент — и пошло и поехало. Когда двое спорят, не может быть, чтобы они оба были правы. Оба они могут быть неправы, но оба они правы, быть не могут.

Человек хочет знать полную истину, всю истину до конца. Ум может быть спокоен, только придя к окончательному заключению, а философия не ведет ни к какому заключению. Окончательна только реальность, окончателен только опыт, только реальность, только существование.

Цу-кань устал от учения и сказал Конфуцию:

— Я хочу отдохнуть.

— Нет отдыха для живущего, — ответил Конфуций.

Но как можно отдохнуть с Конфуцием? Он прав, но прав только в области его философии.

— Нет отдыха для живущего.

Надо бороться изо всех сил, надо проявить характер, твердость, силу воли. Жизнь дается для того, чтобы проявить себя. Это состязание, где каждый готов перегрызть другому глотку, где каждый стоит другому поперек дороги; если расслабитесь — вы пропали. Боритесь изо всех сил! Будьте всегда на страже и не думайте об отдыхе. Слово отдых в конфуцианском понимании означает бегство от жизни. Не мечтайте о медитации — это эскапизм. Не уходите в Гималаи, не погружайтесь в молчание — это эскапизм. Надо что-то делать!!! Жизнь — это действия, от бездействия — смерть; такая у них логика. Конечно, когда-нибудь вы умрете — тогда и отдохнете, зачем об этом думать. Позиция совершенно четкая и логичная, так что людям логичным она нравится.

— Нет отдыха для живущего.

— Значит, я никогда не найду его?

— спрашивает ученик.

Конечно: если нельзя отдохнуть при жизни, то когда же еще?

Когда же я отдохну? Неужели покоя нет нигде? Неужели этот кошмар никогда не кончится? Неужели конца нет?

— Найдешь. Устремись мыслью к величественному возвышению твоего могильного холмика и узнай, где найдет покой.

— Найдешь. Обратите внимание на эти слова: это величайший обман из всех, придуманных человеком. Найдешь... не сейчас, там, потом, в будущем... не здесь, в другом месте. Все религии пользуются этим коварным приемом, они обещают, они говорят: Вы найдете все, к чему стремитесь... но не сейчас... завтра.

А завтра не приходит никогда, не может прийти, не может прийти по самой своей природе. Будущее не приходит никогда; когда оно приходит — это настоящее, это всегда сейчас, сейчас, сейчас. Где бы вы ни очутились, это будет здесь — и — сейчас.

Вот и это обещание: Найдешь. Коварное обещание. Этим грешат все религии. В небесах ты найдешь покой, мир, счастье. В мокше, нирване... где-то далеко есть страна счастья и мира. Ты попадешь туда однажды, но не сейчас. И если хочешь попасть туда, жертвуй для этого своим сегодняшним счастьем. За все надо платить, — говорят они, — а цена такова: жертвуй настоящим для будущего, жертвуй настоящим для воображаемого, жертвуй жизнью для посмертия.

И им удалось убедить человечество: жертвуют жизнью почти все. Никто не возвращался с небес рассказать, как там дела; никто не возвращался после смерти сообщить: Да, Конфуций был прав, — так что обман держится, некому возразить. Хитро придумано — возразить

невозможно: нельзя опровергнуть, хоть и нельзя доказать, опровергнуть тоже нельзя.

Найдешь. Прислушайтесь: Найдешь. Тут вся ваша жизнь. В детстве папа с мамой говорят: Не сейчас, когда вырастешь, а когда вырастите, — не сейчас, в старости, на пенсии, когда скопилось много денег, все сделано. Все цели достигнуты, тогда время отдохнуть и расслабиться — тогда. Ну, а когда состаритесь, говорят после смерти. Без конца откладывается. Морковка будущего все висит перед вашим носом, и чем ближе вы к ней, тем дальше она отодвигается, а тем временем вы продолжаете упускать все представляющиеся возможности.

Философия, ориентированная на будущее, подобна опиуму: она наркотизирует и не дает вам жить своей собственной жизнью прямо сейчас, здесь и сейчас, а только это и есть жизнь.

Теперь послушайте, что говорит Конфуций. Ученик хочет отдохнуть, он отвечает:

— Нет отдыха для живущего.

Жизнь — это борьба, так что не проси об отдыхе. Отдых, конечно, будет, но не сейчас, ни в коем случае не сейчас. Отдохнешь, подожди, там впереди... Всегда там впереди — и никогда — здесь и сейчас. Бегите, бегите от данного мгновения, живите в будущем и жертвуйте ему настоящее.

Это я называю величайшим обманом, придуманным человеком. Сработан он на славу, им — будущим, кормятся и священники, и политики. Коммунисты говорят: Подождите, принесите себя в жертву будущему. Рано или поздно будет построено такое общество, бесклассовое общество, где все будут счастливы. Вы несчастны, вы мизерны, вы хотите отдохнуть — и немедленно, а они отвечают: Не тревожься, отдых будет. Подожди, там впереди... Дай только, - сделаем революцию — и все будет хорошо. Если хочешь, чтобы будущее было счастливо, жертвуй... жертвуй! Фашисты говорят: Жертвуй, чтобы отчизна победила, когда нордическая раса докажет, что она — высшая из всех, тогда настанет мир на земле.

Коммунисты говорят, что если вы умираете за революцию — вы великий человек, ваше имя будет благоговейно произноситься грядущими поколениями, о вас будут помнить, как о жертве, вас будут помнить и уважать. Для этого нужно только одно: не живите, жертвуйте своей жизнью.

Совершенно абсурдная ситуация. Ваши родители жертвуют собой ради вас: отец, мать жертвуют для вас всем. Они говорят: Я жертвую всем для моих детей. Естественно, они ждут компенсации: ведь мать, жертвуя всем для ребенка, губит свою жизнь и она ждет расплаты, она будет говорить без конца, она втемяшит вам в голову: Я пожертвовала для тебя всем, запомни это: я пожертвовала тебе свою жизнь, свою юность, все — для тебя. И она постарается убедить вас: Ты должен сделать все то же для своих детей. Так что и вы будете жертвовать всем для своих детей, а затем будете убеждать их, чтобы они поступали точно так же... Получается, что счастливо не живет никто: одно поколение приносит себя в жертву другому, а если вы не будете этого делать, уважать вас не будут. Никто не будет вас уважать, вы станете преступником.

Но жертвуя собой, вы станете несчастным, а несчастный человек сеет вокруг себя несчастье. Несчастный человек ждет расплаты, простить он не может: ведь его жизнь разрушена. Говорят, что жена должна жертвовать собой мужу, а муж должен жертвовать собой жене. Зачем? Оба жертвуют — оба упускают свою жизнь.

Я учу вас чистому эгоизму: никогда не жертвуйте собой для кого бы то ни было, живите своей истинной жизнью и тогда вам не понадобится ждать расплаты от кого бы то ни было, вы никогда не будете таить злобу, и ненависть против кого бы то ни было. А человек, у которого ни на кого нет зла — это человек, полный любви, сострадания, щедрости. Человек, который ни на кого не держит зла — ни на своих детей, ни на жену, ни на мужа — безмерно прекрасен. Вокруг него атмосфера счастья: кто бы ни входил в его сферу, испытывает его счастье.

Будьте эгоистами.

Взгляните на деревья: ни одно дерево не, пытается жертвовать собой другому, поэтому они зеленеют. Если бы они принялись жертвовать, не нашлось бы ни одного зеленого дерева, ни одно дерево не цвело бы. Взгляните на звезды: они эгоисты! Они сияют для себя, они не жертвуют, иначе бы все существование стало бы уродливым и мрачным. Эгоизм естественен,

и то эго, которому я учу вас, и есть Дао, это — ваша природа. Прислушайтесь к ней, следуйте ей. Ваша природа говорит вам: Будь счастлив.

Если бы Цу-кань спросил Лао-цзы, тот ответил бы: Рад за тебя и поздравляю. Ты устал от учения? Отлично! Отныне отбрось все мысли — медитируй. Ты хочешь отдохнуть? Это возможно прямо сейчас.

Живите для себя — будете жить для всех остальных, но это не жертва! Живите для себя, будьте подлинно эгоистичны — это естественно. Заботьтесь о своем счастье, своем отдыхе, своей жизни; как же поразит вас, что, будучи счастливыми, вы помогаете счастью других: мало-помалу вы понимаете, что чем счастливее остальные, тем счастливее вы. Счастье существует только в океане счастья, одно оно существовать не может.

Настоящее мгновение — это все, что у вас есть. Пользуйтесь им мудро, не давайте никому обмануть себя.

— Устремись мыслью к величественному возвышению твоего могильного холмика и узнай, где найдешь ты покой...

Величественное возвышение могильного холмика... Могилка есть могилка, это порядочная мерзость, как бы ее ни приукрашивать. Можете сделать ее мраморной гробницей и золотыми буквами высечь на ней имя, но это никого не обманет. Внутри только смерть, причем мерзкая смерть, смерть после непрожитой жизни. Непрожитая жизнь мерзка, отложенная жизнь мерзка. Жизнь прожитая — прекрасна, а людей, проживающих свою жизнь, очень мало, только их смерть прекрасна. Тогда и смерть становится прекрасной: они могут жить так прекрасно, что однажды проживают свою жизнь, а затем и свою смерть.

...где найдешь ты покой.

Пока покой не достигнут в жизни, он не может быть достигнут в смерти. Назовем это непреложным законом: то, что вы достигли в жизни, вы сможете удержать после смерти, но не наоборот. Если вы достигли медитации, ваша смерть будет медитацией. Если вы достигли любви, ваша смерть наполнится энергией любви. Если вы достигли Бога, ваша смерть будет божественна.

Но помните: смертью ничего нельзя достигнуть — достижение приходит через жизнь. Смерть — лишь страшный суд, последний приговор. Смерть просто ставит последнюю точку. Тогда последнее слово само собой становится последним приговором. Если человек был велик любовью, если он, в самом деле, любил, независимо от условий, и его жизнь была пылающим пламенем любви, светом любви, тогда смерть окончит главу с этим ярко пылающим пламенем. Но если смерть закрыла вашу жизнь, которая была мизерной и больше ничем — лишь одни надежды на будущее, ни одного подлинного переживания, — тогда ваша смерть тщетна. Это то, что Гурджиев называет собачья смерть. В этом случае вы умираете и все: вы ничего не достигаете, ничего нет.

Так что помните: каждый живет своей жизнью и умирает своей смертью. Смерть так же уникальна, как жизнь.

Настоящий человек — это бунтарь, настоящий человек не заботится о приличиях, настоящий человек живет естественной жизнью. Ему плевать на то, что общество изрекает или не изрекает. Настоящий человек не интересуется обществом. Если вы фальшивы, тогда существование общества должно вас заботить: что сказать, как сказать, где сказать, как нужно жить, как не нужно жить. Все определяется обществом. Вы должны точно ему соответствовать, вы должны быть зубчиком в колесе. Настоящего человека общество не уважает. Как общество может уважать настоящего человека? Поэтому Христа распинают, в Будду швыряют камни, Сократу дают яд.

Таких людей общество принимает только после их смерти. Теперь уже все в порядке: распятый Христос больше не опасен, отравленный Сократ не бунтует, мертвый Будда становится аватарой. Живой Будда опасен, а мертвому Будде можно поклониться в храме. Помните: когда умирают подлинно великие, люди на них молятся. Пока они живы, люди негодуют. Те же, кто распинал Христа, стали потом христианами, те же самые люди. Люди всегда одни и те же. Иисус был невыносим, но когда он мертв, — все в порядке; что он теперь может сделать? Мертвый Иисус в ваших руках: вы трактуете его, воздвигаете вокруг него

теории; он уже не может ничего сказать — вы говорите вместо него. И так всегда.

Итак, если, в самом деле, хотите быть настоящим, никогда не заботьтесь о том, что скажут о вас другие. Я не подстрекаю вас против общества, это был бы не бунт, а реакция. Поступайте в соответствии со своей природой. Если она соответствует обществу — очень хорошо, бунтовать не нужно. Если она не соответствует обществу — отлично, тогда не нужно ему следовать.

Велика разница между бунтарем и диссидентом. Диссидент выступает против общества в любом случае; он решил быть против общества, даже если оно право. Иногда общество право, не может же оно быть всегда неправо... ведь иногда бывают правы даже сумасшедшие.

Крупный политик выступал перед сумасшедшими, но не прошло и пяти минут, как один из больших выскочил и заорал: Заткните глотку этому идиоту! Он свихнулся! Сам не знает, что несет!

Конечно, политик рассердился и велел главврачу вышвырнуть безумца.

Впервые за семь лет, — ответил врач, — он сказал что-то умное. Я не могу его вышвырнуть. Семь лет он молчал вздор, теперь же, впервые, нечто осмысленное. Но не тревожьтесь. Его доктора уверены, что он способен на такое только раз в семь лет! — вам не о чем тревожиться.

Кто же бунтарь? Бунтаря не волнует общество, он живет из своей глубочайшей сердцевины — он следует своему Дао. Если общество гармонирует с его внутренним Дао — хорошо, он идет с обществом, он не диссидент. Если общество не гармонирует с его внутренним Дао — он идет один. Он не традиционалист, он не приспособливается, он сам по себе. Его мера — внутренняя сущность.

Джентльмен — это тот человек, кого убедили продать свою подлинную сущность и одолжить у общества его лживые маски.

— Велика смерть! Благородный находит в ней о т дых...

Что общего у джентльмена с покоем и смертью? Джентльмен не может успокоиться даже в жизни — уж слишком все в нем подавлено. Джентльмену не позволено свободно импровизировать свою жизнь, он отказался от тысячи соблазнов, которые так и кипят внутри его существа. Как же он может обрести покой? А если вы не способны обрести покой в жизни, то как вы найдете его в смерти? Так что перестаньте дурачить себя — это опиум; вы надеетесь, что нечто, что никогда не случалось в вашей жизни, произойдет после смерти, вы живете под наркозом.

Джентльмен никогда не любит так, как ему хотелось бы: он никогда не выходит из себя, никогда никого не ненавидит; это не значит, что он не способен на ненависть, просто он не показывает ее. Все, что он умеет делать, — это менять маски, его внутренняя жизнь не меняется. Гнев закипает в нем, но джентльмен не показывает вида, он подавляет его. Он продолжает накапливать в себе тысячи желаний, они бурлят внутри в хаотическом смешении.

Он может взорваться в любую секунду — с джентльменом опасно жить. Никогда не живите с джентльменом или леди. Женщина прекрасна, а леди безобразна. Женщина естественна, а леди сплошь подделка, она сфабрикована.

Джентльмен, леди — сфабрикованы, культивированы, нарисованы. Они не настоящие, они нечестные. Здесь они улыбаются; ненавидя вас, они лезут с объятиями. На них нельзя положиться, нельзя понять, искренне они улыбаются или нет. Фактически со временем они и сами перестанут понимать, когда смеются искренне, а когда притворно; когда они в самом деле влюблены, а когда только прикидываются влюбленными.

Ко мне приходят и говорят: Мы не можем решить, любовь это или нет. Когда всю жизнь живешь во лжи, — а возможно, и многие жизни, — теряешь путь. Вы уже не можете распознать, что хорошо, а что плохо; не можете отличить истину ото лжи. Постоянно ко мне приходят и говорят: Я влюблен в эту женщину, но я не могу решить, настоящая это любовь или нет. Что это показывает? Вы потеряли все связи со своей сущностью, вы стали чужим самому себе, вы стали чужестранцем самому себе. А ведь все так просто. Это все равно, что сказать: Я не могу решить, настоящая это роза или нарисованная — не могу решить. Что это

означает? Я не могу решить, в самом деле эти деревья зеленые или кто-то выкрасил их зеленой краской. Но эти деревья, по крайней мере, находятся снаружи. Возможно, что иногда вас обманут: деревья могут быть фальшивыми, сфабрикованными из пластика, но ведь речь идет о ваших чувствах, а вы ничего не можете понять. О чем это говорит? Это показывает, что вы забыли язык правды. О чем это говорит? Вы так долго лгали, что ложь стала вашей правдой.

Джентльмен — не подлинная личность. Никогда не становитесь джентльменом, никогда не делайтесь леди. Будьте человеком. Все прочее — это роли, маски. Быть истинным — это ваша жизнь.

Я могу говорить с вами потому, что что-то глубоко внутри всегда пребывает в молчании. Речь имеет смысл, значительность — только благодаря молчанию. Если бы не существовало молчания, речь была бы бессмысленна, она стала бы тарабарщиной. Когда речь значительна, всегда помните: значение приходит благодаря молчанию. Молчание вливается в речь, и она обретает сияние.

Любовь прекрасна потому, что есть возможность ненависти, иначе любовь была бы столь сладкой, что это могло бы привести к диабету! Сахар, сахар, сахар... Нет, и соль тоже нужна. Ненависть придает жизни соль. Деятельность хороша, но если она не содержит в себе бездеятельности, она закончится неврозом, навязчивыми поступками. Бездеятельность хороша, но если внутри нее нет деятельности, это будет нечто вроде смерти — летаргия, скука. Хорошо и то и другое. Хорошо целое.

Дао говорит: Хорошо целое, не выбирайте. Пусть будет так, как оно есть. Как оно есть — это мудрое решение. Нет ничего лучше, ни малейшей возможности малейшего улучшения. Вы принимаете обе возможности, и, благодаря такому приятию, вы трансцендируете, выходите за границы обеих возможностей.

Ко мне приходят люди, которые хотят получить посвящение и стать саньясином, но они колеблются. А я наблюдаю. Человек как раз стоит у дверей тюрьмы, через которые мог бы убежать, но он медлит: прошлое тянет его назад. Теперь все зависит от вас. Если вы отважны, вы сделаете шаг, потому что знаете свое прошлое и оно не удовлетворяет вас. Так какой смысл снова в него возвращаться?

Запомните: когда новый миг, новое понимание брезжит в вас, выбирайте новое — ведь прошлое ничего не дало вам, так какой же смысл обращаться вспять? Даже, если новое окажется ошибкой, снова выбирайте новое. На худой конец, это будет новое приключение, вы узнаете что-то новое. Если даже вы не достигнете цели, вы, по крайней мере, наберетесь мужества, чтобы двигаться в сторону неизведанного, чтобы окунуться в неизвестность. Вы остаетесь в выигрыше. Но никогда не выбирайте старое, идите к новому при всякой возможности. И идите быстро, потому что старое очень тяжело, оно тащит вас назад.

Вновь и вновь среди сидящих передо мной я вижу людей, зависших между своим прошлым и настоящим. Помните: настоящее кратко, а прошлое очень длинно, так что его вес, конечно, велик. И вы никогда не выберетесь из прошлого, если не будете отважны. Очень уютно и удобно оставаться в прошлом, но комфорт и удобство — ничто, рост — все.

Растите.

Если рост идет через неудобство — отлично! Тогда неудобство — благо, оно благотельно. Но всегда помните одно: продолжайте расти, не застревайте в рутине, не двигайтесь по одному и тому же порочному кругу: вновь, вновь и вновь.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Можно ли верить в Дао, не вмешиваться в чужую жизнь, принимать каждое мгновение и при этом быть психиатром? Как при этом можно совместить Дао с психотерапией?

ОТВЕТ: Вопрос Пунама.

Вопрос очень важный. Прежде всего: Можно ли верить в Дао?..

Дао не зависит от веры. В него нельзя верить. Дао не ведомы вероучения. Оно не завет: Верь. Этим занимаются религии. Дао — доверие жизни. Вера означает веру в учение. Все

учения о жизни. Вера далека от жизни... Чем сильнее вера, тем больше барьер. Дао — ни вера, ни неверие... Дао — отбрасывание всякой веры и всякого неверия. Отбрасывая веру и неверие в прямой непосредственной связи с жизнью, вы обретаете доверие. Во всем вашем существовании возникает великое да. Это да преобразует — преобразует полностью.

Итак, прежде всего вы спрашиваете: Можно ли верить в Дао? Нет, это не вера. Не входите через дверь веры, иначе вы упретесь в философию, религию, церковь, догму, но никогда не придете к жизни. Жизнь просто есть. Это не проповедуемое кем-то учение. Жизнь здесь везде и всюду, снаружи и внутри. Она открывается, как только вы перестаете видеть все сквозь слова, учения, вербализацию. Все становится таким кристально чистым, таким прозрачным. В этой ясности вы уже более не отделены от нее — как же можно верить в нее или не верить? Вы и есть жизнь. Таков путь Дао — стать Дао.

Итак, можно ли верить в Дао, не вмешиваясь в чужую жизнь?

Как только вы перестаете вмешиваться в свою жизнь, вы перестаете вмешиваться в жизни других людей. Пока вы продолжаете вмешиваться в свою жизнь, вы обречены вмешиваться в жизнь других. Это лишь отражение, тень. Перестаньте вмешиваться в свою жизнь — тогда вдруг исчезнет само желание вмешиваться в жизнь других: ведь оно абсурдно. Жизнь так и течет, куда ей положено, к чему же вмешиваться? Река и так течет к океану, к чему же вмешиваться? К чему же направлять ее? Если вы начинаете направлять реку, вы ее убиваете — она становится каналом. Это больше уже не река — жизнь исчезла, теперь она узница. Вы можете заставить ее течь, куда вам понравится, но в ней уже не будет песни, не будет танца — только труп. Река была живой — теперь это канал, он мертв. Канал можно, конечно, назвать рекой, но это не река. Быть рекой значит быть свободной, струиться, жаждать... стремиться, следовать своей внутренней природе. Быть не управляемым, не направляемым, но свободным от влияний, от постороннего давления, воли — значит, быть рекой. Если вы поняли, что растете, лишь когда не вмешиваетесь в свою жизнь; если вы поняли, что растете, когда никто не вмешивается в вашу жизнь, — как вы решитесь вмешиваться в жизнь другого человека? Но если вы вмешиваетесь в свою жизнь, если у вас есть определенные идеи о том, каким вам следует быть, то сами эти представления станут вмешательством. Уже само слово должен — вмешательство. Если у вас есть определенные представления, вы должны уподобиться Иисусу, Будде, Лао-цзы, должны стать совершенным, должны то, не должны это — вы тут же начинаете вмешиваться. У вас есть карта, направление, у вас есть точно определенное будущее. Ваше будущее уже мертво, вы превратили ваше будущее в прошлое, в нем нет ничего нового: вы умертвили его. Вы тащите за собой труп, вы станете вмешиваться всякий раз, как чувствуете, что уклоняетесь, — а уклонением я называю уклонение от идеала... Никто еще никогда и никуда не уклонялся, никто не может уклониться. Ошибиться невозможно. Позвольте, я повторю: уклониться невозможно — Бог будет повсюду, где бы вы ни оказались, что бы вы ни делали — все кульминирует в божественное. Все действия естественно трансформируются в божественное: хорошее, плохое — все. Святой, грешник — оба в Боге.

Бог не то, чего можно избежать, но если вы человек с идеалами, вам удастся отложить.

Избежать невозможно: рано или поздно Бог овладеет вами, но отложить вы можете.

Откладывать вы можете бесконечно, тут вы свободны. Иметь идеалы — значит, быть против Бога.

Гурджиев говорит, что все религии против Бога, и в этом что-то есть: он глубоко прозревал это. Все религии против Бога, потому что все религии содержат идеологию, идеалы. Не нужно никаких идеалов, не нужна никакая идеология. Нужно жить простой обычной жизнью, нужно позволить делать Богу все, что он пожелает. Да придет царствие Его, да будет воля Его — такова позиция Дао.

Вы вмешиваетесь в жизнь своих детей, своей жены, своего мужа, своего брата, своего друга... всех, кого вы любите. Вы вмешиваетесь только потому, что думаете, что своим вмешательством помогаете им. Но вы их калечите. Ваше вмешательство подобно тому, что люди дзен называют (у них есть точное выражение) обувать змею. Вы стараетесь, пыхтите — вы помогаете! Вы делаете большое дело: обуваете змею, думая при этом: Как бедная змея

останется босой? Трудно ей придется, а дороги тяжелы и каменисты, всюду полно шипов. Жизнь полна шипов — помогите змее. Обуйте ее. На самом же деле — этим вы убьете ее.

Таковы любые усилия улучшить людей, но это естественное следствие: если вы пытаетесь улучшить себя, вы непременно будете пытаться улучшить других. Ваши болезни, переполнив вас, топят других. Если вы перестали улучшать себя, если вы приняли себя таким, как вы есть, без всяких условий, без всякой обиды, без всяких жалоб; если вы полюбили себя таким, как вы есть, всякое вмешательство исчезает.

Продолжим рассматривать вопрос: Как можно принимать каждое мгновение и быть при этом психиатром?

Можно быть психиатром, но совсем в другом смысле — не в смысле Фрейда, а настоящим психотерапевтом. Он может позволить полную свободу, он может стать присутствием, светом, радостью. Он не думает менять пациента, а пациент при этом изменится. Он не прилагает ни малейшего усилия к тому, чтобы пациент поправился. Он не прилагает ни малейшего усилия к тому, чтобы помочь ему приспособиться к этому невротическому обществу. Он не пытается ничего делать. Он может стать присутствием, катализатором. Он может стать любовью. Он может поделиться своей энергией с пациентом, он обрушит на пациента поток энергии. Помните: любовь - истинная психотерапия, все остальное — второстепенно.

На свете потому столько психических больных, что их не любили. Никто их не любил, вот почему они впали в неистовство. Они потеряли связь со своим центром, потому что центрированным становятся только в состоянии любви. Их болезнь — не главная проблема; главная проблема, причина в том, что их никогда не любили, они никогда не были окружены любовью. Поэтому психиатр даос просто дарит свою любовь, свое понимание, свое видение. Он делится своей энергией, но никоим образом не вмешивается.

Исцеление случится, но не от усилий психиатра, а от безусилия, через бездействие, через его безмерную пассивность. Знакома ли вам такая ситуация? Вы больны, вызываете доктора, он приходит, и вдруг, как только доктор входит в комнату, ваша болезнь исчезает — болезни больше нет. Он не прописывал вам никакого лекарства — одно его присутствие, его забота, его любовь. Он лишь кладет руку на голову, слушает пульс, и вы вдруг чувствуете, что это случилось. А он еще ничего не делал, не давал вам лекарств, даже не поставил диагноз. Если доктор полон любви, половины болезни уже нет, а с остальной половиной, конечно, нужно что-то делать. Ведь он знает, что человек не может излечить всех и все. Исцеляет всегда Бог. Человек может стать лишь каналом исцелительной энергии — вот почему возможно исцеление. Достаточно трех-четырех человек, но полных любви, сидящих вокруг больного, держась за руки, они поют, молятся — и вдруг больной чувствует неслыханный прилив энергии, преображение. Что произошло? Эти четверо во взаимной любви стали проводниками божественной энергии, энергии Дао.

Да, можно быть психиатром. По сути дела, только даос и может быть настоящим психотерапевтом.

ВОПРОС: Я думаю, Вы могли бы рассказать о ловушках роста, ведь Вы сами сталкивались с этим. Чем излагать абстрактные, безличные концепции, не лучше ли Вам рассказать о своем подлинном опыте?

ОТВЕТ: О подлинном говорить невозможно. Как только вы начинаете говорить о настоящем, оно становится абстракцией. Как только вы что-то выражаете, оно становится концепцией. Поэтому Лао-цзы говорит: Высказанное Дао уже не есть Дао. Истина, которую можно высказать, становится ложью. О настоящем говорить невозможно, настоящее можно только пережить. И это хорошо, иначе можно было бы собрать слова о настоящем и забыть о том, что его надо пережить. По самой своей природе реальность уклончива, она не выражает себя в словах.

Так что все, что я могу, — это показать ловушки, чтобы вы могли их избежать. Если вам удастся избежать всех ловушек, вы окажетесь в настоящем.

Я здесь только занимаюсь устранением ловушек. Как только все ловушки сломаны, все преграды устранены, хлынет поток истины. Проблема не в потоке — проблема в камнях,

засыпающих поток.

Нужно понять путь, подход к этому. Именно этим я и занимаюсь. Вас, должно быть, удивило, что за все это время я ничего не говорил о Дао, а только критиковал Конфуция. Он и есть ловушка, его-то и надо устранять, полностью уничтожить, без всякого сожаления. Его надо разорвать на кусочки, стереть в порошок и вышвырнуть к чертям собачьим. Как только уходит Конфуций, вступает Лао-цзы. Вам бы хотелось пригласить Лао-цзы, а на троне сидит Конфуций. Прежде всего, надо свергнуть его с трона. Как только он будет свергнут, вы вдруг увидите, что Лао-цзы всегда был здесь, только его скрывало присутствие Конфуция.

Нети — нети (не то — не то), путь отрицания, — мой путь, мой подход. Я не собираюсь говорить о реальности — о реальности говорить невозможно. Я говорю только о том, что не реально, т.е. о ложном. Как только вы поняли, что есть ложь, вы сможете понять, что есть истина.

ВОПРОС: Бхагван, когда я достигну просветления?

ОТВЕТ: Прошу вас, не спешите, не оставляйте меня без работы. Это нечестно. Если у меня столько сочувствия к вам, то имейте, по крайней мере, немного сочувствия ко мне. Не спешите. Дайте насладиться ролью Мастера.

Психиатр, грузно осев на стойку, опрокидывал виски стакан за стаканом. Он разбит и подавлен.

— Джон! — подошел к нему коллега, — Джон, приятель, что стряслось? Ты на себя не похож.

— Что тут рассказывать?! Помнишь того богатого психа, которого я лечил много лет?

— Конечно. Тот псих, который воображает, что он все еще учится в университете? Ведь он доставляет тебе больше половины заработка.

Джон кивнул.

— Так что же случилось?

— На этой неделе он его окончил.

Не стремитесь кончать слишком быстро. Не спешите. Даже если вам хочется побыстрее, помните: есть вещи, с которыми спешить нельзя. Это относится и к просветлению.

Торопясь, вы никогда не достигнете. Достичь можно только, если вы не спешите. И если вы вовсе никуда не торопитесь, если вы просто там, где вы есть, вы уже достигли. Тут нет никакого расстояния, которое нужно пройти, нет никакой отдельной цели. Конечно, если бы цель была далеко, можно было бы и поспешить.

Мулла Насреддин служил в учреждении прямо напротив его дома и при этом всегда опаздывал. Однажды шефу это надоело:

— Довольно! Сколько можно? Смотри, другие добираются на службу с другого конца города и никогда не опаздывают, а ты живешь, дверь в дверь, но не было случая, что бы ты пришел вовремя.

— Оно и понятно, — ответил Насреддин. — Это естественно. Если они опаздывают, у них есть возможность торопиться — с другого-то конца города... А если я опоздал, то уж опоздал — торопиться негде. Расстояние можно пробежать, можно взять такси, а что мне делать? Если я опоздал, то уж опоздал. Я живу прямо напротив, нет ни малейшей возможности поспешить.

Помните: просветление не где-то (будь то время или пространство), но здесь и сейчас. Если вы слишком торопитесь, вы собьетесь с пути. Все дело в том, чтобы замедлиться, замедлиться настолько, что однажды в вас не шевельнется ничто. В это самое мгновение, в неподвижности, вы станете просветленным.

Скорость, особенно на Западе, стала навязчивой идеей. Полагают, что если с воловьей упряжки они пересели на ракету, то почему не разработать ускоренные методы и для духовного пути. Если есть моментально растворимый кофе, то почему бы не быть моментальной нирване? Они не понимают, что нирвана — совсем другое, иначе можно было бы, конечно, увеличить скорость. Все уже здесь. Прийти нужно именно туда, где вы сейчас находитесь. Так что, чем быстрее вы ринетесь, тем дальше окажетесь от просветления. Дело не в том, чтобы достичь, — дело в том, чтобы прибыть, надо просто замедлиться. В этом и состоит все учение Дао и мое тоже.

На Востоке сатсан г — один из наиболее ценных методов просветления. На Востоке говорят, что если вы — в присутствии Мастера, то ничего больше не нужно. От одного его присутствия, когда вы молча сидите перед ним, нужно просто быть с ним, тихо сидеть рядом, а просветление само о себе позаботится. В нужный момент оно случится. Не стоит о нем тревожиться, не надо его планировать, иначе вам не избавиться от суетливости: Когда же придет это просветление? Тогда просветление тоже станет желанием, жадностью, похотью.

ВОПРОС: На этих днях вы сказали, что долг — мерзкое слово из четырех букв. Но я не раз слышал от вас, что вы хотели бы, чтоб саньясин был полностью ответственен. Объясните, пожалуйста, разве долг и ответственность не одно и то же? Надеюсь, мой милый Бхагван, я не смутил вас?

ОТВЕТ: Конечно же, нет... ведь я и так смущен до последней степени. Меня нельзя смутить сильнее. Я смущен до последней степени.

Долг и ответственность — синонимы только в словаре, но не в жизни. В жизни они не только различны, они полярны. Долг относится к другим, ответственность относится к себе. Когда вы говорите: Я должен что-то сделать — это долг. Мать больна, я должен посидеть с ней. Надо отнести цветы ей в больницу, ведь она же мне мать. Долг направлен па других, тут нет никакой вашей ответственности. Вы выполняете социальную формальность: Это же ваша мать. Вы делаете это только потому, что она ваша мать, — вы не любите ее. Вот почему я называю долг мерзким словом из четырех букв, грязным словом. Если вы любите свою мать, вы не скажете это мой долг. Если вы любите мать, вы пойдете в больницу, принесете цветы, будете ухаживать, сидеть у ее изголовья, массировать ей ноги, страдать вместе с ней, но это не будет долгом — это будет ответственность. Вы будете отвечать из своего сердца.

Ответственность означает способность отвечать. Ваше сердце трепещет, вы страдаете вместе с ней, заботитесь о ней. Не потому, что она ваша мать, это не важно, просто вы любите эту женщину. Мать она вам или нет — не в этом дело, но вы любите эту женщину, любите как личность. Это чувство струится из вашего сердца. И вы вовсе не чувствуете себя обязанным ей, вы никак не афишируете, какой вы преданный сын. Вы не считаете, что делаете что-то особенное. Что вы такого сделали? Отнесли несколько цветов больной матери и чувствуете, что совершили подвиг? Вот почему я называю долг мерзким. Мерзко само слово, оно ориентировано на других.

Ответственность лежит в совсем другом измерении: вы любите, заботитесь, сочувствуете; ответственность исходит из глубины ваших чувств. Долг вытекает из мысли, что она ваша мать, поэтому, в силу того — это силлогизм, это логика. Вы идете, тащитесь к ней, вам бы хотелось удрать, но что поделаешь? Что о вас подумают? Что скажут люди? Ваша мать больна, а вы развлекаетесь в гостях, на танцуйках. Ваша мать в больнице! Нет, вашему я это было бы неприятно. Если бы вы могли не ходить без того, чтобы пострадала ваша репутация или чтобы не появлялось неприятное чувство, вы бы охотно не пошли. Придя в больницу, вы спешите улизнуть, — причина всегда найдется. Мне надо идти, у меня деловое свидание. Ничего подобного: вы хотите покинуть ее, вы не хотите с ней оставаться, вас томит каждая лишняя минута. Вы не любите ее.

Долгу я говорю нет, ответственности да. Я говорю, что, мол, саньясины должны быть всемерно ответственны.

Когда я был маленьким, мой дедушка любил, чтобы ему растирали ноги. Он останавливал любого домочадца: Прошу тебя, помассируй мне ноги.

Иногда я соглашался, иногда нет. Его это заинтриговало:

— Почему это? Иногда ты соглашаешься — никто тогда не делает это лучше, чем ты; а иногда ты просто отказываешься.

— Когда это долг, я отказываюсь. Когда ответственность — я соглашаюсь.

— А в чем разница?

— Разница в следующем: когда я испытываю любовь, когда мне хочется растереть тебе ноги, я соглашаюсь. Когда во мне нет ничего, кроме вежливости, а ты просишь: надо это сделать, я вовсе не думаю о тебе — во дворе играют дети и зовут меня... Я вовсе не думаю о тебе, меня с тобой нет. Тогда я отказываюсь, потому что это мерзко.

Так что порой, когда он просил меня, я отказывался, а иногда сам подходил к нему и просил: — Можно тебя немножко помассировать? Я как раз в настроении. Я сделаю это прекрасно. Ну, пожалуйста.

Делайте то, что идет от вашего чувства, что течет из вашего сердца, никогда не насилуйте сердце. Никогда не следуйте разуму, ум - это побочный продукт жизни в обществе, к вам настоящему он не относится. Следуйте себе настоящему, изберите в руководители себя настоящего. Не руководствуйтесь принципами, этикетом, нормами поведения, тем, что Конфуций называет джентльменством. Не будьте джентльменом, будьте просто меном — человеком — этого вполне достаточно. Но человеком будьте настоящим. Вам хочется что-то сделать? Делайте, излейте в этом свое сердце, тогда это будет дивным цветением. Порой вам чего-то не хочется? Объявите об этом. Пусть не останется ни малейшей двусмысленности, не надо ничего скрывать.

ВОПРОС: Почему человек цепляется за старое? Почему он боится нового?

ОТВЕТ: Причина очень проста: новое приводит вас в растерянность, а в старом вы чувствуете себя специалистом, в старом вы знаете, что делать. А в новом приходится учиться сначала, в новом вы становитесь совершенным невеждой. В старом вам все хорошо знакомо; вы делали это много-много раз, вы уже можете делать это механически — никакой осознанности для этого вам не нужно. В новом надо быть чутким, настороже, иначе можно напортить.

Вы замечали, как вы чутки, когда только учитесь водить машину? А когда научились, то совершенно о ней забываете. Вы мурлыкаете песенки, слушаете приемник, говорите с друзьями; в голове тысячи мыслей, а управление машиной продолжается. Словно робот ведет машину, а вы для этого не нужны. Старое становится механическим, привычным. Вот почему новое приносит страх, вот почему дети более способны учиться, нежели взрослые. Чем вы старше, тем эта способность меньше. Старую собаку трудно учить новым фокусам, ей хочется снова и снова проделывать старые, те, что она уже знает.

Если вы живете в старом — вы не живете вовсе; от жизни остается одно название.

Жизнь — только в новом.

Жизнь — только в новом, только с новым. Жизнь должна быть свежа. Оставайтесь в учениках, не становитесь специалистом. Оставайтесь открытым, не закрывайтесь ни на мгновение. Оставайтесь глубоким невежей, не уставайте выкидывать — спонтанно и естественно — накапливающиеся знания. Каждый день, каждое мгновение освобождайте себя от всего, что узнали, и снова становитесь ребенком. Стать сведуще-невинным, как ребенок, — путь к жизни. Жизни благодатной.

ВОПРОС: Как соотносятся впадение стариков в детство и осознанность? Является ли старческий маразм западной болезнью? Что это, вообще, такое?

ОТВЕТ: Старческий маразм не связан с Западом или Востоком. Восток и Запад отличаются только внешне, но в их сущности между ними разницы нет. Человек есть человек... Быть может, есть типы, более свойственные Востоку, или другие, более свойственные Западу, но все эти различия остаются на поверхности, это только подкожный слой. Поскребите и не останется ни Востока, ни Запада, надо всем этим — единое.

Вопрос важный: Как соотносятся впадение стариков в детство и осознанность? Что значит впасть в маразм?

Впасть в маразм — значит, стать старым, не став зрелым. Маразм означает старение без роста. Тогда маразматик впадает в детство, потому что ребенок в нем так и не вырос. Такой человек всегда таит в себе ребенка. Человек сменил множество мирских занятий, а ребенок в нем еще ждал своего часа. Теперь он на пенсии, все занятия остались в прошлом, да и энергия его ослабла, так что всякий контроль кончился, потому что для того, чтобы себя контролировать, разыгрывать из себя то, чем вы не являетесь, необходима большая энергия. Понятно, что энергия покидает старика, и контроль у него ослабевает, кончается: он не контролирует себя, поэтому все спрятанное выходит на поверхность, он снова становится ребенком.

Истинно зрелый тот, кого уже не введет в рай ни одна игра. Он живет просто, невинно, без

всякого притворства, без всяких масок. Такой невинный, вполне взрослый становится невинным, как дети. Старение же год за годом ведет к маразму, уродству, гнилью. Когда-нибудь ваша энергия кончится, ребенок, терпеливо ждущий вас, выйдет на поверхность. А вы станете впавшим в детство стариком, идиотом.

Помните: одно дело быть идиотом, другое — невинным. Иногда они походят друг на друга, но между ними нет ничего общего. Невинный, порой кажется дураком, но это не так. Его можно одурачить, но он — не дурак. И пока вы его дурачите, он сочувствует вам.

Когда-нибудь вы поймете, что дураком были вы, а не он. Дурак только кажется невинным, но это не так: он тоже хитер, только хитрость его очень простенькая, его хитрость примитивная. Но он тоже хитер, хотя другие гораздо хитрее его. Он не так хитер по сравнению с ними, поэтому выглядит дураком. Невинный человек похож на дурака, но он не глуп. Старческое впадение в детство — это оглупление, отупение, это идиотия. Быть как дети — совсем другое: это цветение невинности. Как дети — св. Франциск, как дети — Иисус, как дети — Лао-цзы.

ВОПРОС: В прошлый раз, когда я был здесь, я чувствовал себя нищим. Теперь я - вор. Что вы скажете?

ОТВЕТ: Вы прекрасно растете! Это духовной путь. Ученик, впервые приходя к Мастеру, конечно же, подобен нищему. Он попрошайничает, он жажен, в нем горит невероятное желание, он просит: просит то, просит это. Когда вы немного подросли в мире ученичества, вы становитесь вором. Вы начинаете чувствовать, что истину нельзя дать, ее можно только украсть.

Да, именно так растет ученик, истину нельзя дать, ее можно только выкрасть у Мастера. Чтобы стянуть ее, вам придется быть мудрым, очень мудрым. Если бы я мог дать вам ее ... было бы так просто, но этого я не могу... Вам следует быть чутким, очень чутким.

Об одном дзенском Мастере рассказывают, что он имел обыкновение посылать своих послушников изучать воровское искусство. Он посылал их к мастеру-вору. Отправляйся к мастеру-вору и научись такой уверенности в себе, какая есть у вора, такой осознанности, такой настроенной чуткости, потому что вору приходится быть очень, очень осознанным, ему необходимо все его самообладание.

Тут нельзя отрепетировать, это не сцена, подготовиться невозможно. Никто не может знать, что случится. Подготовиться, приготовить невозможно, в любой момент может случиться все, что угодно. Тут все держится на случайности.

ВОПРОС: Что такое рационализация?

ОТВЕТ: Рационализация — это псевдопричина. Она похожа на причину, но причиной не является. В своей жизни вы пользуетесь ею ежедневно. Вы пришли с работы злым: начальник вел себя по-хамски, но в его кабинете вы не могли дать себе волю, там надо было улыбаться. Он кричал, орал на вас, а вы улыбались, вы были тише воды, ниже травы; пришлось давиться вашей злобой. Вы хотели бы тут же разнести его в клочья, но это вам не выгодно и вызовет неприятности. И вот, вернувшись с работы, вы совершенно бессознательно ищите повод, чтобы выплеснуть злобу. Тут врывается ваш ребенок, скачущий, щебечущий, а вы злитесь, кричите:

— Ни минуты покоя! Прекрати! Целый день пашешь, как ишак, приходишь домой, — и тут ни минуты покоя.

Если вы действительно хотите стать чутким и пробужденным, если вы действительно хотите стать пробужденным и религиозным, вам придется отбросить все рационализации. Эти рационализации - опасная вещь: из-за них вам никогда не удастся заглянуть в себя. Вы находите тысячи способов притвориться, убедить себя. Все эти притворства должны быть отброшены. Если вы злы, пусть вам будет совершенно ясно, что это — злость.

Лучше пойти и сказать:

— Помогите мне, во мне клокочет злоба, мне нужно сорвать ее на ком-нибудь. Помогите мне. В этом больше сознания.

Начиная жить сознательно, вы постоянно видите, что рационализируете постоянно. Вы только этим и занимаетесь.

В маленьком городке возникли трения между еврейским и христианским населением. И вот во время торжественного открытия статуи Христа, христианин и еврей подрались в толпе. Еврей поднял булыжник и швырнул его в противника, но промахнулся. Булыжник попал в статую и отбил у нее голову. Нечаянно! Но он не мог допустить, чтобы дело обернулось против него; евреи вообще не любят, чтобы дело оборачивалось против них.

— Вот видите! — торжествуя крикнул он. — Будь на его месте Моисей, то наверняка бы увернулся.

Такова рационализация. Надо суметь вывернуться и обернуть все на пользу себе. Вы не терпите, чтобы дело оборачивалось против вас. Хорошо, плохо, нектар, отравы — что угодно, вы все стараетесь обратить себе на пользу. Постепенно эта привычка так укореняется, что вы совершенно забываете об истинной причине.

Вы все защищаетесь и защищаетесь, создавая вокруг себя все больше лжи. Честно говоря, посмотрев на себя, вы не увидите ничего, кроме лжи. Поэтому и люди не смотрят на себя: отвратительное зрелище, кроме лжи ничего нет.

Ищущий истину должен отбросить все эти рационализации.

Не только в большом, но и в малом... ваша улыбка, то, как вы смотрите на людей, ваша походка — все это ложь. Вы никогда не улыбаетесь так, как если бы улыбка расцвела из глубины вашего существа. Это всегда притворство, это всегда язык, жест. Взгляните на людей и вы увидите мешанину: глаза их говорят одно, губы — другое; слова их выражают одно, руки — другое. Но никто не замечает, все так погружены в свою ложь — где уж тут глядеть на других?

Гурджиев как-то привез своих учеников на три месяца в Тифлис. Три месяца они провели в полном молчании; молчание было действительно полным; ни жестом, ни взглядом не должны были они общаться друг с другом. Они не замечали друг друга. В маленьком домике было тридцать человек, и каждый из них жил так, как если бы он был совершенно один. Двадцать семь ушли, в доме остались только трое.

Через месяца три Гурджиев вывел этих троих в город и сказал: Оглянитесь.

Одним из троих был Успенский, он вспоминает в дневнике: Я не мог поверить глазам своим. Я увидел бродячие трупы... Ложь, ложь, ложь. Правды не было ни в ком. И в этот день я увидел Гурджиева и его правду, — пишет Успенский. — Он был единственным во всем городе, и он был правдой.

Прежде, — вспоминает Успенский, — я и представить не мог себе такой ситуации. Я никогда не мог подумать, что все эти люди — сплошная ложь.

Когда медитация войдет в ваше существо, вас постигнет открытие: вы увидите миллионы сомнамбул, бродящих в глубоком сне, — ложь на ножках, трупы. И только тогда вы сможете увидеть Будду, только тогда вы сможете увидеть просветленного. Раньше же это было невозможно. А путь к этому — отбросить все рационализации. С этого момента, как только вы начинаете рационализировать, — отбросьте это немедленно, сразу, тут же. Как только вы ловите себя с поличным, — отбрасывайте немедленно, даже если это крайне неловко. Если вы собрались улыбнуться — к вам зашел друг и вы собрались улыбнуться — и поняли, что это ложь, — оборвите, пусть улыбка тут же исчезнет с ваших губ. Можете объяснить вашему другу: Извини, я собирался улыбнуться и понял, что лгу. И друг почувствует больше исходящей от вас любви, ибо как любовь может литься сквозь неискренность? Чтобы избавиться от рационализации, вам потребуется определенное мужество, определенное время и определенное терпение, но избавиться от них необходимо.

Как только рационализация исчезнет, вы внезапно становитесь доступны. Китайская стена исчезла.

И никто не может сделать этого для вас, только вы сами. За это вы отвечаете сами. Если вы хотите быть ничтожным, несчастным, тогда все в порядке. Если вы хотите, начните освобождаться от лжи в своей жизни. Не нужно отправляться в Гималаи, не нужно отправляться в церкви и храмы, не нужно изучать священное писание — Библию, Коран, Веды. Если вы сумеете сделать одну простую вещь — отбросить всякую ложь, лживость, неискренность, неестественные движения, — вы достигнете.

ВОПРОС: Почему саньясины меняют имена и носят оранжевую одежду и малу? В кругах духовных летунов я слышу, как обсуждают просветленных Учителей: Бхагаван просветленной Сокара, Сокар просветленной... Как это понимать?

ОТВЕТ: Первое: нет никакой особой причины к тому, что саньясины ходят в оранжевой одежде и носят малу, кроме той, что мне это нравится. Я люблю оранжевый цвет и люблю себя — отсюда мала. В этом вся правда, если вы способны понять. Если вам нужны рационализации, можете обратиться к ученикам.

ВОПРОС: Бхагаван просветленной Сокара, Сокар просветленной... Как это понимать?

ОТВЕТ: Просветление не бывает больше или меньше. Больше или меньше к нему не относится. Как можно быть более просветленным или менее просветленным? Это абсурд. Просветление не является относительным понятием: ты либо достиг, пришел домой, либо нет. Как можно прийти домой лишь частично? Можно ли сказать: Я частично вернулся домой: только одна нога... голова еще нет?

Вам это не удастся. Просветление или есть, или нет. Нет частичного просветления.

Одно запомните раз и навсегда: просветленных нельзя сравнивать. Но эта чепуха продолжается век за веком: Махавира просветленной Будды, — говорят джайны. Будда просветленной Махавиры, - говорят буддисты. Кришна просветленной всех, — говорят индуисты и т.д. Но сама идея о большем и меньшем просветлении абсурдна. Просветленный — просто просветленный и все. Никто не выше и не ниже.

ВОПРОС: Как это понять?

ОТВЕТ: Никак, да и не нужно. Что бы вы об этом ни думали, будет неверно; вы еще не просветленный. Все равно, что слепой, говорящий о свете: что бы он ни сказал — бессмыслица. Он много мог слышать о свете, мог много читать по Брейлю о свете, беседовать с врачами-окулистами, знающими о свете и его достижении, мог говорить с художниками и поэтами, горячо влюбленными в свет, — но все же слепой останется слепым. Все, что он может сказать, не имеет отношения к действительности: он не в том состоянии, чтобы говорить.

Так что уверяю вас, у вас хватает забот и без этого. Не берите на себя труд решать — кто просветленный, а кто нет. Лучше станьте просветленным — и все поймете.

Бхагван, несколько коротких вопросов:

— Почему вы не могли говорить первые полтора года после того, как родились?

— Потому что, родившись, я очень удивился. Надо было справиться с этим удивлением и на это ушло полтора года.

— Что вы делали, когда были ребенком?

— Когда я был ребенком, я ничего не делал. Я знал, кем хочу стать, когда вырасту и учился этому.

— Что вы думаете о выпивке?

— Трудный вопрос, не слишком над ним задумывайтесь. Выпить в подходящий момент — замечательно.

Беседа пятая

ЛИШЬ ЗАБЫТЬ...

Ли-цзы спросили: За что вы так цените пустоту? В пустоте нет ничего ценного.

Слово цена не подходит, — ответил Ли-цзы, — лучше будь тих, будь пуст. В тишине, в пустоте мы находим свое приращение. Получая и давая, мы теряем место.

Истина одна — иначе быть не может: ведь существование есть универс, а не мультиверс. Оно едино, одно. Оно сплавлено воедино. Это - единство. Это — Космос. То, что соединяет универс воедино, и есть то, что мы называем Истиной, Дао или Богом. Дао — не личность, Бог — не личность, но единство, все соединяющее, как нитка гирлянду. Универс — не груда всего отдельного, самостоятельного, как острова. Нет, универс — это одно, вместе... Что-то соединяет его воедино... Он не распадается на части. То, что соединяет его воедино, и есть Бог, Дао.

К этой истине человек может приблизиться двумя путями. Эти два пути следует понять. Истина одна, но путей два. Первый путь — виа арифматива, путь продолжительный, утверждающий, путь говорящих да, путь верных. Иисус, Магомет, Кришна шли путем утверждения. Путь утверждения — значит путь усилия, великого усилия: тут стремишься к Богу, прикладываешь всемирные усилия, крайние усилия, делаешь все возможное и невозможное, ставишь на карту самого себя. В наше время этим путем, виа арифматива, шли Гурджиев, Рамакришна.

Другой путь — виа негатива — через отрицание, через нет. Путем отрицания шли Лао-цзы, Будда, Нагарджуна. В наше время — Рамана Махарши, Кришнамурти.

Оба эти пути следует понять возможно яснее, от этого многое будет зависеть, многое; однажды вам придется выбрать один из них. Они лежат в разных измерениях, ведут к одной цели, но ведут в разных направлениях.

Позитивный путь — это позитивный подход к Богу, достижение Бога, жажда, поиск, вопрошение. Негативный путь — ожидание Бога, это не стремление. Негативный путь в том, чтобы лишь держать дверь открытой, не искать, не стремиться, не вопрошать, лишь быть восприимчивым, как чрево. Первый — я н, второй — инь. Первый путь более мужской, второй — более женственный. Во втором нужно лишь быть в хорошо-как-есть — не воля, но отречение. Нужно лишь позволить Богу быть, не достигать Его, а дать Ему достичь вас. Просто быть в молчании, пустым. Очистить место. Если Он придет — вы доступны, вы всегда доступны.

На пути воли нужно многое. На пути отречения ничего не нужно, не нужно ничего делать, — делать ничего не нужно, именно ничего. Эти пути можно назвать по-другому. Первый путь можно назвать путем аскезы. Аскезис — по-гречески упражнение. Разные методы, многочисленные упражнения, йога, методики, техники. Вторым путем можно назвать путем мистики: никаких упражнений, никаких методов, никакой техники.

Для первого пути необходимо время, немедленно достигнуть просветления невозможно: методика требует времени, упражнения требуют времени, подготовка требует времени, ждать приходится не одну жизнь. Просветление достигается постепенно, оно не может быть неожиданным. На негативном пути оно может быть совершенно неожиданно, оно может случиться и в это самое мгновение. Времени не нужно, потому что не нужно упражнений. Никуда не нужно идти, нужно только сидеть молча, лишь быть в состоянии освобожденности, попустительства, хорошо-как-есть. Ждать нет необходимости.

Путь мистики таинственен, его нельзя объяснить. Путь аскезы объясним: он научен, логичен. Его можно объяснить шаг за шагом, его можно анализировать, разбить па простые шаги. Шаги можно сделать столь малыми, что их сможет сделать каждый, даже малый ребенок, тут возможны ступени. Но путь мистики — тайна, поэтому он и называется мистикой. Никаких ступеней, никаких малых шагов, квантовый скачок, прыжок в неизвестность. Внезапно — молния. Логикой тут не объяснишь. Логичный ум станет в тупик. Тут нужно большое понимание, основанное не на логике, а на интуиции, основанное не на интеллекте, а на интуиции. Тут нужен алогичный ум, отважный ум, готовый прыгнуть через все ступени, готовый окунуться в неизвестность, достаточно мужественный, чтобы совершить прыжок.

На первом пути вы преодолеваете ступень за ступенью, поднимаясь вверх. На втором — вы бросаетесь в пропасть. Эта пропасть бездонна, это пустота, это абсолютное ничто. Вы исчезаете.

Таковы эти пути, и каждый в глубочайшей своей сердцевине должен решить — который путь для него. Решить трудно, но это необходимо, иначе можно без конца заниматься бессмыслицей. Если вы в состоянии совершить прыжок, тогда не нужно тренировать себя йогой. Если вы не в состоянии совершить прыжок, нет смысла сидеть и ждать.

Главная опасность первого пути — я; на этом пути предстоит многое сделать, если в вас сильно я, тогда вы становитесь делающим и я станет вашим барьером. Тут надо делать, но так, чтобы я не усиливалось.

Главная опасность второго пути — летаргия. Тут не надо ничего делать, и можно впасть в летаргию, можно стать тупым, мертвым. В этом опасность совершенно естественная: сидя

молча, ничего не делая, вы постепенно цепенеете в тупости, в некоем отупении, теряете остроту, жизненность, становитесь идиотом. Такое возможно, тут надо проявить бдительность.

На первом пути надо следить за тем, чтобы не возвеличивалось я. На втором пути надо следить, чтобы не укоренилась летаргия. Если избежать обеих этих ловушек, можно достичь как путем утверждения, так и отрицания. Те, кто достигли, достигали и тем и другим путем. Так что дело не в достижении, дело в том, что легче, что более соответствует вашей внутренней природе, — выбирайте.

На пути утверждения Бог всегда с вами, вы никогда не остаетесь один. Всегда можно говорить с Богом, всегда можно молиться Богу, всегда можно надеяться, что он с вами. Он окружает вас, он держит вас за руку. На пути утверждения он близок, его рука почти касается вашей. И это не воображение; помните, это — не галлюцинации, это так и есть.

Помните! На пути отрицания медитация важнее молитвы. Медитация помогает, молитва мешает. На пути утверждения помогает молитва, медитация просто не обсуждается. Вот почему в христианстве, исламе, иудаизме, индуизме медитация не нашла развития.

Медитация развивалась главным образом в буддизме и даосизме, это их потайной ключ.

Все религии можно разделить на две группы: индуизм, ислам, иудаизм, христианство — положительный путь. Буддизм и Дао — отрицательный путь, их основа в отрицании. Индуизм и ислам достигли высшего цветения в суфизме, это встреча индуизма и мусульманства. Из этого соединения вырос истинно дивный цветок, их скрещение — суфизм. Он выше всего, что есть в индуизме; выше всего, что есть в мусульманстве; он выше обоих, он превзошел обоих родителей. Ребенок прекраснее и матери и отца — так и должно быть; мать и отец растворились в нем. Так суфизм — вершина утверждения. Встретились буддизм и Дао - родился дзен; это — экстремум пути медитации. И снова прекраснее и буддизма и Дао, прекраснее обоих родителей — снова скрещение.

Встреча ислама с индуизмом произошла в Индии. Ислам пришел в Индию, встретился с индуизмом и родился дивный ребенок. Встреча даосизма с буддизмом произошла в Китае. Буддизм пришел в Китай, встретил даосизм и родился еще один ребенок - дзен. Если из мира все исчезнет и останется только суфизм и дзен, ничего не будет потеряно. Это высшее крещендо, но двух разных путей; суфизм — чистая молитва, зикр, памятование о Боге. Дзен — медитация.

Слово дзен от санскритского слова дхьяна. Дхьяна превратилась в джхану, так как Будда в основном говорил на пали. В Китае джхана стала чань, а достигнув Японии — дзен. Но это дхьяна, существенным образом дхьяна: быть одному, абсолютно одному, не водить компанию даже с мыслью. В этом уединении все исчезает. Один — лишь пустое пространство, один — лишь прозрачное пространство. В этой чистоте происходит достижение: Бог входит внутрь. Суфии стремятся, рвутся к Богу. Ученик дзен ждет. Бог приходит.

Теперь эта чудная притча:

Ли-цзы спросили: За что вы так цените пустоту? В пустоте нет ничего ценного.

Естественно: что ценного может быть в пустоте? Пустота осуждена по всему миру. Кроме даосов и буддистов, никто в мире не понимает, что такое пустота: ее осуждают. На Западе говорят: Пустой ум — мастерская дьявола. А для даосов и буддистов пустой ум — цель.

Когда вы совершенно пусты, в вас входит Бог. Дьявол может жить только в деятельном уме, а в бездейтельном — никогда. Дьявол может жить только в занятом уме, а в незанятом — никогда. Бес может оседлать ум, только если в нем есть мысли: его орудия - мысли, желания. Как ему воспользоваться пустотой? По-видимому, это так. Гитлер вовсе не был пуст, ни Чингиз-хан, ни Тамерлан, они были необычайно деятельны. Ими дьявол входит в мир. Бодхидхарма пуст, Ли-цзы пуст, Нагарджуна пуст, дьявол и близко не подходит к ним. От этих пустых людей не шло ничего дурного, только добро, и только добро расцветает. Велик струящийся от них аромат. Прошли века, но аромат их свеж, как прежде. Обычно пустота никогда не рассматривается как ценность, вопрос понятен: За что вы так цените пустоту? В пустоте нет ничего ценного.

Какого рода ценность? На что может сгодиться пустота? Ценность связана с пользой. Попробуйте понять: ценным становится нечто полезное. Как можно ценить то, чего нет? Оно не только не полезно, его нет, как же можно ценить его? Но таков подход отрицания.

Вот что говорит Лао-цзы: Комната ценна не своими стенами, а пустотой между ними. Вы живете в комнате, пользуетесь комнатой, а не стенами. Конечно, строя дом, вы строите стены, а не пустоту, никто не может создать пустоту. Пустота вечна, она от Бога, она не создается человеком. Дома создаются людьми, но не пустота. Но что вы используете? Пользуетесь ли вы стенами или пространством между ними? Хорошее слово — комната; в английском языке комната означает пространство. Вы пользуетесь комнатой, пространством, комнатностью. Как, через что вы входите внутрь, в эти стены? Через дверь. Дверь пуста. Дверь означает пустоту, то, чего нет, поэтому вы можете войти и выйти. Вы пользуетесь дверью, а не стенами. Пользуясь глиняным горшком, чем вы пользуетесь? Глиняными стенами или пустотой между ними? Идете к колодцу зачерпнуть воды, несете ее домой, — чем вы пользуетесь? Пустотой глиняного горшка. Ценна пустота, и она создана не вами. Даосы говорят: то, что ценно, не создано человеком. Созданное человеком имеет относительную ценность, рыночную цену, но ничего на самом деле ценного в этом нет. Сделанное человеком — товар. Конечно, если пойти на базар и начать торговать пустотой, никто ее не купит, она не имеет цены, все будут смеяться.

Лао-цзы шел лесом и этот лес рубили. Сотни дровосеков рубили деревья. Но вот он подошел к огромному дереву, большому дереву, под ним бы скрылась тысяча воловьих упряжек, оно прекрасно и все в цвету. Он послал учеников узнать у дровосеков, почему его не рубят. — Оно бесполезно, — ответили они. — Из него ничего нельзя сделать: ни мебели, ни дома, оно не годится даже на дрова — слишком много дыма. Оно бесполезно, вот мы его и не рубим.

И Лао-цзы сказал ученикам:

— Научитесь у этого дерева, станьте столь же бесполезным, как это дерево. Тогда никто вас не срубит.

Бесполезность — величайшая ценность.

Лао-цзы говорит ученикам:

— Если хотите жить долго, станьте бесполезными.

Но помните: смысл его бесполезны — не становитесь товаром, не становитесь вещью. Если станете вещью, вас будут продавать и покупать на базаре, вы станете слугой. Если вы не вещь, кто может вас купить, кто может вас продать?

Останьтесь божьим творением, не становитесь человеческим товаром. Тогда никто не сможет вас использовать. А если никто не сможет вас использовать, у вас будет прекрасная жизнь своя, независимая, свободная, радостная. Если никто не сможет вас использовать, никто не сможет превратить вас в средство; вы никогда не подвергнетесь оскорблению — ведь в этой жизни нет большего оскорбления, чем стать средством. Тот или другой всегда стремится вас использовать; ваше тело, ваш ум, ваше существо.

Станьте ничем, так, чтобы на вас никто не взглянул, тогда вы сможете прожить собственную жизнь так, как вы хотите ее прожить. Ни у кого не возникнет желания вмешиваться.

Будь ничем — никому и в голову не придет, что от тебя может быть какая-то польза. Есть необычайно полезная бесполезность. Лао-цзы называет ее польза бесполезности. Но, конечно, здесь нет ничего ценного, по крайней мере, в рыночном смысле. Обычно вы хотите приобрести некую ценность: стать доктором, инженером, художником, поэтом, Махатмой, — хотите стать кем-то ценным, незаменимым в этом мире. Вы счастливы, если люди скажут: Когда вы покинете нас, мы никогда и никем не сможем вас заменить.

Вы безмерно счастливы, но что же они говорят? Говорят: Вы — вещь, которой мы пользуемся.

В этом их подход; и ценность, высшая ценность в том, чтобы быть никем, чтобы быть пустым, чтобы быть бесполезным. Когда вы бесполезны для человечества, вы становитесь безмерно полезными для Бога, тогда он начинает течь сквозь вас, тогда вы становитесь лишь каналом, вы столь пусты, что сквозь вас может струиться он. Вы становитесь полым

бамбуком, и он может играть на вас свои песни. Когда вы позволяете играть на себе человеческим устам, Бог отрицается.

За что вы так цените пустоту? В пустоте нет ничего ценного.

Слово цена не подходит, — ответил Ли-цзы.

Это столь ценно, что его можно назвать лишь не имеющим цены. Слово цена не подходит: цена означает товар, цена означает нечто, что может быть определено в терминах человеческой пользы, некое средство, а не конечная цель. Конечная цель не может иметь цену в обычном смысле слова. Например, вас спрашивают: Ты любишь. За что ты так ценишь любовь? Вы ответите: Слово цена не подходит. В любви нет ничего ценного в том смысле, в каком ценна машина, ценится дом. Ценность имеют деньги, здоровье, но любовь? Любовь предельна, окончательна, это конечная цель.

Любят ради самой любви. Это не средство к чему-то еще, это — сама цель. Ее ценность внутри ее, ее ценность в ней самой. Если вас спросят: За что вы так цените жизнь? Вы, конечно, ответите:

Слово цена не подходит.

— Зачем ты живешь?

— Потому что мне нравится быть живым, - ответите вы.

— Но чем это так ценно?

— Чем ценно?.. Ничем.

Все предельное, с точки зрения мира, не имеет цены, но из-за этого предельного приобретает цену все остальное. Поэтому слово цена не подходит, хотя все ценности существуют только через это.

Вы ходите на работу, в свое учреждение — это ценно; в конце месяца вы получите тысячу рупий и, придя домой, отдадите эту тысячу рупий жене, потому что любите ее. Вы работаете для нее, для своих детей, — вы их любите. Любовь же не имеет цены, цену имеет ваша работа, но цена эта, в конце концов, приносится в дар, кладется под ноги тому, что не имеет цены, что неоценимо.

Помните: у цели не может быть никакой цены, вот почему даосы говорят, что у жизни нет цены, цели. Людей это шокирует.

Однажды ко мне пришел человек и спросил, в чем цель жизни...

— Нет никакой цели, жизнь просто есть.

Его это не удовлетворило: — Я приехал сюда издалека (он приехал из Непала). Я — старик, отставной профессор. Не отпускайте меня с пустыми руками. Я пришел, чтобы спросить только об одном: в чем смысл жизни?

— Если я смогу отпустить вас с пустыми руками, — ответил я, — ваше путешествие будет иметь смысл: быть с пустыми руками и есть цель.

— Не говорите загадками, скажите мне просто и ясно: в чем смысл жизни?

Он не мог понять, что задает абсурдный вопрос. У жизни не может быть никакого смысла, потому что если у жизни был бы какой-то смысл, то это нечто было бы важнее, чем жизнь, и опять встал бы вопрос: в чем смысл этого? Если сказать: Жизнь для того, чтобы достигнуть истины, тогда истина становится подлинной целью.

Но тогда в чем смысл истины? Если сказать: Жизнь для того, чтобы стремиться к Богу, возникает вопрос, в чем смысл Бога? В чем смысл стремления к Богу? В самом конце вам придется оставить слово смысл.

Да, слово цена не подходит. Если вам станет доступно это прозрение, великий свет воссияет в вас. У жизни нет смысла, нет цены. Любовь не имеет ни смысла, ни цены. Бог не имеет ни смысла, ни цены. Истина не имеет ни смысла, ни цены. Это значит, что жизнь, любовь, Бог, истина — разные имена одного и того же, они не отличны. Есть только одно, что лишено смысла, все остальное имеет смысл благодаря нему. Это — высочайшее, высший пик.

Одна женщина жаловалась мне на днях:

— Когда вы говорите Бог, мне трудно вас понять, я не верю в Бога. Понять мне бы очень хотелось, но как вы только говорите Бог, что-то происходит в моей голове — я становлюсь закрытой.

— Это легко поправить, — ответил я. — Всякий раз, когда я говорю Бог, немедленно переводите это в жизнь, слышите это как жизнь.

Она была счастлива.

Как вы увязли в словах! Если я скажу Бог, в ком-то это вызовет негативную реакцию; если я скажу жизнь, это вызовет негативную реакцию в ком-то другом. А я всего лишь меняю имя... а роза - это роза и только роза, роза остается розой.

Предельное только одно. Разные люди давали ему разные имена. И это одно не имеет цены, ибо это предельная ценность. Нет ничего вне него, поэтому оно не может быть ценно ради чего-либо другого. Вы не можете положить его ступенькой, к чему бы то ни было; вне этого ничего нет, оно — вне всего.

Слово цена не подходит, — ответил Ли-цзы, — лучше будь тих, будь пуст. В тишине, в пустоте мы находим свое пристанище. Получая и давая, мы теряем м е сто.

Лучше будь тих... Вместо ответа о цене, вместо ответа о ценности пустоты, Ли-цзы настаивает на непосредственном опыте. Даосский подход основан на экзистенции. Даосов не влекут абстрактные построения и концепции. Это же можно испробовать, — говорят они, — зачем же заимствовать знание из вторых рук? В самом деле, из вторых рук получить Бога невозможно, Он дает себя только в ваши руки, у меня занять Бога невозможно. Мой Бог — это только мой Бог. Вам надо прийти к своему Богу. Конечно, придя, вы увидите, что ваш Бог и мой Бог — одно и то же, но прийти к этому вам предстоит самим, это должно расцвести в вашем существе.

Вот даосская притча.

Однажды князь Хуан сидел в своей лоджии и читал книгу, а колесник Пиень внизу мастерил колесо. Отложив молоток, Пиень поднялся по ступеням и обратился к князю:

— Осмелюсь спросить, что читает ваша милость?

— Слова мудрецов, — ответил князь.

— А эти мудрецы живы? — осведомился Пиень.

— Они умерли.

— Тогда, — сказал Пиень, — то, что вы читаете, мой владыка, — это только истлевшее тряпье и ошметки этих древних.

— Как смеешь ты, колесник, — закричал князь, — судить о книге, которую я читаю?!

Объяснись, не то я велю казнить тебя.

(Немыслимо! Колесник приходит к князю и говорит: Все, что ты читаешь, лишь истлевшее тряпье и ошметки этих древних.)

— Ваш покорный слуга, — ответил колесник, — смотрит на это глазами своего ремесла.

Если, делая колесо, я мастерю его слишком нежно, то работать приятно, но изделие не получается прочным. Если, наоборот, я мастерю энергично, то инструмент быстро выходит из строя, и части плохо подходят друг к другу. Если же движения моей руки не слишком нежны и не слишком энергичны, мысль понята моим умом. Но словами я не могу выразить, как это сделать.

(Не слишком энергично и не слишком нежно — точно в середине, в равновесии.)

— Но словами я не могу сказать, — отвечает колесник, — как достигнуть этой величайшей середины между усилием и безусильностью, между делом и надежанием. Я не могу высказать это словами. Тут есть некое умение, но все же высказать его я не могу. Я знаю, и все же не могу рассказать. Я не могу передать это умение даже своему сыну, и мой сын не может научиться этому от меня. Нет никакого способа научить этому, и нет никакого способа этому научиться. Учить и учиться, учиться и учить возможно только внешнему, а это — внутреннее чувство. Поэтому мне уже восьмой десяток, а я все еще сам мастерю колеса. Но эти древние, хотя и при жизни не могли передать этого, давно уже умерли, поэтому то, что вы читаете, мой повелитель, всего лишь их ошметки и остатки!

— Я вот жив, — говорит он, — я знаю это, у меня есть это умение, и все же я не могу научить, не могу передать это знание. Я жив, я знаю, я люблю своего сына и я очень хотел бы... Я очень стар, мне уже восьмой десяток, а мне все еще приходится работать самому. Если бы мне удалось научить сына, я мог бы отдыхать. Но если я не могу передать то, что

может быть лишь пережито? Даже когда мудрец жив, передать это невозможно, как же это может быть передано, когда его нет уже много веков? Вы даром теряете время, сударь, — сказал он, — все это белиберда.

Этот старик — человек Дао. У даосов есть прекрасные притчи вроде этой: простой человек, бедняк колесник, никто не знает его жизни, но он обладает проникновением. Весь подход Дао в том, что ключ может дать только опыт. Можно задавать вопросы, можно отвечать на вопросы, но истинной ценности в этом нет. Чтобы узнать вкус, надо отведать; чтобы узнать любовь, надо любить. Нет никакого способа это передать, вот почему, вместо того чтобы ответить, Лао-цзы говорит: Лучше будь тих...

Да, слово цена не подходит. Будь тих. А что он имеет в виду, говоря будь тих? Вы постоянно колеблетесь, никогда не бываете тихи. Даже сидя, как статуя, вы колеблетесь. Ваш ум постоянно мечется во всех направлениях. Ваше внутреннее пламя никогда не бывает непоколебимо. Оно постоянно колеблется то туда, то сюда, от одного желания к другому, вас постоянно тянет в разные стороны. Когда нет никаких желаний — даже желания достичь Бога, — тогда ты тих. Когда все желания отрицаются, а в этом — смысл пути отрицания, внезапно ты становишься тих: некуда идти, некуда стремиться. Ни ветерка. Желания — это ветер, что постоянно носится внутри и заставляет внутреннее пламя постоянно колебаться. Вот почему ты не бываешь тих. Даже сидя молча, в медитации, ты не тих.

Кто-то спрашивал на днях:

— В медитации мысли не прекращаются, они продолжают бег, их даже еще больше.

Когда вы заняты своей обычной, повседневной жизнью, мыслей не так уж много; вы заняты, поглощены. Но когда вы сидите, ничего не делая, тогда ваша энергия устремляется в мысли, тогда в вас поднимается шторм, вихрь: мысли, мысли, мысли... Порой такие мысли, что и не вообразить! Воспоминания: вдруг выныривает случившееся тридцать лет назад. Мысли о будущем: ваша жена еще не беременна, а вы соображаете: В какой колледж отдать ребенка, если он родится? Вас тянут, пихают, дергают всевозможные и невозможные вещи, хотя вы знаете, какая это чепуха. Много раз вы все это уже понимали и хотели отбросить, но оказывались бессильны.

Мысли нельзя остановить прямо — надо хорошо понять это.

Пусть это понимание пропитает все ваше существо; мысли нельзя остановить прямо, потому что мысли есть не что иное, как слуги желаний. Когда есть желания, вы не можете остановить мысли. Есть хозяин — и его непременно окружают слуги.

Вы хотите пресечь некую мысль. Это глупо, безрассудно: ваша жена еще не забеременела, а вы уже думаете о времени, когда ваш ребенок вырастет и ему придет в голову поступать в университет, куда же его послать: в Кембридж или Оксфорд? Все это мучает, занимает — куда же послать его учиться? Чему отдать предпочтение? И вдруг вы понимаете: Это же чушь! Ну и дурость! Отчего же тогда возникают мысли?

Тут дело не мыслях. У вас есть желание, есть амбиция, многое в вас осталось неисполненным. Вам бы хотелось осуществить это через своего сына. Сын — есть нечто иное, персонификация ваших амбиций: вы хотели попасть в Оксфорд и не смогли; вы хотели бы осуществить это через вашего сына, поэтому возникают мысли, поэтому возникают идеи. Уже минуло тридцать лет, а что-то всплывает на поверхность. А в ваших мыслях нет ничего беспричинного. Если мысль пришла в голову, значит в ней, за ней что-то есть, и нельзя просто отбросить ее, назвав чепухой. Тридцать лет назад вас оскорбили, и оскорбление все еще свежо в вас, рана еще открыта. Когда вы сидите тихо, рана открывается свету. Погрузившись в тысячу дел, вы забываете о ней, но когда вы свободны, рана открывается, рана шлет вам сигнал: Сделай со мной что-нибудь, я все еще открыта, я все еще не залечена. Сделай со мной что-нибудь!

Сколько раз рана открывалась вам, и сколько раз вы решали отомстить или что-нибудь сделать? Сигналы поступают вновь и вновь, и вновь в вас возникает желание отомстить оскорбившему вас.

Тут дело не в мысли, тут дело в желании. Достаточно проанализировать мысли, как становится ясно, что мысли — лишь слуги, а затаившийся за ними — защищенный слугами

хозяин. Убейте хозяина и слуги исчезнут, убивайте слуг и ничего не изменится: хозяин выставит новых. Пока жив хозяин, он будет выставлять новых слуг, можно убивать одних, он выставит новых.

Мысли сами никогда не останавливаются. Они прекращаются только тогда, когда исчезнет желающий ум. В этом смысл лучше будь тих... Даосы говорят этим: Останься без желаний, следовательно, даже желание познать Бога, достичь Бога — барьер. Будь тих без единого желания, как будто ничего не надо делать, как будто ничего и никогда не случится... Останьтесь без малейшей надежды, надежда — другое имя желания. Надежда — прекрасное имя. Имя желание несколько отталкивает, оно несколько обнажено, голо. Надежда — приодетое желание. Лишиться надежды, ничего никогда не случится. Ничего никогда не случается. Будущего нет, так что отбросьте все амбиции. Есть только это мгновение, так что не мечитесь туда-сюда, это бессмысленно; эти образы ложны, они не содержат никакой реальности, поэтому никто не углубляется в себя. Учителя всего мира — положительного или отрицательного пути — все Учителя настаивали на одном: вы должны предстать перед своей реальностью, увидеть себя таким, как вы есть, но никто их не слушал. Даже те, кто хотел узнать, кто они, втайне надеются, что окажутся тем я, каким себя проецируют. С началом работы эта надежда начинает рассыпаться, обозначается уродство, мерзость, жуткая злоба, ненависть, ревность — все это чувствуется. Весь ад разверзается, и человек боится, он выскакивает наружу и вновь цепляется за идеальное я. Так проще.

Помните, надо узнать себя таким, как ты есть. Отбросьте все ваши идеалы. Они прелестны, но полны отравы: это сладкие заблуждения. Пока вы не откинете все идеальные представления о себе, все образы, созданные вами из-за неспособности принять свою реальность... Отбросьте эти маски, будьте тихи, будьте пусты и смотрите внутрь своего существа, чем бы оно ни было. Поначалу вы почувствуете себя брошенным в ад, но это необходимая цена, которую нужно платить. Если вы достаточно мужественны и проявите настойчивость, ад вскоре исчезнет, облака разойдутся и в безоблачном небе засияет солнце. Тогда вы достигли внутреннего рая.

Ад и рай: и то, и другое — внутри. Ад — ваша периферия, а небеса — самый ваш центр. Вы — центр циклона. На самом деле, — говорит Дао, — нужно лишь войти в свое внутренне существо.

Мне попала прелестная притча. Послушайте внимательно и подумайте о ней.

Жил однажды мудрый и древний святой. Из конца в конец просвещенные люди узнавали о преподобном и стремились лицезреть его мудрость, но святой хранил молчание. Он молчал перед всеми, приходившими с вопросами. Взамен ответа он чертил на земле бамбуковым посохом слова: Нашедший довольство в своем сердце видит добро повсюду и во все времена.

Порой он писал: Где есть неудовлетворенность, там все усилия напрасны.

...Желания?.. У меня их нет... — произнес молодой пришелец.

Прямо поглядев на пилигрима, святой взял посох, поднялся, вытянул правую ногу, вывернул ее трижды и в этой позе застыл.

Замерло и дыхание у всех видящих это. Тут молодой посетитель нарушил молчание: Зачем это?

Мудрец быстро нацарапал: Любопытство — форма желания.

Посох переходил из рук в руки, и пилигрим написал: Говорят, есть священная мантра; читая ее, можно воссоединиться и слиться воедино с Универсом.

Мудрец нацарапал опять: Был ли ты когда-нибудь отдельно от Универса?

И тут преподобный резко поднял посох и обрушил его на голову ищущего, повергнув его в глубочайший, благодатнейший транс.

Минули дни. В эти дни, сидя в самоотречении у ног великого мудреца, юный пилигрим и в самом деле вкусил его сладость. Ни разу не задает он вопроса в его присутствии — бездонная любовь расцветала между ними. На третий день мудрец нарушил многолетнее молчание: Вот ты и пришел! — раздался его хриплый голос.

Юноша не ответил, глубоко заглянул в мудрые глаза, затем вновь взял посох из костлявых

рук и написал: Лишь вспомнил!

Больше ничего не надо. Вы забыли, кто вы. Единственное, что нужно - это вспомнить, кто вы. Забвение — это мир, воспоминание — Бог. Забыть — значит, потеряться; вспомнить — значит, возвратиться домой.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Есть ли у вас любимцы? Принадлежу ли я к ним?

ОТВЕТ: Мне вспомнилась арабская мудрость. Говорят, что всякий раз, создавая человека, Бог шепчет ему на ухо: Ты мой любимец. Никогда я еще не создавал столь прекрасное творение, никогда я больше не создам столь прекрасное творение. Ты уникален.

Но творец шепчет это каждому, и каждый думает в глубине души:

Слову божьему подобает верить.

Вы — мой любимец, и это обращение не к кому-то в отдельности, но к каждому. На самом деле выбирать более или менее любимых для меня невозможно. Все зависит от вас: вы можете стать моим любимцем и можете не становиться им, это односторонний процесс. Вы им станете, если позволите, и не станете, если не позволите. Что касается меня, то меня нет.

ВОПРОС: Объясните, пожалуйста, разницу между рационализацией и бредятиной.

ОТВЕТ: Слово бредятина гораздо лучше, чем рационализация, но значат они одно и то же. Рационализация — слово клиницистов, слово для профессоров, бредятина живет. Слово рационализация бескровно, бредятина — юно, живо и лягается, но значение его то же.

Благородное собрание решило учредить общество, куда входили бы только девственницы. Вдруг появляется молодая особа с ребенком на руках.

— Но, мадам, совершенно очевидно, что стать членом общества вы не можете, — возразил преподаватель. — Почему вы решили, что отвечаете нашим требованиям?

— Когда это со мной случилось, я была дура дурой, — объяснила она, — поэтому думаю, что могу вступить в общество этих дур-девственниц.

Это бредятина. Рационализация — философский термин, бредятина — слово простого человека, голос масс, тех, кто живет на земле, с землей, чьи руки в грязи. Слово бредятина (дерьмо, враки, бред собачий) такое же грязное, им пользуются простые рабочие люди, живущие обычной жизнью. Оно не пришло из университетских башен слоновой кости. Но помните: оно подлиннее, оно говорит больше, чем рационализация. Слова, пущенные в ход профессорами, всегда анемичны; Это мертвые слова, клинические, они мало что говорят и больше скрывают. С вашего позволения, я сказал бы, что само слово рационализация — есть рационализация, им пользуются, чтобы избежать слова бредятина.

ВОПРОС: Почему вы допускаете столько ошибок, цитируя других или ссылаясь на тексты Библии и данные науки? Я множество раз по-разному отвечал себе на этот вопрос сам, теперь же мне хотелось бы услышать ответ от вас.

ОТВЕТ: Что ж, позвольте, мне допустить еще несколько ошибок. Прежде всего, память у меня изумительная.

Как-то мулла Насреддин пожаловался знакомому:

— У моей жены очень плохая память.

— Значит, она все забывает?

— Нет, — ответил Насреддин, — она все помнит.

Если у жены муллы Насреддина плохая память, то у меня память изумительная, я забываю все. И я рад этой забывчивости, меня она не беспокоит.

Второе, я не ученый, я невежда. Я люблю читать, почитать Библию, Гиту, Коран — как читают романы; это древние прекрасные истории. Кришнамурти говорит, что не читает священных текстов, а только детективы. Я бы предложил Кришнамурти заглянуть в Библию, прекраснее истории не найти. Тут есть все: любовь, жизнь, убийство.

Для меня в священных текстах нет ничего особенного. Священные тексты для меня столь же священны, как деревья, камни, звезды, или столь же обыденны. Я не делаю различия, поэтому я не отношусь к священным текстам так серьезно. Единственное, к чему я серьезно отношусь, — это анекдоты, поэтому, когда я цитирую тексты, цитирую их по памяти, а когда

цитирую анекдоты, они лежат, написанные, передо мной. Я не хотел бы ошибиться в анекдоте, тут я серьезен. Что касается всего остального, я абсолютно несерьезен.

Так что все очевидно. Слушая меня, вы, должно быть, поняли, что главное для меня не в том, что сказано в текстах, дело не в этом. Главное для меня в том, что говорю я. Если вы пойдете к христианскому священнику, он будет цитировать Писание, для него главное — Писание, он строго дословен. Иначе ему нельзя, он сам второстепенен, а Писание первично. Со мной все иначе: текст лишь свидетельствует обо мне. То, что мне должно сказать, только то мне и должно сказать. Если я чувствую, что текст может подтвердить это, я им пользуюсь. Все, что я говорю, я говорю прямо. Просто для того, чтобы вам помочь, ибо вы не способны слушать прямую истину, вам нужно несколько свидетелей. Так что Иисус, Кришна, Будда, Лао-цзы, Ли-цзы — просто мои свидетели. Я не приспособливаюсь к ним, я приспособливаю их к себе.

Так и должно быть: мертвые должны приспособливать себя к живым и для живых. Почему живые должны приспособливаться к мертвым? Ли-цзы должен приспособливаться ко мне, только приспособливаясь ко мне, Ли-цзы может вновь обрести жизнь.

Прошлое должно приспособливаться к настоящему, а не наоборот, поэтому я продолжаю играть...

Для меня это просто история и в глубинной сути подход именно в этом: вся жизнь есть вымысел, это майя, сон, Иисус, Будда, Кришна, я, вы — часть великого сна, Бог дремлет. Не относитесь к этому слишком серьезно. Я не ученый и у меня нет ни малейшего уважения к ученым. Все это бредятина.

Я читал прекрасное стихотворение Харбурга. Там есть несколько строк необычайной важности. Поразмыслите.

Стихи создаются дураками вроде меня,

Но только Бог может сделать дерево.

И только Бог, который делает дерево,

Делает и дураков вроде меня.

Но только дураки, вроде меня,

Могут делать Бога, который делает дерево.

Я потрясюще невежественен, и я счастлив такой, как есть. У меня нет ни малейшего желания усовершенствовать себя, так что, если вы порой попадаете в неловкое положение, когда вам говорят, что Бхагаван говорит не то — это ваша проблема. Ваш Мастер оказался виноват... вам немного неприятно. Что касается меня, то у меня все о'кей. И я буду непрестанно создавать для вас проблемы! А вы находите ответы. Придумывайте что-нибудь, побольше воображения и выдумки. Я ведь, вон, сколько выдумываю, а вы, почему не можете? Можете найти какой-нибудь эзотерический, оккультный смысл. Это так просто: когда найти больше нечего, всегда пытайтесь найти какой-нибудь эзотерический или оккультный смысл, наверняка он есть.

Не тревожьтесь так сильно о фактах: их нет, все вымысел. Помните: все вымысел, даже мое бытие здесь и ваше бытие здесь — это гигантский вымысел. Никогда ничего не происходит. Истина есть.

Все, что происходит — вымысел: история есть вымысел, потому что все, что есть — есть... здесь никогда ничего не случается. У Бога нет истории, у Бога нет биографии. Бог только есть, нет никакого был, нет никакого будет.

Нет ни прошлого, ни будущего.

Вся история вымышлена, вот почему на Востоке мы мало пеклись об истории: мы не записывали историю, вместо истории мы записывали мифы. Если вы спросите индуса, когда родился Рама, он не сможет ответить. Спросите индусов, сколько людей — столько ответов. Никто не знает, никто не знает даже точно, родился ли он вообще. Согласно традиции, сказитель описал житие Рамы прежде, нежели тот родился: Вальмике написал Рамаяну прежде рождения Рамы. Вот вам восточный подход. Вам трудно представить, чтобы христианские апостолы написали житие Иисуса прежде, чем он родился, а Вальмике написал житие Рамы раньше, тогда Раме пришлось родиться, чтобы подтвердить, что Вальмике был

прав, не то умные люди смеялись бы над стариком. А он, написав это, закончил: Да будет так! И Рама пришлось воплотить то, что уже было написано Вальмике. Он пророк, это было пророчеством: вслед появился Рама. Взгляните на подход: история мыслится, как вымысел.

Только романы сначала пишутся, а затем их играют и ставят по ним фильмы.

В тайной эссеистической традиции считают, что Христа никогда не было, что на самом деле это драма — драма Христа, ее играли еще за много веков до рождения Христа. В самом деле, он никогда не рождался — это драма. Постепенно люди так сроднились с этой драмой, и настолько полюбили эту драму, что она начала становиться реальностью, начала видется фактом, поэтому столько версий. Заглянув в Евангелие, видно, что они различны, порой противоречивы. Четыре версии одной истории неизбежно различны.

Восточный взгляд направлен на то, что не видно глазом. То, что можно увидеть глазами — только вымысел. Наслаждайтесь, наблюдая его, любите его — это божественная игра. Так что, то, что я говорю вам, — не проповеди, ведь проповедь вещь серьезная, а это — птичьи песни. Так что все, что всплывает во мне, я говорю вам. Меня не заботит, подтверждается это историей или нет, история имеет для меня мало смысла.

ВОПРОС: Почему ни одна просветленная женщина не стала Мастером?

ОТВЕТ: Женщина не может быть Мастером. Достигнув, женщина становится любовницей, но не Мастером. Исполнение женщины — любовь. Цветение женщины — Любовь. Учительство не является целью женского сознания, женщина не становится Учителем, но она становится любовницей. Стать Учителем — глубоко мужское стремление.

Путь мужчины осознание, путь женщины — любовь.

На пути осознания возможно учить, возможно стать Мастером. На пути любви как можно учить любви? Можно цвести, благоухать в любви, но как можно этому научить? Да, если кто-то хочет научиться от нас, он научится, но вы — не Учитель. И такие женщины были: Кабья, Мира, Малноай, Магдалина, Тереза. Такие женщины были: Сахайо, Дайя, Дала. Таких женщин много, но они не были Учителями. Они так отдались Богу, что стали любовницами.

Я твоя любовница, господь мой, — говорит Мира, любовница Кришны, самого Бога. Она поет песни прославляющие Бога, она танцует. Тот, кто возьмет от нее, преисполнится этим, но Учителем она быть не может. Она отдалась вся, ее самоотдача абсолютна. Да, находясь и ее обществе, вы узнаете, что такое самоотдача... но учиться вам придется самим, она учить не будет. Женщина не может быть учителем.

Чтобы учить, нужна особого рода энергия. Позвольте мне высказать, это так, это мой опыт: мужчине очень трудно стать учеником. Даже если он им становится, то становится неохотно. Трудно отдаться. Как отречься от воли? Даже, если он отдается, он отдается с условием, с тем, чтобы когда-нибудь стать Учителем. Мужчине трудно отдаться, женщине отдаться очень просто. Женщине стать учеником очень просто, но стать Учителем очень трудно. Даже достигнув, она остается в самоотречении. А мужчина, даже, когда еще не достиг, в глубине души не сдается. Вовне он проявляет полное смирение, но где-то внутри остается эго.

Мужчина может стать хорошим Учителем. Женщина может стать хорошим реципиентом, стать восприимчивой, стать чревом. Стать Мастером — значит, стать дающим.

Женщина, приходя к Мастеру, сразу готова к самоотречению. Если порой случается иначе — есть женщины, для которых самоотречение очень трудно, это просто показывает, что они утратили контакт со своей женственностью, они не знают, кто они, они удалились от своего центра. Они не знают самоотречения, потому что не знают, как быть женщиной, как просто самоотречение, как легко приходит смирение.

Все великие ученики мира — были женщины. У Будды были тысячи учеников, но пропорция всегда оставалась — три женщины на одного мужчину. То же с Махавирой, Иисусом.

Женщина может стать прекрасной ученицей, и так должно быть. Женщина восприимчива, это открытость, чрево. Она никогда не становится Мастером в том смысле, как становятся Мастерами мужчины: Махавира, Будда, Заратустра, Лао-цзы. Нет, женщины никогда не становятся такими Мастерами. Но не было еще учеников, подобных женщине: ни один мужчина не сравнился с ней в ученичестве. И позвольте вам заметить, что если уж делить на мужчин и женщин, то женский ум благословеннее, потому что главное — не давать, главное

— воспринять истину, а давать уже во вторую очередь. А женщина всегда обладает большей цельностью, чем мужчина. Получив истину, она озаряется: все ее тело, все ее существо являет это, вокруг нее образуется аура.

Так что не тревожьтесь о том, почему женщина не становится Мастером. Это и не нужно. Если вы можете стать ученицей, это естественно, и вы всегда останетесь верной жизни.

ВОПРОС: Не является ли ваше учение сверхцветком, скрещением суфизма и дзен?

ОТВЕТ: Это не цветок, это смешение двух благоуханий. Дзен — это сверхцветок, как и суфизм. К ним нечего добавить, они совершенны. Что касается цветов, они достигли совершенства, к ним нечего добавить, они цветут. Что я здесь делаю, так это смешиваю ароматы.

Человеку очень важно отбросить всякие барьеры: нации, религии, церкви. Почему он должен быть только мусульманином... — как узко! Почему? Когда же вы сможете получить все наследство? Если вам принадлежит все прошлое, все будущее, зачем делить? Почему я должен называть себя либо индусом, либо мусульманином, либо христианином? Надо утверждать целостность. Утверждая целостность, вы становитесь целостным: вы теряете свои узкие деления, разграничения, вы становитесь целым, вы становитесь целым — святым. Это произойдет, это должно произойти.

Это должно произойти, иначе человек не сможет расти дальше.

Человеку очень важно отбросить всякие барьеры: нации, религии, церкви. Единственное, что я делаю — пытаюсь смешать все благоухания, скопившиеся за века цветения человеческого сознания. Лао-цзы — цветок, как и Будда, Иисус, Магомет, но теперь предстоит смешать их благоухания в единый, вселенский аромат. Тогда человек впервые сможет стать религиозным, нерасщепленным. Тогда станут вашими и церковь, и храм, и мечеть. Тогда ваши и Коран, и Веды, и Библия — все ваше. Вы становитесь безграничны.

Нет, я не пытаюсь создать новый цветок, цветок — это событие. Я пытаюсь создать из всех этих цветов новый аромат. Это тоньше, неощутимей, это сможет увидеть только тот, у кого есть глаза.

ВОПРОС: Опасность ваших бесед о даосизме состоит в том, что есть много ленивых, безответственных людей, которые рационализируют свои дурные привычки, называя себя бездействующими даосами. Пожалуйста, поясните разницу между даосом и ленивым эскапистом.

ОТВЕТ: Это вопрос от Ананды Прем.

Во-первых, есть две опасности, о которых я уже говорил: эгоизм и лень, летаргия. И помните: если уж вам не избежать падения, то лучше ловушка лени, чем ловушка эгоизма. Последняя опасней, потому что ленивый не сделает ничего дурного, ленивый вообще ничего не сделает. Ленивый человек не представляет опасности. Он не совершает вмешательства. Он не станет доброжелателем, а самые опасные, самые бесчестные люди на свете — это доброжелатели. Ленивого человека почти нет. Что он может? Слышали вы, чтобы ленивый человек натворил бед?

Нет, Ананда Прем, все беды исходят от эгоистов, и для тебя такая возможность не исключена. Не печальтесь о том, что несколько человек здесь вконец обленятся, ничего страшного. Все беды от эгоиста, от того, кто хочет быть духовным, обособленным, кто хочет стать сидхом, кто хочет овладеть духовными силами. Хочется сказать, что если в мире есть нечто духовное — это настоящая опасность. Если уж вам не избежать падения, выбирайте лень. А если не падать, хорошо избежать и того и другого.

Вот она говорит: Опасность ваших бесед о даосизме состоит в том, что есть много ленивых, безответственных людей...

Во-первых, как только вы начинаете думать о других, вы попадаете на удочку эго. Кто вы такая, чтобы думать о других и их жизни? Это их жизнь. Если им нравится быть ленивыми, то кто вы такая, чтобы вмешиваться? В Ананде Прем сидит добродетель, она беспокоится о других — это очень опасно. И, конечно, она, осуждает. Кто вы такая, чтобы говорить им, что их привычки дурные?

Лучше лень, чем одержимость деятельностью. Одержимость деятельностью — это

сумасшествие. Ленивый человек может быть и в здравом уме. Порой самые ленивые оказывались самыми здоровыми. У меня есть чувство, что если бы Ананде Прем повстречался Лао-цзы, она решила бы, что он лентяй. Он покажется ленивым во всех отношениях.

Она ищет себе любовника и никого не может здесь найти, она считает, что здесь нет никого, кто был бы ее достоин. Ей нужен правильный человек, но здесь она не может найти правильного человека.

Год она искала на Западе, искала в Америке; не могла найти в Израиле — она нигде не найдет. Даже если она попадет на небеса, Бог покажется ей беспризорником. Она относится ко всем с таким осуждением, что не может любить простого человека. Да, есть изъяны, есть ограниченность, но эта ограниченность есть у всех. Если хочешь любить, надо любить человека со всей его ограниченностью.

Нельзя найти совершенного человека. Совершенства не существует. Бог не допустит совершенства, совершенство так однообразно. Вообразите: жить с совершенством... двадцать четыре часа — и вы повеситесь. Жить с совершенством? Как же с ним жить? Это же мертвец, мраморная статуя. Как только вы стали совершенством, вы мертвы. Живой человек не бывает совершенством, и учение мое ведет не к совершенству, а к целостности.

Будьте целостными и помните, помните разницу. Вот вам идеал совершенства: никакой любви, никакой ревности, никакого собственности, никаких изъянов, никакой ограниченности. Идеал целостности совсем иной: если злитесь, то злитесь всем своим существом. Если любите, то любите всем своим существом. Ничто не отвергается, должна быть отброшена только частичность, и тогда человек становится прекрасен.

Целостный человек — прекрасен, совершенный — мертв.

Нужны все времена года: зима, лето, холод, жара, а настоящий человек вмещает в себя все времена года, только с единым осознанием: все, что он делает, следует делать от всего сердца и с полной осознанностью, этого достаточно, этого довольно — вот вам прекрасный человек.

Вернемся к вопросу. Пожалуйста, поясните разницу между даосом и ленивым эскапистом.

Отвечаю. Даос — это человек, делающий то, что абсолютно необходимо. Его жизнь подобна телеграмме. Телеграмма выразительнее письма, в немногих словах она говорит гораздо больше. Все ненужное отброшено, осталось только самое необходимое. Даос телеграфичен, его жизнь подобна телеграмме. Навязчивое, ненужное, судорожное отброшено, он делает только абсолютно необходимое. И позвольте вам сказать, что абсолютно необходимого так мало, что даос покажется вам просто ленивым.

Но помните: я не расхваливаю лень, я просто осуждаю эгоистическую позицию. Я не за лень, я против эго, но не за лень саму по себе, она должна быть исполнена осознанности. Тогда вы минуете и активность и лень. Тогда вы становитесь трансцендентальны: вы не действуете и не бездействуете, вы в центре. Все, что нужно, вы делаете; все, что не нужно, вы не делаете. Вы и не деятель и не бездействующий. Вы больше не сосредоточены на действии, вы стали сознанием.

Так что, пожалуйста, не поймите сказанное в том смысле, что я помогаю вам быть ленивым. Быть подлинно ленивым — значит, не быть бездейственным, но так исполниться энергии, что стать гигантским резервуаром энергии. Ленивым во всем, что касается мира, но безмерно динамичным внутри, не вялым.

Снаружи даос ленив, внутри он стал чем-то подобным реке: он постоянно течет к океану. Он отбросил многие виды деятельности, потому что они были ненужными утечками его энергии. Опасность всегда есть — во всем, что я говорю, есть опасность — опасность интерпретации. Если я говорю будь активен, для вас появляется возможность стать эгоистом. Если я говорю будь пассивен, для вас появляется возможность быть вялым. Человек хитер.

Он бился об заклад, о чем угодно в уверенности, что всегда выиграет.

— Пospорим, что первое слово, которое скажет мне жена, когда я вернусь домой, будет дорогуля.

Лука не мог такого вытерпеть, он-то хорошо знал его жену. Если от кого и услышишь дорогуля, то только не от нее.

Небось такая, как Ананда Прем.

Лука поймал его на слове и побился об заклад на сто долларов. Подойдя к дому, муж просунул голову в дверь и промурлыкал:

— Дорогуля, вот и я.

— Дорогуля — чтоб ты сдох! — закричала жена. — Иди, так я тебе и открою.

Муж повернулся к Луке: Гони сто долларов.

Ум очень хитер. Он истолковывает все по-своему, он находит основания, рационализирует, выкручивается, защищается. Он хочет остаться таким, как он есть. Если он ленив, он хочет остаться ленивым. Если активен — хочет остаться активным. Так что во всем, что я говорю, вы должны быть очень осторожны: не защищайте этим свой ум. Вы должны выйти из своего ума.

Муж яростно врывается в дверь, сбрасывает свою жену с колен незна комого мужчины.

— Каким образом я вижу вас целующим мою жену?

— Не знаю, — отвечает незнакомец. — Может быть, вы пришли домой слишком рано?

Люди находят резонные основания для всего. Будьте внимательны. И будьте внимательны к себе, а не к другим. Что там делают другие — не ваше дело. Это должно стать основой религиозного отношения: не думать, что делает другой — это его жизнь. Если он решает жить так, это его дело. Даже иметь мнение уже означает, что вы готовы вмешаться, вы уже вмешиваетесь. Религиозный человек - это тот, кто пытается как можно лучше, как можно полнее прожить свою жизнь, пытается прожить ее как можно пробужденное. И ни в чью другую жизнь он не вмешивается, даже тем, что имеет мнение. Видели ли вы, замечали? Если вы проходите мимо кого-то и имеете о нем определенное мнение, ваше лицо меняется, меняются глаза, ваше отношение, ваша походка. Если вы осуждаете, ваше существо начинает излучать осуждение, отвращение. Вы вмешиваетесь.

Было время, когда я жил у одного моего профессора, моего Учителя. Хотя я был студент, а он Учитель, он очень меня уважал. Он был редкостным религиозным человеком, но пьяница, и когда я у него жил, он очень боялся пить в моем присутствии. Что я могу подумать? Я видел это, я чувствовал его беспокойство и на другой день сказал ему:

— Вас тяготит что-то. Если вы не расслабитесь, я тут же перееду в гостиницу, я не останусь. Я чувствую, что вас что-то тяготит, что вам не по себе, мое присутствие создает какие-то затруднения.

— Раз уж вы затронули этот вопрос, — ответил он, — я скажу вам. Я никогда не говорил вам, что слишком много пью, но дома я всегда пью перед сном. Теперь, когда вы здесь, мне хочется пить и это создает затруднения. Я не могу обойтись без выпивки, но я даже помыслить не могу пить в вашем присутствии.

Я рассмеялся:

— Какое мне дело? Какая глупость. Я надеюсь, что вы не будете меня заставлять пить?

— Ни в коем случае.

— Тогда все проблемы решены. Вы пейте, а я составлю вам компанию. Выпивать я не буду, но могу пить что-нибудь другое: кока-колу или фанту. Я составлю вам компанию, а вы пейте. Я помогу вам, буду вам подливать.

Он не мог поверить, думая, что я шучу. Но когда вечером я налил ему стакан, он заплакал:

— Я не мог себе представить, что у вас не составится никакого мнения, а я наблюдал за вами: у вас не составилось мнения о моем пьянстве, о моем падении, ни о чем, что я делаю.

— Иметь мнение о вас просто глупо. В том, что я не составил о вас мнения, нет ничего особенного. Прежде всего, с какой стати? Кто я такой? Это ваша жизнь: если хотите пить — пейте.

Иметь о вас мнение означает, что в глубине души я хочу управлять вами. Иметь о вас какое-то мнение, то или это, означает, что во мне коренится желание быть сильным и управлять другими. Таков политик. Религиозный человек не должен вмешиваться.

ВОПРОС: Вы много говорите об уродливости ревности. Она действительно отвратительна, но что можно предложить нам, страдающим от нее и не достигшим просветления, чтобы ее уменьшить?

ОТВЕТ: Прежде всего — уменьшение не поможет. Можно уменьшить ее до такой степени, что она станет почти невидима, но это не поможет. Уменьшить означает просто то, что вы запикиваете ее в подсознание, и она опускается в основание вашего существа все глубже и глубже. Она становится невидимой. Вам она, возможно, станет невидимой, но она будет продолжать действовать из-за спины, она будет дергать ваши вожжи из-за спины. Она станет тоньше. Пожалуйста, не старайтесь ее уменьшить.

Первое, о чем следует помнить: нужно не уменьшать, а увеличивать ее, чтобы вы могли видеть ее всю. В этом суть всего процесса, который происходит во всех здешних группах гештальт, встреча, психодрама. Весь процесс состоит в том, чтобы, в чем бы ни стояла проблема, не уменьшайте — увеличивайте ее, так чтобы ее можно было рассмотреть во всех деталях. Век за веком ревность, злоба, зависть, печаль, то и это подавлялось во все времена. Все усилия прикладывались к тому, чтобы уменьшить. Нет. Семя - это уменьшенное дерево, но семя необычайно мужественное, из семени всегда может вырасти дерево. Подходящая ситуация, подходящее время года... и опять проклюнется дерево. Можно уменьшить свою ревность, можно сделать ее малым семечком, так что вы ее не увидите — дерево исчезло, но оно осталось.

Уменьшение — не тот процесс. Этим вы и занимаетесь всю вашу жизнь: вы все уменьшаете. И еще одна вещь: если вы уменьшаете свою ревность, точно так же уменьшится ваша любовь: ведь любовь и ревность тесно связаны друг с другом. Если вы уменьшите печаль, уменьшится и ваше счастье: ведь счастье и печаль так близки. Уменьшите свою ненависть — исчезнет любовь, что и происходит. Вас отучили ненавидеть и вот всеобщий результат: вы стали неспособны любить.

Нет уж, пожалуйста, ничего не уменьшайте, это не способ. Лучше растите, преувеличивайте, доводите до полного цветения и рассматривайте в малейших деталях. В самом этом осознании, в самом этом видении вы сможете трансцендировать это, и тогда не нужно будет ничего с этим делать.

Вы много говорите об уродливости ревности...

Нет, вы этого не знаете, вы просто повторяете мои слова. Если бы вы сами поняли, что она бесконечно омерзительна, она бы исчезла в самом этом понимании. Вы этого не знаете. Вы слушали меня, слушали Иисуса, слушали Будду и собрали мнения. Вы этого не знаете, это не ваше личное чувство. А если это ваше личное чувство, зачем вам тащить его? Это совсем нелегко, это требует больших затрат. Быть ревнивым очень трудно: требуется много усилий с вашей стороны, много капиталовложений.

Ревность так разрушительно действует на ваше существо, что если она уродлива и вы познали уродство, вы не сможете тащить ни единое мгновение. А оттого, что вы меня слушаете, у вас только прибавляется знаний.

И, наконец, ревность разрушает. Может быть, других она не убьет, но вас убьет наверняка, это самоубийственно. Ревность не только уродлива, это — отравка, это — самоубийство, это — ежедневное убийство себя, капля за каплей.

Все, что я говорю, не станет вашим опытом, пока вы не переживете это сами.

Не подавляйте — выражайте ее. Сядьте в комнате и сосредоточьтесь на ревности. Наблюдайте ее, смотрите на нее, пусть она зажжется столь сильным огнем, на какой только способна. Пусть она разгорится в сильное пламя, горите в нем и смотрите, что это такое. И не говорите с самого начала, что она уродлива, потому что сама эта мысль, что она уродлива, будет разбавлять ее, не позволит выразиться полностью. Никаких суждений! Старайтесь лишь увидеть экзистенциальный эффект ревности, экзистенциальный факт. Никаких интерпретаций, никакой идеологии! Забудьте о буддах, забудьте обо мне. Дайте простор ревности, загляните в нее, глубоко загляните в нее. И то же сделайте с гневом, с печалью, с ненавистью, с собственничеством. И постепенно вы увидите, что от одного только смотрения сквозь это у вас начинает расти трансцендентальное чувство, что вы просто наблюдатель. Ломается отождествление. Отождествление ломается только тогда, когда вы лицом к лицу встречаете нечто внутри себя.

ВОПРОС: Сегодня вы сказали: Спросите Будду, отчего он счастлив, он только пожмет

плечами. Пожалуйста, Бхагаван, скажите, отчего вы счастливы?

ОТВЕТ: Я даже плечом не пожму.

Беседа шестая

РЕАЛЬНОСТЬ ТО, ЧТО РЕАЛИЗУЕТСЯ

Чао Сиань-Цу со стотысячной свитой охотился в центральных горах. Он поджег высокие травы, огонь охватил лес и распространился на тысячу миль.

Из расщелины скалы появился человек. В центре пламени он взлетел вместе с дымом и опустился вместе с пеплом. Все решили, что это демон. Когда пожар утих, человек спокойно отпрявился дальше, как будто огня, в котором он горел, не бывало. Чао Сиань-Цу подивился и велел задержать этого человека. Он внимательно оглядел его.

Судя по форме, цвету и семи отверстиям в голове, это был человек, но по дыханию и голосу это был не человек. Император спросил его:

— Следуя какому пути, ты живешь в камне и проходишь сквозь огонь?

— А что это, что ты называешь камнем и огнем? — спросил человек.

— То, из чего ты только что вышел — это камень; то, в чем ты только что находился — это огонь.

— Я этого не знал, — сказал он.

Услышав об этом, маркиз Вен спросил Цу...: Что это был за человек?

— В соответствии со слыханным мной от моего Мастера, человек, находящийся в гармонии, совершенно так же, как и окружающие его вещи, и ничто не может ранить его или причинить ему вред. Для него одно и то же пройти сквозь металл и камень, сквозь огонь и воду.

— Почему же ты сам этого не делаешь? — спросил маркиз Вен.

— Я не способен рассечь свое сердце и выбросить из него все знание. И, тем не менее, я могу сообщить об этом все, что пожелаешь.

— Почему же этого не сделал твой Учитель? — спросил маркиз Вен.

— Мой Мастер таков, что он может это делать, а может и не делать.

Маркиз Вен был в восхищении от этого ответа.

Есть весьма важное различие, которое нужно сделать с самого начала: различие между знаниями и знанием. Люди знаний только кажутся знающими, а на самом деле это не так. Человек знания может казаться не знающим, но он знает. Знания заимствованы, знание — свое собственное. Знания вербальны, знание приходит с жизнью. Знания — собранная там и там информация, знание экзистенциально: вы прожили его, оно пришло через ваш опыт, — это опыт. Когда приходит знание, человек освобождается, он свободен. От знаний человек все больше становится узником, знания связывают, знание освобождает.

И парадокс в том, что человек знаний утверждает, что знает, а человек знания даже не знает, что он знает. Человек знания чист. На Западе есть знаменитый мистический текст, единственный текст на Западе. Никто не знает, от кого он исходит, но исходит он из гигантского опыта. Название этого текста Облако неведения. Текст исходит от человека знания, но назвал он его Облако неведения. Он пишет: Познав, я забыл все знания, все знания исчезли. Познав, нет нужды ни в каком знании. Не познав, вы цепляетесь за знания, потому что только через эти знания вы можете претендовать на знание. Познав, можно забыть знания. Не познав, как можно себе это позволить? Так что только великие познавшие смогли забыть знания. Это пик, о нем надо помнить. Живя здесь со мной, не становитесь человеком знаний, иначе вы упустите меня. Станьте человеком знания, станьте облаком неведения, это то же самое в других словах. Знание подобно неведению, в знании нет знающего, я отсутствует, не существует. В знаниях есть разделение на познающего и познаваемое, на субъект и объект. В познании нет разделения, познание не разъединяет, оно соединяет, оно едино.

Наука — вид знаний, религия — вид знания или неведения, поэтому их пути никогда не сойдутся. Там, где начинается наука, кончается религия, где кончается хитроумие,

начинается чистота. Где знающий исчезает, вступает знание.

В этом контексте надо кое-что понять в библейской истории изгнания Адама из рая. Эта история так прекрасна, что я возвращаюсь к ней снова и снова. Бог сказал Адаму: Можешь наслаждаться всеми плодами этого сада, но есть два дерева — дерево жизни и дерево познания. Прошу тебя, никогда не ешь от дерева познания. Он упомянул два дерева: дерево жизни и дерево познания. Прошу тебя, никогда не ешь от дерева познания. Но Адам был любопытен, поэтому змей смог его соблазнить, иначе у змея бы ничего не получилось. В глубине души Адаму было любопытно, как любому ребенку — Адам был первым ребенком, а Бог первым отцом. Его соблазнили вкусить от дерева познания. Он вкусил и стал знающим, и тут же познал стыд, тут же познал наготу. До тех пор он был невинен: невинность изначально, абсолютна, необусловлена. Он не знал своей наготы. Как только он познал, что обнажен, возникло эго, от плода дерева познания возникло эго. Он стал тревожным, он стал судить, хорош он или нет, хорошо быть голым или нет, он осознал свое тело. Впервые в нем возникло сознание своего я. Это не значит, что в нем не было сознания, в нем было сознание, но в этом сознании не было я: сознание было чистым, смиренным, сознание было чистым светом. Но внезапно посреди сознания воздвиглась колонна эго — темная колонна, колонна тьмы. И, как гласит история, он был изгнан.

На самом деле Богу и не нужно было его изгонять, он сам изгнал себя, вкусив от дерева познания. Познание и есть изгнание. Как только вы осознаете свое я, вы изгоняетесь из красоты, из благодати, из восторга, из радости, которую вам предлагает жизнь.

А как же другое дерево, дерево жизни? По моему суждению, если бы Адам прежде вкусил от дерева жизни, а потом уж от дерева познания, изгнания бы не было. Если знание пришло через жизнь, если знание шло через опыт, нет никакого изгнания. То знание было поддельным, оно не пришло через опыт, оно не было заработано, оно не было зрелым, — отсюда изгнание. Оно было заимствованным, оно не было его собственным. Когда знание приходит через опыт, оно освобождает, оно делает вас радостней, оно даст вам большой восторг существования. Если бы Адам вкусил прежде от дерева жизни, а затем от дерева познания, никакого изгнания бы не было. Адам сделал все наоборот: вкусил от дерева познания. Вкусив от дерева познания, вы начинаете упускать жизнь, вы уже не можете вкусить от дерева жизни, поэтому вы сами осуждаете себя на изгнание.

Запомните это: знание может прийти двумя путями: можно получить его от других — из книг, от людей, от общества; и можно утверждать, что оно ваше. Но тогда вы изгнаны. И помните, вы сами осуждаете себя на изгнание — никто вас не изгоняет. Сам ваш неверный подход к знанию становится барьером. Но знание может быть достигнуто иначе: опытом, жизнью. Вкусите прежде от дерева жизни, тогда в молчании придет знание. Без единого звука оно возникнет в вашей душе... ибо, если вы погружаетесь в опыт, это не создается. Чем больше вы проживаете жизнь, тем меньше остается в вас самости. Как только жизнь познана, во всей полноте вы больше не мыслите себя от существования отдельным: вы растворились в единстве, вы стали единым, единым в целом, вы - часть органического единства существования. И тогда приходит знание — совсем иной род знания, оно освобождает. Вкусите плод от дерева жизни.

В Библии есть другая притча. Когда Бог создал мир, Он попросил Адама назвать все по имени. Он подводил к нему льва и спрашивал:

Какое имя ты даешь этому зверю? Подводил к нему слона: Какое имя ты даешь этому зверю? И Адам называл — слон. С тех пор человек не перестает делать то же самое. Все ваше знание — не что иное, как навешивание ярлыков, называние. Зная человека по имени, вы полагаете, что знаете его самого. Знакомя с людьми, сообщают их имя, страну, национальность. Что же вы делаете? Можно ли так узнать человека? Человек обширен, огромен, можно ли навесить на него ярлык и пользоваться ярлыком? Наименование создаст ложное впечатление, будто вы знаете.

А что вы делаете? Кажется, что проблема решена, создается впечатление, потому что дано имя, ярлык, будто проблема решена. Избегайте этой привычки — это одна из самых опасных человеческих привычек. Из-за этой привычки стало невозможно проникнуть в реальность. Эта

привычка столь укоренилась, так глубоко вошла в подсознание, стала столь механической, что бы вы ни увидели, вы тут же называете это. Видя дерево, вы тут же повторяете внутри: Это дерево, это сосна, это береза. С чем бы вы ни встретились, на что бы ни упал ваш взгляд, вы называете это в глубине. А если вы не можете назвать то, что вам встретилось, вы чувствуете себя неуютно и начинаете интересоваться: А как это называется? Как только вам сообщают название, — подойдет любое, вам становится легче. Как просто вам может стать легко! Назвав, вы уже думаете, что знаете. Рождается ребенок, ему дают имя. Дав имя, вы поставили барьер. Имя — людская выдумка — становится эквивалентом ребенка. Ребенок — это тайна, рядом с ним имя выглядит жалким. Каждый человек — тайна, как охватить его именем? Каким именем можно охватить человека? Невозможно. Да, имя нужно в практических целях, но помните: имя роза не есть роза. Пользуйтесь именем, но не забывайте, что роза — это потрясающая сущность.

Теннисон говорил: Если бы я понял один цветок, корни и все остальное, я понял бы все существующее. Да, одна маленькая роза столь необъятна, что если бы вы ее поняли, вы поняли бы все существующее, так все связано между собой. Чтобы понять розу, надо понять землю: роза растет из нее, земля — ее источник. И надо понять небо: она цветет к небу. И надо понять солнце: без солнца не было бы розы, ее цвет — от солнца. Постигая глубже, вы обнаружите, что нужно понять все существующее, только тогда ваше знание о розе будет полным.

Чтобы погрузиться в существование, надо отбросить все слова, саму привычку облекать все в слова, — надо отбросить язык. Язык — это барьер.

И в это самое мгновение пустоты, когда язык исчезает, возникает знание. В дзен это называется сатори. Как только язык полностью отброшен, приходит сатори... На пути дзен все усилия прикладываются к тому, чтобы отбросить язык. Пытаясь найти решение парадокса, решить который невозможно, ученик испытывает все большую перенасыщенность самим языком. При полном изнеможении приходит минута, когда язык страдает, сознание свободно - сатори!

Мастер дзен говорит своим ученикам: Садитесь, медитируйте: хлопок одной ладони. Но ведь одна ладонь хлопать не может, для хлопка нужны обязательно две. Одна ладонь не может создать звук: чтобы возник звук, нужно чтобы что-то хлопнуло. Звук возникает из конфликта — это столкновение! Одна ладонь звука создать не может, так что это — абсурд. Но ученик должен размышлять об этом. Он медитирует. Порой на это уходит год, порой два, порой двадцать лет, по-разному, а ученик все размышляет: утро, вечер, ночь. Что же это за хлопок одной ладони? И, конечно, он понимает, ум ему говорит: Какой чепухой ты занимаешься? Это невозможно, ответ на это найти нельзя. Но Мастер настаивает: Ты должен найти.

И каждый день он должен ходить к Мастеру отчитываться, нашел ли он ответ. А Мастер порой оскорбляет, порой бьет, порой вышвыривает. И говорит при этом: Ты еще не нашел ответ! Да ты просто дурак. Сосредоточься. Напрягись. Ну-ка, поднатужься! И ученик старается изо всех сил — год, два, три, двадцать лет. Что же происходит? Ученик становится все напряженнее и напряженнее, а так как коан решить нельзя, то снять напряжение нет никакой возможности. В этом секрет коана: если бы был ответ, то напряжение можно было бы снять. Но ответа нет. Ответ невозможен, он исключен изначально.

Коан — это задача, у которой нет решения, загадка, которую нельзя отгадать. Если бы коан можно было решить, он перестал бы быть коаном. Вновь и вновь ум чувствует: Я ничего не могу. Я ничего не могу! Напряжение это все усиливается и приводит к кульминации: ревуший, грохочущий шторм, от этого возникает безумие. А ученик продолжает думать: Что же такое хлопок одной ладони? Он продолжает вопрошать ум.

Сначала ум пытается сопоставить ответы, пользуясь логикой, языком, заимствуя. И всякий раз Мастер отвергает их. Даже если ученик, войдя в комнату, ничего не говорит, Мастер говорит: Это не ответ. Ведь прийти с ответом невозможно — его нет, и Мастер это знает. И вот однажды, от полного изнеможения, от полного истощения и усталости, ум лопається, язык исчезает.

Когда исчезает и язык, когда исчезает ум, исчезает и вопрос. Кому тогда спрашивать? Когда

язык исчезает, как сформулировать вопрос: что такое хлопок одной ладони. Когда отбрасывается ум, исчезает и вопрос. Тогда наступает полный мир, глубокая тишина. Это состояние без речи.

Бывает, что ученик и не приходит. Кто теперь станет утруждать себя этим. Тогда Мастер сам приходит к нему. Или же ученик приходит к Мастеру, но не успеет он что-то сказать, как Мастер воскликнет: Вот ты и дошел домой, вот ты и достиг, вот ты и переступил барьер речи, вот ты и замолчал. От этой тишины растет знание.

Все, что вы знаете, все, что вы полагаете знанием, — чушь. Поймите, что это чушь и отбросьте это. Все заимствованное, все. Чему вы научились от других, — а все, что вы знаете, вы знаете от других, - должно быть отброшено. Это же унижительно: таскать это в себе и объявлять это знанием. Самое трудное для человека — это объявить то, что он не знает. Но это и самое достойное в человеке. Сделав это, вы впервые становитесь человеком в подлинном смысле. До этого вы были подделкой. Эти знания дают вам ложное чувство знания, но они не могут преобразить вашу жизнь. Они не дают вам ничего настоящего. Вы знаете, что хорошо и что плохо. Вы знаете, что злиться плохо, но все равно раздражаетесь. Знать-то вы знаете, но какой от этого прок? Это знание не стало частью вас самих, да и не может стать.

Знания никогда не делают вашу жизнь яснее; скорее, они еще больше ослепляют вас. Знания ослепляют, а знание — это ясность, проникновение, прозрачность. Знания стары, а знание всегда свежо, юно, оно возникает из данного мгновения. Знание, как вино, чем оно старше, тем оно лучше. И знания опьяняют тоже, как вино, - это наркотик. Они отупляют вас, делают нечувствительным, бессознательным. Знание свежо. Человек знания приходит к истине каждое мгновение, снова и снова, он не тащит за собой старое, он живет в этом мгновении, он ответственен, готов к немедленному ответу, чувствителен, чуток, бдителен, пробужден.

Знания циркулируют, они переходят из одних рук в другие и оказывают огромное влияние на людей. Люди живут — по крайней мере, стараются жить, — исходя из них. Вы все стали калеками, вы не центрированы, вы потеряли свой центр, ваши знания вывели вас из него. Ребенок центрирован, но чем дольше он растет, тем больше узнает обо всем, тем больше уклоняется, теряет центр. К старости человек совершенно забывает, где его центр.

Начните постепенно, шаг за шагом, углубляться в притчу:

Из расщелины скалы появился человек. В гуще пламени он взлетел вместе с дымом и опустился вместе с пеплом.

Даосский подход в том и состоит, что если вы соединяетесь, струитесь с жизнью, без всякого сопротивления, без всякого усилия со своей стороны, если вы следуете жизни, куда бы она ни вела... Как сухой лист, взметаемый ветром. У листа нет своих желаний, нет своего направления, нет я. Желание и направление — побочный продукт эго. Вы хотите стать кем-то, хотите чего-то достичь, что-то доказать, что-то сделать, вы хотите плыть против течения. Тогда вы — не человек Дао. Не плывите вовсе. Главное в том, чтобы плыть вместе с рекой, куда бы она ни вела, а не в том, чтобы плыть против течения. Не прорываться, не пробиваться, не пытаться управлять жизнью, лишь вздыматься и падать с нею, - тогда вы растворитесь. Как тогда может что-нибудь причинить вам вред?

Доводилось ли вам наблюдать такую сцену? Даосы продолжают рассказывать эти истории снова и снова, вы могли видеть это много раз — пьяный падает на дорогу, но без повреждений, а вы падаете и ломаете себе кости. В чем дело? Почему не разбивается о дорогу пьяный? Он валяется на дороге каждый вечер, и каждый вечер кто-нибудь да приносит его домой. А утром он снова является в контору улыбающийся и счастливый.

При наблюдении его становится совершенно очевидной одна вещь: даосы правы, потому что, когда он падал, он не осознавал себя. Когда он падал, он просто падал, не сопротивляясь. Когда падаете вы, то не просто падаете, вы стараетесь защититься, вы становитесь жестким, вы сопротивляетесь. В этом случае излишнее сопротивление опасно. Когда вы становитесь жестким, ваши кости вынуждены ломаться. Не потому, что земля стремится вас поранить, - ваше собственное сопротивление наносит вам вред.

Из этого даосского принципа возникло много искусств борьбы Дальнего Востока: айкидо, джиу-джитсу и др. Подход таков: необходимо быть расслабленным. Даже если враг наносит вам удар, поглотите его, вместо того, чтобы оказывать сопротивление, и вы не будете поражены. Это трудно, это великое искусство. Убедить себя не напрягаться, когда кто-нибудь атакует вас, трудно, потому что мы натренированы веками защищаться, драться, сражаться, прилагать усилия, чтобы выжить.

Даосский принцип состоит в том, чтобы идти с жизнью, пройти весь путь, не ставя условий. Куда бы она ни вела, идти с ней. Доверяйте жизни так, чтобы вы перестали бояться, перестаньте испытывать какой-либо страх перед жизнью. Вы происходите от жизни, вы — часть жизни, так возможно ли, чтобы жизнь подавляла вас? Нет никакой нужды быть таким запуганным, испытывать страх.

...поднимаясь с дымом и падая с пеплом, человек уходил все дальше от каменного утеса. Он шел сквозь огонь. Толпе он показался демоном. Когда огонь прекратился, человек появился так небрежно, как если не было бы огня, через который он прошел.

Это выглядит как чудо, но это чудо может произойти и с вами, это просто притча, красивая история, чтобы поведать вам нечто. Приложите ее к своей жизни: перестаньте быть скованным, не тащите свою постоянную борьбу за жизнь. Расслабляйтесь, позволяйте вещам случаться, смотрите, что происходит, и вы будете удивлены. Раз вы позволяете вещам быть, если вы начинаете жить по принципу пусть происходит, тогда вы увидите, что жизнь вовсе не враг вам, она потрясающе дружелюбна. Так и должно быть, она — ваша мать, ваш отец, ваш источник и ваша цель. Вы происходите из нее, однажды вы исчезнете в ней. К чему же страх?

В бою пропадает страх. Вне боя вы становитесь отдельной индивидуальностью. Конечно, когда вы становитесь индивидуальностью, вы испытываете тревогу. Тогда эту огромную жизнь вы принимаете как врага. В этом состоит Западный подход: Вся природа - ваш враг, она должна быть покорена. Покорение природы — как раз то, чем занимается наука в течение двух или трех столетий, и она разрушает красоту жизни. Вся экология земли разрушена из-за этих людей, которые стараются победить. Это глупо, это так, если бы одна моя рука пыталась победить все мое тело, — так же глупо. Человек, старающийся покорить землю, покорить небо, покорить природу, - это просто абсурдно. Если вы стараетесь покорить природу, вы в тот или иной день будете пытаться победить свою внутреннюю, сокровенную природу также. Это логичное следствие — вполне естественный результат. Сначала вы стараетесь покорить внешнюю природу, потом стремитесь покорить внутреннюю, но тогда вы все время пребываете в этом конфликте, в столкновении. Вы становитесь чрезвычайно эгоистичным и, конечно, ужасно нищим, чудовищно нищим, бесконечно нищим.

Нищета — это когда вы идете не в ногу со своим существом, не в ногу с сущим. Счастье — попасть в ногу. А идти в ногу с сущим так просто, потому что это естественно.

...поднимаясь с дымом и падая с пеплом... человек шагал так небрежно, как если бы не было огня, через который он прошел...

Помните: человек — это жилище сверхчеловека. Человек — не предел, человек имеет безграничные возможности, человек чрезвычайно потенциален. Человек — не только прошлое, но будущее тоже. Перед человеком бесконечная судьба, он должен расти, и он может расти до сверхчеловеческих высот, но рост не происходит от усилия. Рост происходит в согласии с природой, рост происходит через гармонию, через гармоническое взаимодействие. Рост не от конкуренции, а от капитуляции.

Вот в чем отличие даосизма от других религий. Другие религии слишком большое значение придают воле, а даосизм говорит: Воля - настоящее бедствие. Подчинитесь. Это должно прийти насколько возможно без волевого усилия. Тогда, когда вы в состоянии без желания, нет никаких проблем... все узлы спадают... и глубоко внутри вас сверхчеловеческое поднимается до своей оптимальной высоты.

В этом я провожу различие между просто человеком и человеком. Просто человек — это свершившееся. Человек — это процесс. Просто человек — статичное понятие. Человек — понятие роста, развивающееся понятие, движение. И человек является тем, кто

действительно перерастает в человека сверх, а просто человек — это тот, кто погружен в сон, не движется никуда, просто увядает и умирает.

Начинайте движение. Человек нарицательный — как лед. Человек, пробудившийся подобен реке... лед растаял. А когда река течет, ей предназначено достигнуть океана. Назначение реки достигнуть океана, и она достигнет — нет нужды ни в каких картах. Река просто течет, не зная, куда она направляется, и однажды она достигнет. То же происходит и с сознанием, с током сознания. Просто плывите, расслабившись, не спеша, не беспокоясь. Спокойно владея собой, в глубокой гармонии с природой... Плывайте и в один прекрасный день вы достигнете. Просто доверьтесь течению, и вы достигнете.

Чао Сиань-Цу спросил человека, как он проникает в камень и проходит сквозь огонь.

Это естественно. Мы тоже спросим: Каким образом? Как ты этого достигаешь? — Метод, технология. Будду снова и снова спрашивали: Каким образом ты этого добился? И Будда отвечал: Я достиг этого, только когда отбросил все пути — путем без пути. Когда я применял какой-нибудь способ, я не достигал ничего. В течение шести лет я напряженно боролся. Я делал решительно все, что мог, и терпел неудачи. И чрезвычайно обманывался. Потом однажды уже не осталось ничего, что не было бы испытано. Я сделал все, что было в человеческих силах, больше не оставалось ничего, и я расслабился, и в этот же момент я достиг. Поэтому, когда вы спрашиваете меня о способе, вы ставите меня в трудное положение, потому что достиг я только тогда, когда отбросил все пути.

Это одно из величайших откровений, и это один из основных принципов Дао по отношению к жизни: никогда не спрашивать каким путем? Если спросите, ваш вопрос будет неверен. И вполне возможно, что какой-нибудь глупец даст ответ. Дурак всегда найдется. Если вы зададите дурацкий вопрос, вы обречены получить дурацкий ответ. Люди с большой готовностью дают ответы и советы, но если вопрос ложный, ответ неизбежно тоже будет ложный, потому что только ложный ответ соответствует ложному вопросу. Если вы зададите ложный вопрос, и я дам вам правильный ответ, вы подумаете, что я ответил невпопад. Вы спросили одно, а я говорю о чем-то другом, совсем ином. Это случается снова и снова.

Запомните, не задавайте ложных вопросов, иначе найдутся священники и пандиты, и они снабдят вас ответами. Они обманывают человечество, потому что люди задают ложные вопросы, не подозревая об этом. Потом священники дают ложные ответы и эти ложные ответы прекрасные, прекрасно подходят к вашим ложным вопросам, и так они вас обманывают.

Любое желание есть напряжение. Расслабление не есть что-то такое, что вы должны делать. Когда вы не делаете ничего, тогда это приходит: оно приходит, когда вы в неделании, вся штука в неделании. Если вы что-нибудь предпринимаете, вы все испортите.

Абсолютно неверно говорить кому-то: Ты должен расслабиться! Это почти то же самое, что подойти к сумасшедшему и сказать: Ты должен быть нормальным. Что ему тогда делать? Он сумасшедший. Он может сделать большое усилие, чтобы стать нормальным, но он станет еще безумнее. Он безумен потому, что напряжен, а вы заставляете его стать еще более напряженным, более чем он был раньше. Это не выход.

Дао говорит: Отбросьте все способы достижения. Все способы — достижение ума. Дао появляется тогда, когда нет способа, нет воли. Когда вам некуда идти, нет цели для достижения, нечем становиться, некуда прибывать, тогда что вы будете делать? Вы просто шлепнетесь, растворитесь в существовании. Как раз в этот момент вы преодолеете человеческую природу, вы станете сверхчеловеком.

Император спросил человека, каким образом он проходит сквозь огонь и проникает в камень.

— Что же такое это, что ты называешь камнем и огнем?

Что за наивность! Он не знает, что такое камень и что такое огонь. Этот человек, должно быть, подобен ребенку. Это идея, даосская идея, что человеку нужно быть достаточно непосредственным, облаком незнания.

— Что такое это, что ты называешь огнем и камнем?

— То, из чего ты вышел — это камень, то, через что ты прошел — это огонь.

— Я не знал этого, — сказал человек.

В его незнании заключается знание, потому что он был в состоянии незнания, когда нет барьеров. Как может жечь огонь, если вы не знаете, что это огонь и что он жжет.

Если вы хотите действительно понять, вы можете обратиться к гипнотизеру. Он может провести с вами эксперимент в глубоком гипнозе. В состоянии глубокого гипноза вы можете взять в руку обыкновенный камень, и если он скажет человеку в этом бессознательном состоянии: Это раскаленный уголь, обжигающий, горячий, вы можете обжечься. А это обыкновенная галька и холодная, но когда он положит ее на ладонь человеку, он получит ожог, и его рука будет выглядеть так, будто бы в ней был действительно раскаленный уголь. Что случилось?

Вы можете сделать все наоборот: можете положить раскаленный уголь на его ладонь, и сказать, что это просто холодный камень, и он не обожжется. Теперь это проверенный научный факт. Что происходит на самом деле? Когда вы прикладываете к руке человека раскаленный уголь, почему он не получает ожога? Если огонь жжет, тогда человек должен обжечься. Какая разница — в сознании он или без сознания, загипнотизирован или не загипнотизирован? Какое имеет значение, если вы говорите, что это холодный камень? Как вы меняете ситуацию своими словами?

Вы создаете свою реальность, веря в нее. Реальность такова, какой вы ее себе представляете. Ваша вера создает вашу реальность. Если ваша вера изменяется, меняется и ваша реальность. Человек живет в очень нереальной реальности, в этом и состоит смысл индусского слова майя. Майя означает нечто волшебное, майя означает, что того, что мы видим, нет. Мы живем в майе, мы живем в очень иллюзорном мире. Мы создаем наш собственный мир.

Вы можете отправиться в леса Индии, где еще живут примитивные общины. Они имеют свои системы верований. Вы будете удивлены, что эти системы работают. Кто-нибудь из них может убить другого человека, который принадлежит к этому примитивному обществу, совершив определенный ритуал. Если он хочет убить кого-то, не принадлежащего к этому примитивному обществу, он не сможет это сделать, но он может убить другого, кто принадлежит к этому обществу, потому что система верований у них одна и та же. Однажды человек узнает, что проделан определенный ритуал, который всегда убивает людей, и он умирает. Он просто впадает в состояние смерти.

В одна тысяча девятьсот пятьдесят втором году в Америке был принят маленький закон — антигипнозный акт, потому что в некоторых университетах некоторые студенты просто из любопытства проводили эксперименты. Четверо студентов провели такой эксперимент в своей комнате: один лежал на кровати, а трое остальных гипнотизировали его. Парень, который был загипнотизирован, должно быть, обладал выдающейся способностью, он наверняка был медиумического склада: он впадал в действительно глубокое гипнотическое состояние, которое встречается очень редко. Приблизительно тридцать три процента людей поддается гипнозу, из них не более чем три процента впадает в глубокое состояние гипноза. Таким образом, из ста человек только один поддается глубокому гипнозу, впадает в глубокий транс. Остальные тоже впадают в транс, но остаются где-то в пограничном состоянии. Они будут делать только то, что сами хотят. Если вы прикажете им сделать что-либо, с чем они не согласны, они немедленно выйдут из гипнотического состояния. А этот парень, должно быть, один из тех редких трех процентов людей. Трое гипнотизировали его, они играли, просто шутили — прочитали книгу и решили попробовать. Это было просто совпадение, что парень был очень восприимчив, гипнобилен. Они говорили ему многое, и он все выполнял, а потом вдруг одному из них пришла в голову идея и они сказали ему: Теперь ты мертв. И парень умер. Тогда они попытались вернуть его назад, но если человек умер — он умер, и гипноз не может на него воздействовать. Гипноз выявляет одну вещь: если глубоко верите во что-то, это начинает действовать на ваше сознание, на ваше бытие — это становится реальностью. Реальность не всегда реальна: обычно то, что вы считаете реальным, на тридцать процентов — воображение, но оно работает как реальность.

Будда определил реальность как то, что работает, и это определение действительно полно

смысла. Если кто-то будет обожжен в глубоком гипнотическом трансе, хотя вы вложили ему в руку холодный камень, то это потому, что этот камень будет огнем для него. Все, что работает, реально. Если это сработало, он будет лечить рану много дней, потому что сознание поверило в это, тело поверило в это, и тогда оно действует.

— Я не знал этого, — сказал человек.

Вы, должно быть, слышали о ходящих по огню. Они спокойно ходят, благодаря глубокой убежденности: они верят, что огонь не будет жечь, они движутся в глубоком гипнотическом трансе. В Индии много таких. На Цейлоне есть группа ходящих по огню — буддийские монахи. Они раз в год собираются у храма Канди и ходят по огню. Они верят, что Будда защитит их и это, конечно, работает. Не то, что Будда защищает, но если вы считаете, что Будда защищает вас, тогда работает вера — защищает ваша вера.

Подобная группа была приглашена в Оксфорд, и они выступали там. Тысячи людей наблюдали, а профессор философии, обыкновенный человек, просто наблюдавший весь феномен, был так очарован, что, не говоря никому ни слова, прыгнул в огонь, ходил по нему и не получил ожогов. Что случилось? Ни Будда, ни Христос ему не помогали, просто он видел, что тридцать человек смогли пройти, и он подумал: Тогда в чем же дело? Я тоже человек, а это в человеческих силах. Замечательная идея, что это в человеческих силах, стала глубоким убеждением. В ней не было сомнения. Он прыгнул без колебания и смог пройти.

Я вовсе не говорю, что вы должны пойти и ступить в огонь, но понаблюдайте за своей жизнью, и вы увидите: многое оказывается возможным только потому, что вы верите, многое не удастся потому, что вы не доверяете. Многое невозможно потому, что присутствует сомнение, многие вещи становятся возможными, потому что есть уверенность. Вы сами создаете свою реальность. Посмотрите на величие человеческого сознания: вы создаете свою реальность, вы — центр вашего мира. Вы создаете ваш мир, вы цепляетесь за ваш мир. Если у вас неудачи, помните: это вы сами создали их. Если вы счастливы, хорошо запомните, что вы сами создали счастье. Это ваш мир: вы можете создать счастливый мир, а можете создать и несчастливый. Ад — это привычка создавать вокруг себя несчастный мир, рай — другая привычка, привычка создавать вокруг себя счастливый мир. И нирвана означает понимание того, что все, созданное умом, бесполезно. Почему не направиться внутрь того, что не создается умом? Это — абсолют. Тогда не будет ни счастья, ни страданий, ни хорошего, ни плохого, ни рая, ни ада.

— Я не знал этого, — сказал человек.

Он вошел в огонь, но не сгорел. Огонь обжигает только потому, что в вас существует идея, что он жжет. На самом деле обжигает идея, а не огонь. Вы можете убедиться в этом на простых вещах.

Когда западные люди приезжают в Индию, они начинают страдать от многих болезней: дизентерии, поноса, желтухи. Они очень боятся местных антигигиенических условий! Вода нечиста, в научном понятии нечиста, но индийцы веками жили на этой воде и не было никаких проблем. Но когда вы приходите с идеей, что эта вода не чиста, и вы ее пьете, то вы пьете вашу идею и это опасно, более опасно, чем негигиеническая вода, это внушение. Каждый раз, когда вы пьете воду, происходит внушение: вы осуществляете самогипноз. Так долго вы не сможете выдержать, вы поддадитесь и у вас будет желтуха. И когда вы заболите желтухой, ваша старая идея, конечно, еще больше укрепитя: Все правильно, вода нечиста. Индийцы не мучаются оттого, что вода нечиста. Вы можете просто поехать в индийские деревни. В одинаковых маленьких прудах буйволы, коровы, волы наслаждаются, занятые своим делом, а человек делает свое — все идет своим чередом и никто не беспокоится, ни у кого нет никаких идей.

Я был однажды в первобытной общине в Бастаре. Женщины идут в поле, если работают там, или в лес, и вдруг — родовые схватки, и они рожают. Никто не смотрит за ними, нет никакой госпитализации, ни сестер, ни докторов, вообще никакого человека. Женщина может работать в поле одна, ребенка пристроить в поле под деревом и продолжать работать снова. Никакой боли, ничего такого вообще: они даже не слышали о боли, от которой страдает каждая цивилизованная женщина. И поскольку они ничего не слышали, они не страдают.

Цивилизованная женщина страдает очень сильно: чем цивилизованней страна, тем больше. В самом деле, цивилизованная женщина непрерывно думает в течение девяти месяцев: День приближается... день приближается... роковой день приближается. Она продолжает себя гипнотизировать и внушает. Тогда, конечно, так и происходит. Вы это создаете — девять месяцев продолжается внушение, и постепенно вся энергия накапливается и тогда боль, ужасная боль.

Вы, может быть, не знаете, но есть амазонское племя, в котором страдают от боли не только женщины, но и мужчины. Мужья?! — воскликнете вы. Да, в течение веков эта идея укоренилась в племени, и это оказалось вполне логичным и справедливым. Я думаю, что только мужеподобные женщины должны были согласиться с этим. Почему должна страдать только женщина? Почему не должно быть равенства? И когда наступают роды, женщина ложится на койку, а на другую ложится ее муж, и они оба страдают! И, конечно, когда страдает мужчина, он страдает больше. Он более сильный и визжит громче, и кричит громче, и ругается больше. Он побеждает женщину! И вы не подумайте, что он просто притворяется, вы ошибетесь — он не притворяется, все происходит на самом деле. Туда приезжали доктора, они наблюдали, они проводили медицинский осмотр: действительно, тело испытывает боль и судороги, все происходит на самом деле, потому что века они жили с убеждением, что ребенок принадлежит обоим, и страдать должны, естественно, оба.

Сейчас, когда люди начали посещать это племя и говорить им: Послушайте, это глупо, в нашем обществе мужья никогда не страдают, — и они не могли поверить этому. Они говорили: Разве это возможно? Этого не может быть! Это кажется абсурдным им, как нам кажется абсурдным другое. Если вы отправитесь в Бастар и расскажете, что ваши женщины очень мучаются при родах, они рассмеются и скажут: Как глупо. Это же совсем не больно.

Теперь в некоторых западных странах, в частности, во Франции вновь открываются роды без боли. Ряд врачей работает над этим, и тысячи детей родились без какой-либо боли, но снова гипноз, идея, надо глубоко заложить в женщину, что все происходит без боли. Если эта идея укрепится, не будет боли. Вы живете в созданном вами мире.

Я еще не способен раскрыть свое сердце и выбросить ученость.

Это основной барьер. Он был пандит, но должно быть, искренний и честный человек. Он не защищал свою ученость, он понимал свое невежество. Он говорил: Я не человек знания, я просто ученый.

Ученость в дисгармонии с существованием. Знать — это пренебречь прежними представлениями. Быть обремененным ученостью означает быть далеко от реальности.

Я еще не способен раскрыть свое сердце.

Некоторые спрашивали себя: почему пусто мое сердце? Сердце пусто, потому что ваша голова слишком полна. Опустошите ум... ваше сердце наполняется, это та же энергия. Если начинает голова, сердце остается пустым. Если голова не наполняется, энергия поступает в сердце. И только тогда, когда ваше сердце полно, вы сами полны. Только тогда ваше сердце полно, вы распускаетесь, как цветок.

Почему этого не делает ваш Учитель? — спросил маркиз Вен.

Мой Учитель один из тех, кто хотя и умеет это делать, способен и не делать этого. Это — вершина магии. Совершать чудеса — дело великое, но недостаточно великое. Совершать чудеса — значит, еще пребывать в мире эго. Настойчивое стремление их совершать означает, что вы еще отделены от реальности. Настоящее величие настолько естественно, что не стремится ничего утверждать, оно так естественно, что никогда не старается ничего доказывать.

Мой Учитель один из тех, кто хотя и умеет это делать, способен и не делать этого.

Это даосская концепция настоящего Мастера: настоящий Мастер никогда не совершает чудес.

На Западе христиане продолжают доказывать, что Иисус совершал чудеса. Если вы спросите даосов, буддистов, они станут смеяться. Эти люди, скажут они, оскорбляют Иисуса. Если это правда, что он совершал чудеса, тогда это просто доказывает, что он не был настоящим Мастером. Будда никогда не совершал никаких чудес. Но они тогда просто

фантазируют, нагромождают ложь вокруг Иисуса? Нет, иногда чудеса происходят вокруг Мастера — это возможно, но не он совершал их, с ним это происходит снова и снова.

Пришла женщина. Она коснулась одежды Иисуса и выздоровела. Он оглянулся, и женщина, благодарная ему, сказала: Я тебе очень благодарна. Ты вылечил меня. А он ответил: Не говори таких вещей. Твоя вера вылечила тебя. Это очень верно: не одежда Иисуса лечила, а ее вера. Иисус вовсе не совершал ничего, это ее вера.

Мой Учитель один из тех, кто хотя и умеет это делать, но может и не делать этого. Ма р киз Вен был в восх и ще нии от этого ответа.

Ответ был прекрасным, он был им восхищен. Конечно, быть восхищенным — не значит быть просветленным. Это просто школьный ответ человека, кто сам ничего не знает, кто только знает о. Да, ответ восхищал, но если бы он исходил от человека знающего, он сделал бы его просветленным.

Восхищение — просто развлечение. Хорошо слушать великие, ничего с собой не несущие истины. Просто слушать великие истины не много дает до тех пор, пока вы не услышите что-то потрясающее, такое вообще, что это будет трансформацией, — через это вы получите просветление.

Это зависит от двух вещей. Первое, должен быть человек, который сам все постиг на свете. Далее, должен быть кто-то, кто готов принять это с открытым сердцем. Всякий раз, когда это редкое сочетание появляется, т.е. есть человек, который знает, действительно знает, — не через ученость, а через собственный опыт, — и есть ученик — открытое понимающее сердце, всякий раз, когда возникает это сочетание, там появляется свет... и просветление.

Глупый, слушающий меня, добавит себе учености. Умный человек отбросит в себе всю свою способность к накоплению знаний и станет невежественным, а глупец будет накапливать знания и станет более ученым — это зависит от вас. И запомните: просто понимая вещи через интеллект, вы их не меняете, но если вы поняли что-то тотально, то проблемы больше нет, — в глубоком понимании проблема исчезает, а если проблема остается, это показывает, что понимание было только интеллектуальным. Логически вы понимаете: Я прав, но кто живет логикой? Логикой не живет никто. Логика вам подсказывает, что гнев ни к чему, но если вас кто-то оскорбляет, вся логика забыта, — тогда поднимается гнев. Каждый раз, когда вы влюбляетесь, вы поступаете вопреки логике. И как только любовь проходит, вы опять думаете: Это — глупо, это — сумасшествие. Никогда больше. Черт с ней, она путает все планы, вы устали. Но спустя несколько дней, вы забываете все эти крушения — черт возьми, все может устроиться. Снова лицо возлюбленной становится милым, она снова кажется небесным созданием, вы снова попадаете в ловушку — логика забыта, ну кто живет в согласии с логикой?

Когда вы понимаете меня логически, это ни к чему не приводит. Логика никогда никого не изменила, потому что все вы находитесь под властью бессознательного, а не сознания. Когда вы понимаете, что накопление знаний тщетно, что это поверхностно... но тщательно собранные знания — значительный вклад, из-за этих знаний вы чувствуете свою важность, из-за этих знаний вы — кто-то... знаниями поддерживается и укрепляется ваше эго, благодаря этим знаниям вы можете испытывать высокомерие — высокомерие по отношению к тем, кто этого не знает, из-за этого запаса знаний вы стремитесь иметь преимущество — все это заложено в них. До тех пор, пока вы не избавитесь от этих накоплений, сумма знаний не может быть отброшена.

И главное, привычки отмирают с трудом, а привычка к накоплению знаний — древнейшая привычка, и это наиболее опасная привычка, которую человек приобрел. Курение, выпивка, азартные игры — ничто в сравнении с ней. Это самая опасная привычка, потому что она препятствует вашему видению, вашему вхождению в глубокий контакт с реальностью, — это величайший барьер, китайская стена. Но привычки отмирают с трудом, запомните это, а она — древнейшая, самая продолжительная привычка.

Старый игрок говорил своему сыну, лежа на смертном одре:

— Сын, обещаю тебе никогда не прикасаться к картам, особенно — никогда не играть в двадцать одно очко. Это игра, которая может тебе стоить состояния, может лишить тебя

времени, разрушить здоровье, обречь тебя на боль и страдания. Обещай мне здесь, на смертном одре, именем ангела милосердного, парящего надо мной, и мудростью Бога всевышнего, что ты никогда не будешь играть в двадцать одно очко, что никогда не коснешься игральных карт.

— Да, отец, — пробормотал благочестивый сын.

— И помни, — воскликнул старый игрок, — если тебе придется играть, всегда уверенно снимай банк.

Старая привычка: игрок есть игрок. То, что он говорит, не много стоит, — глубоко внутри он старый игрок. Вся торжественная церемония просто поверхностна, а страсть к игре не исчезла. Глубоко изнутри, из бессознательного, возникает эта привычка:

— И помни, — восклицает старый игрок, — если тебе придется играть, всегда уверенно снимай банк.

Вы слушаете меня, слушаете это бормотание, шепот Дао. На мгновение слабый свет возникает на поверхности вашего сознания, он светит не долго, это мерцающий свет, он приходит и уходит. В этом мерцающем свете вам на мгновение кажется, что вы понимаете, но из глубин вашего бессознательного придет гигантский шторм и легко погасит этот слабый свет.

Я слышал об одном истинном джентльмене...

Одно место было поражено эпидемией краж, организованных неизвестным вором-джентльменом. Однажды ночью Сэдди проснулась и стала трясти Джимми:

— Джимми, в доме взломщик, — говорила она.

— Нет никого, — произнес Джимми сонно, — иди спать, дура.

Вдруг из стенного шкафа выпрыгнул человек.

— Это слишком, — воскликнул он, — сейчас же извинитесь перед леди.

Джентльмен есть джентльмен, даже если он становится взломщиком... привычки отмирают с трудом, они сохраняются в глубине.

Наблюдение, которое исходит изнутри нас. Будьте более наблюдательны в этом смысле — это покажет вам глубоко укоренившиеся привычки, и вы будете вынуждены познакомиться с ними со всеми. Я не призываю вас воевать против них, нет, я не призываю отбросить их с усилием, нет. Все, отбрасываемое с напряжением, мстительно возвращается назад. Никогда не боритесь с какой-нибудь старой привычкой, потому что борьба создает конфликты: вы будете воевать с самим собой, просто поймите. Станьте более наблюдательным.

Теперь вы должны понять одну вещь: набор знаний бесполезен, это просто взгляд мельком. Теперь переведите этот взгляд на ваше бессознательное. Наблюдайте. Когда бы вы не стали проявлять ваши знания, поймите, почему это происходит. Каковы глубинные мотивы? Всматривайтесь в мотивы и вы обнаружите мотивы за мотивами мотивов. Когда вы придете к пониманию всех мотивов и всех установок, когда вы просмотрите все это, окружающее вас в вашей жизни, вы вдруг увидите, что с пониманием исчезают привычки. Нет нужды бороться, нет нужды прилагать какие-либо усилия.

Существуют два типа людей: одни — это те, которые, если понимают что-то интеллектуально, начинают думать, что они поняли. Они дурачат сами себя. Рано или поздно случай покажет им, что понимание было поверхностно. Царапните немного, и эта реальность распадется.

Другие — это те, которые не обманываются этим поверхностным взглядом. Это маленькое окошко, важное, но недостаточное само по себе. Это должно быть введено в глубины вашего бытия, но это введение означает, что вы должны наблюдать за всем, что происходит перед вашим взглядом. И наблюдать без суждения, не вступая в конфликт, просто наблюдать и видеть, что есть что. Однажды, когда вы узнаете, кто есть кто и что есть что, внутри вас вещи начнут изменяться и это изменение будет удивительно для вас, потому что вы не сделали ничего такого, что должно изменять непосредственно. Это приходит как сопутствующий результат, как следствие понимания.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Возлюбленный Бхагаван, этот ашрам представляется мне как оазис в пустыне, а в центре оазиса — источник кристально чистой воды - не мираж — и этот чистый источник — Бхагаван. Но в границах оазиса под пальмами проводятся иногда очень странные игры. Я знаю: играть — прекрасно для детей, это помогает им расти и расширять свое понимание мира, но иногда игры выходят из-под контроля, они могут быть скорее вредными, чем добрыми, и я считаю, опасными. И к тому же жаждущие пилигримы, пересекающие пустыни в поисках воды, видят в первую очередь, может быть, эти странные игры и уходят, сбитые с толку, даже не удовлетворив жажды. Я говорю себе: Не судите, да не судимы будете, но я немного встревожен, пожалуйста, объясните.

ОТВЕТ: Во-первых, что бы ни произошло здесь, - определенно странная игра. Во-вторых, чтобы ни происходило в секретности под пальмами, - часть меня. Запомните, что всегда все, что здесь происходит, мне прекрасно известно. Ничего не делается без моего контроля, что бы ни происходило. Я достаточно ослабляю вожжи и кажется, что все происходит совершенно свободно, но это не так, просто вожжи достаточно длинные. Таким образом, это не приводит к какому-то опасному результату. Опасность проявляется только тогда, когда присутствует насилие, — при свободе нет опасности.

Да, детям не может быть предоставлена полная свобода, не потому что полная свобода опасна, — нет, свобода никогда не бывает опасной, но дети несведущи: полная свобода может быть для них самоубийством, поэтому длинна веревочка, но она в моих руках. Я жду момента, чтобы человек созрел, тогда веревочка полностью отбрасывается, отбрасывается прочь, тогда он получает полную свободу. Чтобы сделать человека способным к полной свободе, свобода должна быть дана, иначе как он научится действовать? Чтобы сделать человека действительно свободным, предоставленным самому себе, ему позволено много вещей, но что бы ни позволялось, все позволено исключительно сознательно.

Новому человеку может показаться, что игры могут быть опасны, но вы можете мне довериться. Эти игры не могут быть опасны, напротив, они помогут вам избежать всех опасностей. Настоящая опасность приходит от насилия, и никогда — от свободы. Если вы подавляете что-то, рано или поздно это приведет к взрыву. Это будет день вашего сумасшествия или взрыва — самоубийства, или вы убьете кого-нибудь, или сделаете что-либо еще. Человечество слишком доверяется технике подавления, поэтому вся Земля стала почти, что сумасшедшим домом. Это сумасшествие скопилось внутри человеческого ума и должно быть удалено, поэтому все эти, так называемые опасные игры, здесь и играют. Сумасшествие нужно выводить медленно и систематически.

На воротах суфийского дома в Исфахане (Иран) нанесены такие слова Хуаяха Эсмата Бохарая:

Это не Кааба для идиотов, чтобы крутиться,
Не мечеть для грубиянов, чтобы шумно завывать,
Это — храм полного разрушения.
Внутри — пьяные от предвечности до судного дня,
Унесенные от самих себя.

Прислушайтесь к этим словам. Но школа Хуаяха была маленькой, Снаружи никто не знал, что происходит внутри. Великие вещи делались там, проводились великие игры, но это была очень секретная школа. Такие секретные школы существовали всегда. Иисус обучался в одной из таких маленьких школ, в ордене ессеев. В дзенских монастырях, в даосских монастырях Китая маленькие группы существовали всегда, работая вместе в глубоком секрете и уединении.

Здесь впервые отброшены все секреты и уединение по одной определенной причине: теперь нет времени для секретов, потому что человечество на таком опасном перепутье, что оно, возможно, не будет существовать за пределами этого века вообще. В прошлом, было достаточно времени, можно было играть в секреты, но сейчас это невозможно. Все секреты должны быть сделаны достоянием всех и каждого, поэтому я отбросил всю секретность прочь. Моя истина состоит в том, чтобы принести вам правду, как бы опасна она ни была, обнаженной, насколько возможно, потому что на карту поставлено все человечество. Чтобы

научить человека, как быть свободным в здравом уме, мы должны предоставить набор сумасшедших игр. Через эти сумасшедшие игры накопленное безумие должно быть вычищено, проработано, выброшено наружу, поэтому вы видите здесь так много игр. Но ничто не происходит без моего наблюдения.

Я могу не выходить наружу. Я никогда не покидаю моей комнаты. Я никогда не хожу в ашрам посмотреть, что там происходит, потому что там нет нужды в моем физическом присутствии, ибо сидя у себя в комнате, я наблюдаю все, что там происходит. Я прекрасно осведомлен, вы не должны беспокоиться. Я знаю, вы спросили от любви.

А люди, которые иногда, может быть, приходят, пугаются и возвращаются назад, — не мои люди, так что это — не потеря. Если вы действительно жаждете в пустыне, вас не будет беспокоить, что за игры происходят в окрестностях оазиса, вы просто устремитесь в оазис. Если вы не жаждете, тогда лишь вы уходите назад. Это так просто, арифметически просто. Если вы действительно жаждете, тогда что другое беспокоит вас? Просто представьте себе: несколько дней подряд вы томились от жажды в пустыне, не видели даже одинокого дерева, никакой зелени, все вокруг пылало огнем. И вдруг вы приходите к оазису с прекрасными пальмами. Вы подходите ближе, но под деревьями происходят сумасшедшие игры. Будет это вас беспокоить? Вы скажете: Я потом осматриваю все это, сначала позвольте мне пройти в оазис, сначала позвольте мне досыта напиться, исполнить мое сокровенное желание. Тогда я смогу осмотреть, что происходит вокруг.

Действительно, вы даже не будете в состоянии увидеть, что происходит вокруг, вы увидите только воду, вы увидите только шум бегущей воды. Вы позволите там сумасшедшим петь, танцевать и поступать, как им заблагорассудится. Вы скажете: Сначала позвольте мне утолить жажду, а потом я устроюсь под пальмой и посмотрю, что здесь происходит, но не раньше. И если вы находите, что кто-то напуган и бежит прочь от оазиса, тогда ясно только одно: он не испытывает жажды. Он, возможно, думает об оазисе, это может быть, любопытство, но это — не жажда.

Они не для меня: ни этот мужчина, ни эта определенная женщина.

Это не Кааба, чтобы кружиться, для идиотов.

Это не мечеть для грубиянов, чтобы шумно завывать.

Это — храм полного разрушения.

До тех пор, пока вы не готовы умереть, лучше для вас не быть здесь, потому что только через смерть возможно воскрешение. До тех пор, пока вы не готовы переродиться, не отнимайте у меня времени.

Это храм полного разрушения.

Внутри пьяные от предвечности до судного дня,

Унесенные от самих себя.

Только те, кто готовы отбросить все эго и самость, свои суждения, свою рациональность, свой интеллект, только те, кто готовы отсечь свои головы, будут способны понять, что здесь происходит. Я также заинтересован только в таких сумасшедших.

Он есть храм тотальных руин, но только если вы полностью умрете, вы возродитесь как новое существо, как новый человек, как новая энергия. Независящий от прошлого, необусловленный прошлым, вы станете таким же свежим, как капли утренней росы, и только тогда вы узнаете, что есть Бог. Только в той девственной свежести вы узнаете, что есть Бог, только в той невинности, изначальной невинности вы вступите в контакт с реальностью.

Когда человек становится религиозным из-за жизни — это истинная религиозность. Когда человек становится религиозным из-за смерти — это не истинная религиозность.

Здесь вы найдете молодых людей и даже, если встретите пожилых, вы посчитаете их очень молодыми. Действительно, быть старым здесь, среди моих молодых саньясинов, почти невозможно. Если старый человек может выносить этих людей, это просто означает, что он молод, духовно молод. У него качество юности, он еще не мертв. Тело, может быть, состарилось, но дух его молод, отважен, мужествен.

Тишина существует вместе со звуком; если исчезнет звук, исчезнет и тишина. Тишина существует как промежуток между двумя звуками. Если исчезает звук, исчезает и тишина.

Есть состояние тишины, и есть состояние за пределами звука и тишины. В присутствии человека, который действительно Мастер, — а когда я говорю действительно Мастер, я подразумеваю: тот, чье присутствие может помочь ученикам, — не обязательно поступками, делами, — само его присутствие уже катализатор — в его присутствии что-то происходит.

Когда с вами что-то происходит, я не чувствую, что это сделал я. Я здесь не для того. Я просто знаю, что случилось. Если вы позволяете, что-то будет происходить в присутствии Мастера, когда вы позволяете это, и тогда он — Мастер. Вот что я имею в виду, когда говорю Мастер: не делающий... просто его присутствие помогает вашему перерождению. Он не нуждается в учениках, это лидер нуждается в последователях — в этом разница между лидером и Мастером. Мастер — не лидер. Лидер не существует без последователей, лидеру последователи нужны больше, чем последователю лидер. Лидер продолжает убеждать последователей: Я очень нужен, но он зависит от последователей. Лидер есть последователь последователей. Он смотрит, что они хотят, и делает это. Запомните: Иисус является Мастером, священник — лидер.

Мастер — тот, чьи желания исчезли, кто сам исчез... за что же могут уцепиться желания? Чтобы удерживаться, желаниям нужно эго. У Мастера нет желаний, поэтому здесь вы или нет, — никакой разницы.

Посмотрите на это так — утром встает солнце, и расцветают цветы, и поют птицы. Если не раскроется ни один цветок, это не будет иметь никакого значения для солнца, оно будет продолжать всходить. Есть миллион звезд, где не распускаются цветы, но солнце продолжает светить. Цветок не может распуститься без солнца, это определено, но солнце будет продолжать светить и без того, чтобы распускались цветы. Мастер — просто свет. Хорошо — если вы открываетесь, если же ваш цветок не распускается в его присутствии — тоже хорошо. Нет разницы между этими двумя случаями: если разница есть, тогда мастер все еще лидер, а не Мастер.

Цветок распускается в глухом лесу. Никто никогда не пройдет мимо, но аромат все же будет распространяться вокруг. Он не ждет путешественника, не ждет никого, кто придет и оценит, — подход вообще не таков. Если кто-то придет и оценит — хорошо; если никто не придет и никто не оценит — это так же хорошо, как и первое, нет никакого отличия, никакой разницы.

Мастеру не нужен ученик. Действительно, человек является Мастером только тогда, когда ему не нужен ученик. Если он еще страстно желает ученика, тогда значит, он сам еще спит и храпит. Избегайте его! Бегите от него!

ВОПРОС: Я по-прежнему чувствую склонность к обоим (негативному и позитивному) путям, но вы говорите, что невозможно придерживаться обоих путей.

ОТВЕТ: Я сказал, что это невозможно, но я не говорил, что если вы очень постараетесь, то не сможете добиться хотя бы небольшого успеха. Если вы очень постараетесь, действительно будете упорны, вы можете добиться небольшого успеха. Даже невозможное, может стать возможным, если вы действительно упорно работаете. И я знаю: вы можете работать действительно упорно, потому что вы сделали много невозможных вещей действительно возможными.

Например, невозможно быть несчастным. Напряженным усилием и упрямством вы сделали это возможным. Быть счастливым — естественно, быть несчастным — противоестественно. Для этого нужно действительно много сил, способностей, умения, энергии; чтобы стать несчастным, нужна длительная практика. Я просто удивлен — это чудо. Как вы этого добились? На самом деле этого не должно быть, но человек — очень странное существо, он способен на все.

Я говорю, что трудно придерживаться двух путей — негативного и позитивного, — потому что они диаметрально противоположны, но вы можете попытаться.

Послушайте этот анекдот.

Весьма толстая дама появилась в театре прямо перед началом представления, протянула билетеру два билета.

— Где ваш спутник? — спросил билетер.

— Видите ли, — сказала леди в смущении, — одно место довольно неудобно, поэтому я

купила два, но оба они на самом деле для меня.

— Мне все понятно, миссис, — ответил билетер, почесывая затылок, — но вам не повезло, ваши места пятьдесят первое и шестьдесят третье.

Придерживаться этих двух путей невозможно, это точно, но вы можете менять их: один день вы на позитивном пути, другой день — на пути отрицания. Ваше сознание так противоречиво, что для вас это окажется возможным. Поэтому один день — вы что-то делаете, на другой день вы это разрушаете. Но вы непременно обнаружите, что по-прежнему остаетесь на том же месте, где пребывали всегда, вы не сдвинулись ни на дюйм. Днем вы создаете дом, ночью его разрушаете — дом никогда не построится. Вы можете делать и то и другое: вы можете стать строителем и разрушителем одновременно, но это невозможно.

Тот, кто еще пытается искать, не может придерживаться двух путей. Тот, кто еще не достиг... для него лучше сделать выбор. Это будет более практично: тогда будет меньше сомнений, конфликтов, шизофрений. Никогда не выбирайте две противоположные вещи вместе, иначе они создадут раскол в вашем бытии.

Беседа седьмая

ВНУТРЕННЕЕ ЕДИНСТВО

Быть — значит упустить Дао. Быть — упустить целое. Быть — означает быть разделенным, поэтому не быть — вот выход. Быть — это сбиться с пути, не быть — вернуться домой. Когда вас нет, есть Бог; когда вы есть, Бога нет. И никогда эти двое не существуют вместе. Они не могут быть вместе по своей исконной природе. Просто как свет и тьма не могут существовать вместе: если есть один, другого нет.

Поэтому основа, глубокая основа Дао означает быть в состоянии не бытия, что буддисты называют анатта — состояние не-я. Пустота, глубокое ничто, никого внутри... тогда вы действительно есть.

Помните: есть три уровня вашего бытия — тело, разум и собственно я, а за этими тремя — ваше не-я. Поэтому для эго есть три возможности утвердить себя. Оно утверждает себя либо на уровне тела: красивое тело, сильное тело, у меня наиболее привлекательное тело. Кто-то — королева красоты, мисс Вселенная, а кто-то — Мохаммед Али, величайший мужчина, мистер Космос. Эго может утверждаться на уровне тела. Если оно утверждается на уровне тела, оно становится животным. Все ваши борцы, знаменитые борцы, не что иное, как наибольшее приближение к своей животной части, поэтому, когда вы видите тело мистера Космоса, вы можете это почувствовать: он выглядит скорее как животное, чем как человеческое существо. Конечно, он очень силен физически. Эго его утверждается на этом пути. Он будет очень агрессивен, несознателен, склонен к насилию. Он будет очень сексуален, примитивен, несознателен, он будет походить больше на робота, машину. У него нет, какого бы то ни было сознания. Вся его жизнь в том, чтобы есть, пить и иметь полового партнера. Он будет жить на очень примитивном уровне. Против физического эго настроена цивилизация, против этого настроена культура. Они говорят: Эго — не хорошо, отбросьте его. Они продолжают учить каждого ребенка, который родился на этой земле: Отбрось эго. Перестань быть агрессивным, перестань быть насильником. Не будь жесток, будь добр, симпатичен. Тогда эго начинает утверждаться на другом уровне — на уровне разума.

На уровне ума эго становится знанием, способностью к познанию, деньгами. Деньги выше, чем сексуальность. Поэтому те люди, которые начинают интересоваться деньгами, забывают о сексе: им секс больше не нужен и не интересен. Вся их сексуальность становится ориентированной на деньги... или власть, политику, амбицию.

Те люди, которые становятся политиками, трепетно относятся к власти, ради нее они могут пожертвовать и сексом, они могут принести в жертву все.

Они могут жертвовать на первом уровне, потому что им нужны все энергетические способности на втором уровне. Поэтому они устраняются на первом уровне, и их эго утверждается на втором. Все культуры зависят от этого. Действительно, все культуры используют эго как технику. Вытесните эго ребенка с первого уровня, и он станет эгоистичным

на втором, тогда он будет бороться за золотую медаль в университете, чтобы стать более знающим, чтобы стать первым в университете. Он становится агрессивен больше ментально, чем физически.

Религии зависят от вытеснения этого второго уровня эго так, чтобы эго начало утверждаться на третьем уровне — уровне я. Поэтому религии говорят: образование — ничто, политика — ничто, деньги — ничто, стать великим артистом — ничто, стать великим романистом — ничто, писателем — ничто. Тогда в чем же действительная сила? Действительная сила — сиддхи. Если вы можете творить чудеса, если вы касаетесь больного человека и он оживает, — тогда у вас есть кое-что. Если вы можете создавать вещи из ничего, если вы становитесь волшебником, тогда у вас есть кое-что. Поэтому религии вытесняют эго на втором плане, и тогда оно утверждается на третьем.

Дао говорит: эго должно исчезнуть со всех уровней. Необходимо понять, что оно не может найти другого способа для своего существования, т.е. не может найти другого прибежища для своего бытия. Когда эго исчезает полностью, вы впервые оказываетесь в новом качестве: теперь вы не существуете как индивидуальность — вы целое.

Когда эго исчезает, ваше тело становится иным, ваш ум становится иным, ваше я становится иным. Когда исчезает эго, приходит много вещей: во-первых, вы не отождествляете себя со своим телом.

Вы пребываете в теле, но вы — не тело. Когда исчезает эго, вы больше не отождествляете себя с умом. Вы пользуетесь умом, ум становится инструментом, прекрасным инструментом, но вы не отождествляете себя с умом. Когда исчезает эго, вы используете личность, но вы не отождествляете себя с личностью тоже. Вы остаетесь индивидуальностью: вы ходите, живете, как индивидуальность, но непрерывно осознаете, что волны — лишь видимость, а реален океан, что я — просто волна. Бог есть океан. Дао есть океан.

Вы как бы стоите в своем доме и смотрите наружу, вы стоите у окна. Рама окна становится рамой неба, хотя вы хорошо знаете, что у неба нет рамы. В современной живописи существует тенденция не обрамлять картины. В этом есть смысл: как только вы вставляете картину в раму, она становится искусственной, ибо сущее не обрамлено, не имеет рамок. Все рамки сделаны человеком, сущее не имеет рамок. Но если вы смотрите из окна, рама окна становится рамой неба, а небо не имеет рамок. И если вы всегда смотрели из окна и не выходили из дома, тогда, конечно, вы будете думать, что ограниченность окна есть ограниченность неба. Наблюдая из тела, вы становитесь обрамленным как бы внутри тела, — это просто окно. Наблюдая из ума, вы становитесь ограничены внутри ума — это снова просто окно. Наблюдая из я, вы замкнуты внутри я — это тоже просто окно.

Однажды, когда вы начнете выходить за пределы этих окон, вы узнаете, что даже небо — не предел для вас, — вы безграничны. Вы безграничны как целое — вы есть целое. Произойдет великая трансформация.

На уровне тела исчезнет сексуальность. Секс будет, но сексуальность исчезнет. Когда вы отождествляете себя с сексом, он становится сексуальностью. Когда же вы не отождествляете себя с сексом, тогда он так же прекрасен, как и все другое, но он не сексуален, — это просто секс, естественный секс. Животные не сексуальны, у них есть секс, но нет сексуальности. Если вы покажете псу откровенную картинку его подружки, он не заинтересуется ею, совсем не заинтересуется. Вы не сможете распространить журналы типа Плейбой среди животных, им это совсем не интересно, они не будут смотреть. Они не сексуальны, у них нет сексуальной фантазии, они об этом не думают. Их секс чист и прост, он не стал достоянием ума, он не вошел в их голову.

Когда секс проникает в голову, он становится сексуальностью. Когда секс есть секс, он прекрасен. Когда вы едите, потому что голодны — это прекрасно. Но когда вы одержимы едой, тогда вы — сумасшедший. Когда вы начинаете думать о еде, сидеть и медитировать с закрытыми глазами, грезить о еде, тогда — вы сумасшедший, тогда ваш голод вышел за пределы здравого ума. Если вы принимаете ванну — хорошо, но вы не думаете о ней весь день. Вы не фантазируете о том, как вы стоите под душем снова и снова; если вы это делаете, тогда что-то не так.

Сексуальность просто означает, что секс стал предметом ума, вошел в вашу ментальность. Все, что уходит за пределы своего центра, становится болезнью. Гурджиев любил повторять, что центры человека очень перепутаны. Если исследуете человека, то обнаружите большую путаницу: секс вы найдете в голове, где он не должен быть, там не его центр.

Человек вытеснил, изменил организацию внутри себя настолько, что если бы Бог осмотрел человека, он был бы просто удивлен, потому что он никогда не делал его таким. Изменилось все, изменилась целиком вся организация, а небольшое изменение, которое произошло, состоит в том, что все, что должно функционировать само по себе, больше само по себе не действует: оно нуждается в уме. Все происходит посредством ума, поэтому ум стал очень загрязнен, отравлен.

Если это исчезает из тела, есть две возможности. Первая — когда вы вытесняете это, тогда оно утверждает себя на уровне ума. Вторая - когда вы не вытесняете это, а просто осознали его, и благодаря осознанию оно исчезло. Тогда оно не будет утверждать себя нигде, и ваше тело изменится. Вы приближаетесь к новым возможностям. Ваше тело станет более восприимчивым, более податливым; для этого оно приобретет определенные новые качества: качество невесомости, как если бы гравитация больше не действовала на вас так, как она обычно действовала на вас раньше.

Когда секс больше не является сексуальностью, тогда он начинает действовать правильным образом, и постепенно сексуальная энергия начинает превращаться в энергию любви.

Любовь есть трансформация сексуальной энергии. Сексуальность — это вытеснение, а вытеснение никогда не бывает трансформацией, вытеснение - это регрессия.

Трансформация — совершенно иная вещь; вы достигаете более высоких уровней, и сексуальная энергия превращается в любовь. Человек становится более способным к любви и менее сексуальным. Он не думает больше в терминах сексуальности, его телесное сознание, телесный разум изменился, его тело стало зрелым. Действительно, если он смотрит на деревья, то находит их более зелеными, чем вы, потому что он стал более чувствителен. Если он смотрит на небо, оно становится более голубым и глубоким, чем видите вы. Вся жизнь становится великим таинством.

Иногда это происходит под действием наркотиков: ваши чувства становятся настолько обостренными, что вы не можете им поверить.

Когда Олдес Хаксли принял ЛСД в первый раз, он сидел перед стулом, и вдруг стул засиял всеми цветами радуги. Он не мог поверить своим глазам... обычный стул. Он видел этот стул годы: он всегда был в его лаборатории, но никогда не было никаких цветовых эффектов, никогда он не оживал. Теперь вдруг в нем оказалась какая-то собственная жизнь — столько цветов, так красиво. Ему захотелось обнять стул и спеть ему песню, станцевать для него. Обыкновенный стул может стать необычным.

Человеку нужны наркотики, потому что цивилизация притупляет его чувства. Сейчас — это проблема. Правительство, общество, политики — все они против наркотиков, но они сами являются источником проблемы, поскольку они создали такое безобразное человечество, что оно потеряло всю чувствительность. Теперь люди стараются обрести чувствительность другими путями, даже если это приводит к наркотикам. Наркотики вредны, но жить бесчувственным — значит не жить вообще. Жить, потеряв чувствительность, значит, жить очень тупой жизнью, мертвой жизнью. Пять тысяч лет цивилизации, пять тысяч лет культуры огрубели человечество настолько, что оно готово бунтовать против нее. Теперь политики и священники являются источником несчастья. Это они несут ответственность за то, что довели человечество до такого отчаянного состояния, что оно согласно использовать даже наркотики. И распространение наркотиков нельзя остановить до тех пор, пока людям не будет возвращена чувствительность. Наркотики исчезнут тогда, когда человек снова обретет чувствительность.

Мой подход такой: если вы чувствительны, вы не будете принимать наркотики. Зачем? Просто, чтобы повредить себе? Когда вы чувствительны, то если даже вам свободно предложат наркотики, вы не будете их принимать, потому что чувствительный человек ощущает свою чувствительность и без наркотиков. Огрубленный человек будет чувствовать,

что его чувствительность растёт, а человек чувствительный — что притупляется. Это относительно и зависит от вас. Если вы чувствуете себя хорошо от наркотиков, это просто показывает, что вы очень огрубели, а ощущение, будто ваша чувствительность от наркотиков растёт, ничего не значит совершенно, потому что они не делают вас чувствительными. Вам будет нужно все больше и больше наркотиков, все в больших и больших дозах, но основная проблема будет сохраняться. Основная проблема — как восстановить восприимчивость, чувствительность тела, как заставить свое тело снова ожить. Воскрешение тела необходимо, и это воскрешение возможно только тогда, когда вы перестанете использовать его как средство для эго.

Эго — величайший наркотик. ЛСД — ничто. Марихуана — ничто. Алкоголь — ничто. Эго держит вас под своим наркозом предельно сонным, предельно бессознательным.

Если тело достигает чувствительности, вы через тело обретаете радость, большую радость. Малые вещи станут восхитительными, простой душ будет так приятен, что вы почувствуете глубокую благодарность Богу — просто за душ. На вас падает вода, ее прохлада, свежесть — все это входит в вас.

Вы будете погружены в их красоту. Небольшие мелочи: есть, беседовать с другом, пожать руку друга, смотреть на небо, на деревья, просто плыть в реке или лежать на песке, загорая. Все становится таким радостным. Вся жизнь впитает в себя новые оттенки праздника. Вы будете способны петь и плясать, если воскреснет ваше тело.

Эго — это смерть тела. Эго должно исчезнуть. Когда эго исчезнет из вашего ума, тогда исчезает запас знаний, — появляется состояние знающего: у вас нет больше запаса знаний, но вы приобретаете способность знать. Куда бы вы ни смотрели, что бы ваши глаза ни видели, вы сможете видеть все глубже. У вас, возможно, не будет никакой информации, но ваше прозрение будет велико. Исчезают тексты, заимствованное знание становится бесполезным, но ваша способность узнавать возрастает. У вас есть внутренний светильник, и ваше сознание — незыблемо.

Запас знаний — это постоянное бурление, трескотня, болтовня внутри вас. Иногда вы бываете озадачены: почему вы продолжаете внутренний разговор? Зачем этот монолог? Для чего? И все же вы продолжаете крутить этот фильм снова, снова, снова.

Вы обдумывали мысли много раз, тогда почему вы возвращаетесь к ним опять? Для этого есть причина: только непрерывным повторением вы можете сохранить запас знаний, иначе ваши знания исчезнут. Непрерывным повторением, болтовней, бормотанием внутри себя вы укрепляете свои знания, иначе они бы исчезли, вы не смогли бы использовать их. Это — единственный путь обладать ими, потому что они заимствованы. Единственный путь обладать ими — повторять постоянно.

Но когда этого больше нет в уме, все барьеры исчезают. Ум становится зеркалом, он отражает реальность, и это ваш собственный опыт, поэтому вам не нужно непрерывно держать его в голове, вам нет нужды повторять это, это — ваше прозрение. Завтра у вас тоже будет возможность заглянуть в реальность тем же образом, возможно, гораздо глубже, поэтому время может дать вам глубину. Так зачем повторяться?

Человек знания никогда не несет ничего лишнего. Он может положиться на свое знание. Вы зависите от ваших знаний, поэтому вы должны всегда тащить чемодан с ними, иначе вы будете испытывать трудности каждую секунду. Если вы можете довериться самому себе, тогда нет никаких подобных затруднений. Вы можете просто заглянуть внутрь проблемы, и решение придет от нее, потому что каждая проблема содержит свое конструктивное решение. Оно не должно быть привнесено извне, проблема должна быть понята непосредственно, и тогда она даст вам решение.

Возникает молчание. Человек знания очень молчалив. Слова перестают течь в его сознании: спектакля нет, он не пребывает постоянно во внутренней беседе... и возникает осознание и праздник, — человек становится творческим. Вот что такое праздник: он причастен к Богу-творцу. Вот все, что касается праздника. Когда бы вы ни пребывали действительно в празднике, вы что-то творите. Что бы это ни было, вы творите нечто, вы становитесь участником созидания жизни.

А когда эго исчезнет на третьем уровне — на уровне я, — происходит великий взрыв. Это то, что дзен называет сатори, йога называет самадхи.

Когда в я исчезает я, когда вы заглядываете внутрь себя и никого там не находите, просто чистое знание, присутствие не-я, — вы прибыли домой.

В этом основной подход Дао: эго должно исчезнуть на трех уровнях. Эго ушло... тело становится храмом, ум — сокровенным алтарем, а я становится целым — сам Бог на алтаре. Вы становитесь религиозным, когда ваше тело храм, ум — алтарь, а вы никто иной, как сам Бог, весь целиком.

Просто дай дорогу...

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Словом эзотерический пользовались с каким-то особенным священным чувством. Не могли бы сказать, что заставляет вас использовать его, придавая оттенок юмористического и нелепого?

ОТВЕТ: Вопрос от йоги Чинмайи.

Слово эзотерический, означает скрытый — это нелепо, потому что нечего скрывать. Все очевидно, Бог очевиден. Если вы не можете его видеть, то не потому, что Бог скрыт, но потому, что вы держите свои глаза закрытыми. Есть солнце, есть свет. Если вы держите глаза закрытыми, тогда вы и солнце назовете эзотерическим. Это означает, что вы хотите признать, что у вас закрыты глаза. И возлагаете ответственность на само солнце. Что мы можем сделать, если Бог скрыт? Ответственность несет он. И священники очень любят это слово, потому что если Бог очевиден, тогда зачем нужны священники? Бог должен быть скрыт, а если не так, тогда он должен быть где-нибудь спрятан! Тогда возникает потребность в священнике — посреднике, который будет посвящать вас в вещи святые, который будет помогать вам, будет вести вас к скрытому миру истины.

Истина совершенно очевидна. В дзен говорят: с самого начала ничего не скрыто. Это есть декларация истины, потому что слово эзотерический нелепо и глупо.

А вы говорите: Словом эзотерический пользовались с каким-то особым священным чувством...

И так же не существует ничего священного. Жизнь проста, в ней нет ничего священного и ничего мирского. Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы помочь вам преодолеть противоречие между мирским и священным. Мирское - должно стать священным, а священное - мирским. Вот почему я настаиваю, что вы должны оставить себе часть мира рынка и медитировать. И медитация не должна быть отделена от жизни: она должна происходить среди жизни, она должна стать частью жизни — органической частью, а не чем-нибудь взятым отдельно. Ваш храм должен находиться в самой середине рынка, и все различия между священным и мирским должны быть устранены.

Жизнь едина.

Но снова приходит священник. Он хочет внести противоречия, он хочет разъяснить вам, что ваша жизнь ужасна, что ваша жизнь суетна, что вы — существо мирское. Он человек духовный, он представляет собой что-то высшее, стоящее над вами, для вас недостижимое. Он праведен, вы неправедны, он — святой, вы — грешник.

Эти различия должны быть созданы, эти различия от эго: кто-то богат, кто-то беден — тогда может существовать эго. Эго может существовать только при разделении на низшее и высшее: Этот мир погряз в грехе.

Человек, который живет обычной жизнью — любит жену, детей, ходит на работу — есть заурядное человеческое существо, осуждаемое священниками и так называемыми Махатмами. Они эксплуатируют так называемого заурядного человека, они живут за его счет, они сосут его, но они праведны, они духовны. Их руки никогда не бывают грязными, потому что они не работают, они не касаются жизни. Они остаются далеко в стороне, они праведны. А человек, который просто живет, — не праведный.

Если вы заглянете глубже, вы обнаружите: слово священный основано на разделении, идущем от эго.

Что священо, что несвящено? Если Бог везде, тогда все священо. Если Бог в камне, в дереве, в мужчине, в женщине, — тогда все священо. Бог везде и во всем. Бог — единственная реальность, тогда как может что-нибудь быть не божественным? Даже дьявол должен быть божественным. И в слове дьявол есть определенная красота: оно происходит от того же корня, что и слово божественный, дьявол должен быть божественен, иначе он просто не может быть.

Поэтому я хочу разрешить все противоречия, так как эго существует на разделении. Поэтому я не говорю о том, что священо, а что заурядно. По мне, ординарность есть экстраординарность, мирское — священо, повседневная жизнь есть жизнь праведная, поэтому я не использую слово эзотерический, оно нелепо.

Оно вредит многим людям, поскольку есть много людей, которые считают, что если в религии все ясно, тогда где они будут искать приключения для своего эго. Если нет ничего закрытого изначально, тогда их эго не бросает вызов. Деятельность эго вызывается только препятствиями. Они чувствуют себя очень хорошо, их эго в постоянной борьбе.

Что касается меня, Бог — реальная возможность, ничто иное так не доступно. Бог вовсе не недоступен. Он прямо перед вами, он не спрятан. Он держит вас за руку, он на вашей стороне. Он в вашем ребенке, в вашей жене, в вашем муже. Он в вашем враге, в вашем друге, он окружает вас везде: вы существуете в океане Бога. Но когда эгоист становится в тупик, он спрашивает: Тогда в чем же смысл? Эгоист готов идти к Луне, потому что это невозможно. Эгоист готов подняться на Эверест, потому что это невозможно.

До тех пор, пока вы не избавитесь от эго, вы никогда не увидите Бога.

Эго есть то, что я имею в виду, когда говорю, что ваши глаза закрыты. Эго — те шоры, которые их закрывают. Отбросьте шоры и вы обнаружите, что с самого начала ничего не было скрыто и нет ничего, что не было бы священо, какой же смысл вносить такое разделение? Я не вношу. Я не священник, не Махатма, не святой. Я совершенно обыкновенный человек, такой же обыкновенный, как все.

Вся моя работа состоит именно в этом: провозглашать, что обыкновенное человеческое бытие — божественно. Обыкновенные человеческие существа, подобные мне, — божественны. Вы божественны тоже.

ВОПРОС: Бхагаван, вы меня запутываете.

ОТВЕТ: Все, что я говорю, вы не слышите, отсюда и замешательство. Вы не слушаете, вы интерпретируете, вы вносите в это ваш рассудок. В вашем уме не прекращается постоянный комментарий: пока я говорю, вы постоянно комментируете это внутри себя. Ваш комментарий не позволяет мне достигнуть вашего сердца. Не все, что я в вас вливаю, достигает цели, достигают только фрагменты, многое теряется, отсюда и замешательство.

Понимание — не от интеллекта, это не сопутствующий результат мышления, обдумывания. Понимание возникает, когда вы слушаете меня целиком, как если бы все ваше тело стало ушами: ум, тело, душа — все вместе — прямо впитывают меня. Тогда возникает понимание. А понимание никогда не запутывается, оно не имеет возможности запутываться.

Вы должны усвоить один основной закон: чтобы ни случилось с вами, вы в ответе за это — и никогда кто-то другой — всегда вы. И это способ стать хозяином своей жизни. Если вы несчастны, помните: вы сами себя делаете несчастным. Возможно, есть внешний повод, но повод никогда никого не делал несчастным, пока он сам не хотел этого. И когда вы счастливы, тоже есть внешний повод. А если вы это поняли, вы обнаружите, что есть миллион внешних поводов, вы должны выбирать. Если вы хотите быть несчастным, если вам нужно страдание, если вы любите страдать, вы всегда можете найти предлог, — это очевидно. Мир дает возможности для любого настроения, для любого состояния сознания. Вы можете выбирать, но выбранное будет вашим.

ВОПРОС: Я хочу быть святой.

ОТВЕТ: Сама идея быть святой — нелепа. Амида, будь уверена, что это происки эго. Сама идея быть святой означает быть выше других — это противопоставление. Самой идеей вы хотите возвыситься над другими, другие не святые — Амида святая. Поэтому естественно, это всегда оборачивается хорошей девочкой — это неизбежно. Вы будете

сладенькой-сладенькой, а это одна из самых ужасных вещей, которая может случиться с личностью. Вся ваша жизнь может быть потеряна. Вы станете святой, но святой — это мертвый человек, это просто голое эго, благочестивое эго и ничего больше.

Поэтому не стремитесь быть хорошим, не стремитесь быть тем или другим, просто будьте, кем бы вы ни были. Помните это и живите этим. Если вы можете жить целиком, полно, не цепляясь ни за что позади, если вы безоглядно отдадитесь течению, ваша жизнь обретет аромат, и этот аромат я называю религией. Не надо ничего делать с праведным или не праведным, с добродетелью или грехом, — ничего. В этом аромат жизни текущей, жизни динамической; он принадлежит тому, кто не косен; тому, кто не разделен, у кого нет будущего, нет прошлого; тому, кто в одном настоящем, в едином мгновении — живет в нем. Живите каждым мгновением, как если бы в следующем вы могли умереть, и тогда возникнет огромная интенсивность, огромная страсть. Вы будете охвачены пламенем жизни. Эта жизнь в пламени и есть то, чем для меня представляется божественная жизнь.

Если вы спросите, каким у меня будет определение святого, я отвечу: святой — воспламененный жизнью, будто факел, горящий с обоих концов сразу. Великая страсть, великий огонь... Это мгновение последнее, почему же не жить в нем целиком? Если Бог подарит вам еще мгновение, оно будет опять последнее. Не ждите, не откладывайте.

В чем мое учение? В чем состоит Дао? В принятии жизни во всей ее полноте, Дао в том, чтобы не делить ее. Нет ничего плохого, ничего хорошего. Что бы ни случилось, пусть случается. Позвольте ему быть, не сопротивляйтесь.

Слово святой происходит от слова целый. Целый означает всеобщий. Корень очевиден: святой означает живущий цельной жизнью. Не старайтесь быть благочестивым, позволяйте себе все, тогда ваша жизнь будет богаче. Благочестивые люди приторны. Человеку тоже нужно немного соли, немного горечи, немного кислоты — это делает жизнь богаче. Человеку нужно немного от дьявола, тогда он живет более полно.

Если вы хотите рисовать, вы должны использовать много красок. Если вы пользуетесь только одной краской, ваша картина будет монотонной и скучной. Чем больше красок, тем более богатой будет картина. А если вы положите всего одну белую краску, ваша картина лишится всего. Даже черный цвет нужен, потому что сквозь черное, белый проступает звонко и ясно.

Поэтому я не учу вас быть добрым, я не учу вас быть злым, я учу вас только быть цельным. Быть цельным — значит, быть здоровым, быть цельным — значит, быть праведным.

Что случится, если человек, придерживающийся твердо определенного пути, например, последователь Гурджиева, столкнется с даосским Мастером?

Что происходит, когда река падает вниз, низвергаясь водопадом на твердые скалы? Если вы посмотрите, вы решите: эти скалы очень твердые, что река может сделать с ними, что может этот водопад сделать с ними? Но если вы придете через несколько лет, то обнаружите, что скалы исчезли, они превратились в песок. Мягкая вода одержала победу над твердыми скалами. Лао-Цзы называет это путь воды — путь мягкого, путь женственного.

Дао — путь мягкости, путь женского начала, путь воды. Путь Гурджиева — путь скалы. Если бы такое случилось, что даос и последователь Гурджиева встретились, сначала вы бы сказали, что последователь Гурджиева побеждает, но в результате вы бы неизбежно обнаружили, что он исчез, и даос одержал победу. Так было всегда. Вы не можете преодолеть мягкости. Возможно, на некоторое время вы сможете добиться определенной победы, но вы не можете действительно одолеть мягкость.

Мягкость невозможно победить. Мягкость так нежна, настолько готова устраниваться... вот почему ее нельзя преодолеть силой.

Лао-цзы говорит: Никто не может меня победить, потому что я уже побежден. Никто не может меня победить, потому что я вообще не жду победы. Как вы можете победить того, у кого нет желания быть победителем? Жесткий путь даосисты называют ваджрая на — алмазный путь... алмаз — самое твердое вещество в мире... это очень точное слово для него; но даже алмазный путь уступает дорогу воде.

Всегда было так, и хорошо, что так, это просто показывает, что Бог побеждает. Побеждает

смиренный, побеждает кроткий. Христос говорил: Блаженны кроткие, их есть царство небесное.

Гурджиевский путь — путь воли. Он — в том, чтобы доводить все до последнего шага. Он доводит вас точно до последнего шага, но последний шаг суждено сделать даосу, потому что с помощью вашей воли вы можете дойти до вершины вашей воли, а потом нужно отказаться от воли, она должна быть сдана. То, что необходимо, является последним шагом на пути воли, является первым шагом на пути подчинения. Поэтому тот, кто мудр, выбирает путь подчинения, потому что незачем бороться так упорно и так долго, чтобы потом, наконец, расслабиться и от всего отказаться. Если вы не способны расслабиться, ладно — тогда вы идете по пути воли, но путь подчинения — просто самый мудрый путь, значит — это путь наименьшего сопротивления и даже непротивления.

ВОПРОС: Вы говорите, что вы — весь свет. А как насчет вашего имени властелин ночи?

ОТВЕТ: Просто одна из совместимых несовместимостей.

ВОПРОС: Со времени первой беседы я заметил, что вы всегда смотрите вверх перед тем, как начать беседу. Я думал, что в этом было что-то мистическое, что вы обращались к Богу. Поэтому сегодня утром я поднялся на кафедру и посмотрел. Как хорошо я посмеялся. Спасибо, Бхагван, вы — обманщик.

ОТВЕТ: Я не смотрю на Бога, потому что Бог везде, нет способа избежать его. Вы не можете смотреть ни на что другое, Бог везде. Когда я смотрю на вас, я смотрю на Бога. Когда я смотрю на дерево, я смотрю на Бога. Когда я закрываю глаза, я смотрю на Бога, потому что только Бог и существует. Бог для меня — синоним существования, потому я не могу искать Бога где-то.

Я не могу посмотреть никуда без того, чтобы не посмотреть на Бога, поэтому не нужно каких-то способов, чтобы увидеть Бога. Просто наблюдайте, но не ищите чудес... и величайшее чудо явится вам.

Я не фокусник. Чудес не бывает вообще. Так давайте откажемся от них раз и навсегда. Просто начнем видеть вещи такими, какие они есть, не стараясь обнаружить какое-нибудь чудо, не создавая фантастических историй, не слишком полагаясь на воображение, и я могу обещать вам, что если вы прекратите создавать чудеса, чудо Бога явится вам. Тогда все будет волшебным: деревья, птицы, луна, скалы, солнце, звезды... все волшебным. Что еще вы можете пожелать? Какое чудо — прорастающее семя, что вам еще надо? Мужчина, женщина, ребенок — это такое чудо, но из-за ваших фантазий ваши глаза стали слепы.

Хорошо, что вы пришли и посмотрели: там нет ничего, кроме часов. А часы нужны, потому что мои внутренние часы остановились много лет назад. Для меня время исчезло, поэтому я должен полагаться на часы, должен снова и снова смотреть на них. Мое внутреннее чувство времени полностью ушло. В день, когда исчезнет ваше прошлое и будущее, ваше чувство времени исчезнет тоже, потому что настоящее не принадлежит времени — настоящее принадлежит вечности.

Кто-то спросил Иисуса: Можешь ты нам сказать, что будет самое важное в царстве небесном? И он ответил: Там прекратится время.

В царстве небесном нет времени. Время — иллюзия ума. Время есть ум. В день, когда ваш ум остановится, исчезнет время. Тогда вы будете постоянно полагаться на внешние часы, потому что во внутреннем мире просто вечное теперь, там ничего не движется. Всегда настоящее, просто настоящее, оно никогда не становится прошлым, оно никогда не становится будущим. Ничего не двигается внутри меня. Будущее не оборачивается настоящим, настоящее не оборачивается прошлым. Внутренние часы остановились. Одного молодого человека спросили: который час?

— Без пятнадцати минут, — ответил он.

— Без пятнадцати минут чего?

— Я не знаю, — ответил он, — время приносило мне столько плохого, что пришлось отломить одну стрелку.

Если так, если у вас на часах лишь одна стрелка, тогда вы можете только сказать: Без пятнадцати, без двенадцати, полчаса... — но чего? Полчаса чего — этого сказать

невозможно. А на моих часах время приносило столько хлопот, что мне пришлось отломить обе стрелки, обе стрелки исчезли.

Однажды один сумасшедший подарил мне часы. Он сказал мне:

— У меня есть совершенно необычные часы для вас. Их не нужно ни ремонтировать, ни заводить. У них нет стрелок, они не отсчитывают секунд, у них нет циферблата.

— Но как вы можете узнать, который час? — спросил я его.

— Очень просто, спрашиваю у кого-нибудь.

Так и я должен постоянно спрашивать. После каждого вопроса мне нужно посмотреть вверх. Я не выискиваю Бога, я смотрю на совсем прозаическую вещь — на часы.